

А. Хатт

**АНГЛИЙСКОЕ
ПРОФСОЮЗНОЕ
ДВИЖЕНИЕ**

АЛЛЕН ХАТТ

АНГЛИЙСКОЕ ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ

(КРАТКАЯ ИСТОРИЯ)

Перевод с английского

Редакция и предисловие
Н. В. МАТКОВСКОГО

И * Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва — 1954

ALLEN HUTT

BRITISH TRADE UNIONISM

(A Short History)

LONDON, 1952

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современной Англии на долю профсоюзов и всего рабочего движения выпадают ответственные задачи в борьбе за улучшение жизненных условий трудящихся, за мир и демократию. Именно поэтому буржуазия стремится подчинить профсоюзы своему идеологическому влиянию, не допустить их демократизации, старается создать превратное представление о борьбе английского рабочего класса как в прошлом, так и в настоящем.

Истории развития и деятельности английских тред-юнионов посвящено немало работ английских буржуазных историков и социологов. В частности, много внимания уделили вопросам рабочего движения в Англии известные английские общественно-политические деятели супруги Сидней и Беатриса Уэбб. Но в трудах Уэббов, как и в последующих работах английских буржуазных либеральных и лейбористских историков, не было дано правильной, объективной оценки истории развития рабочего и профсоюзного движения в Англии.

Современные же буржуазные историки и социологи, занимающиеся исследованиями в области рабочего движения, такие, как Фландерс, Бароу, Ингланд и другие либерально-лейбористские профессора, а также нынешние официальные руководители лейбористской партии и тред-юнионов, значительно более тенденциозно, чем супруги Уэбб, освещают факты из прошлого тред-юнионов, всячески искажают действительность. Объективное изучение явлений общественной жизни они в большинстве случаев подменяют фальсификацией и лжесоциалистической демагогией. Таковы, например, вышедшие в последние годы книги Г. Ласки «Тред-юнионы в новом обществе», Б. Ингланд «Проблемы профсоюзного движения в Англии» и другие.

Буржуазные историки и политики, искажающие историю английского рабочего движения, отрицают преходящий характер капитализма, проповедают открыто или в завуалированной форме «теории» классового сотрудничества пролетариата с предпринимателями, всячески извращают подлинную историю развития английских трудящихся, приписывают роль пролетариата в общественно-политической жизни страны.

Предлагаемая вниманию читателя книга Аллена Хатта «Английское профсоюзное движение» ценна тем, что в ней, в отличие от буржуазной исторической литературы, изданной в Англии по данному вопросу, история длительной борьбы английского рабочего класса за свои права, за свои экономические и политические интересы освещена с подлинно научных позиций, с позиций марксизма-ленинизма.

Автор ее — старейший член компартии Англии, более трех десятилетий активно участвующий в этой борьбе в качестве журналиста-партийного работника. Его имя уже известно советскому читателю по книге «Положение рабочего класса Англии», написанной в 1933 году и переведенной на русский язык в 1934 году. В этой книге А. Хатт, в противоположность лейбористским и либеральным авторам, например Феннеру Броквею, написавшему работу под весьма выразительным названием «Голодная Англия», не ограничивался простым описанием, а глубоко вскрывал язвы, разъедающие современный общественный строй Англии.

Предлагаемая вниманию читателя работа А. Хатта впервые была издана в 1941 году; с тех пор автор неоднократно перерабатывал ее и дополнял новым фактическим материалом. Эта книга выдержала в Англии четыре издания. Русский перевод сделан по последнему изданию, вышедшему в 1952 году. Книга А. Хатта «Английское профсоюзное движение» представляет значительный интерес для советских читателей. В процессе работы над книгой автор собрал большое количество исторических фактов, цифр, данных, взятых из самой жизни и разоблачающих антирабочую политику и практику правых лидеров трудящихся; эти материалы показывают антидемократические порядки, процветающие в трудящихся организациях, усиление процесса относительно и абсолютного обнищания английского пролетариата.

Большой заслугой автора является то, что он, исходя из высказываний классиков марксизма-ленинизма по важнейшим проблемам рабочего движения, в том числе и рабочего движения в Англии, обобщил весь этот обширный фактический материал, нарисовал живую и яркую картину борьбы английского пролетариата в течение последних полутора веков.

Книга А. Хатта является результатом большой, кропотливой исследовательской работы. Так же как и предыдущая, эта книга написана популярно и рассчитана на массового читателя, что ни в коей мере не снижает ее научных достоинств.

Книга охватывает период с 1799 года по 1951 год и состоит из 4 частей: а) революционный период в истории профсоюзного движения — до 1850 года; б) 1850—1880 годы — период расцвета цеховых профсоюзов, основывавшихся на промышленном превосходстве Англии; в) 1880—1914 годы — «новый юнioniзм» в начальный период эпохи империализма и г) 1914—1951 годы — период, охватывающий первую мировую войну, победу Великой Октябрьской социалистической революции в России, годы общего кризиса капитализма.

Такая периодизация дает правильную ориентировку для выяснения особенностей развития английского рабочего и профсоюзного движения.

Рассматривая период с 1799 по 1850 год, А. Хатт показал влияние промышленного переворота в Англии на положение и борьбу рабочего класса, широко использовал непревзойденные по глубине анализа фактического материала работы Маркса и Энгельса «Капитал» и «Положение рабочего класса в Англии».

В этот период профсоюзные организации страны носили боевой характер, они являлись школой, закаляющей рабочий класс в ходе активной борьбы за свои права.

Автор отмечает роль профсоюзов в чартистском движении, политический и революционный характер борьбы английских рабочих — особенно текстильщиков и горняков — за всеобщее избирательное право под знаменем Народной хартии.

Второй период (1850—1880 годы) — это период, когда английский капитализм, добившись промышленной монополии, широко стал применять подкуп верхушки рабочего класса за счет сверхприбылей, получаемых в ре-

зультате монопольного положения на мировом рынке и жестокой эксплуатации колоний. Это период расцвета цеховых профсоюзов. Реформистское руководство, сложившееся к этому времени в английском рабочем движении, дезорганизует рабочее движение, раскалывает и пре-
дает его.

Следующий период истории английского профсоюзного движения (1880--1914 годы) отражает процесс перерастания капитализма в его последнюю, империалистическую стадию. Если до этого подкуп верхушки рабочего класса являлся исключительно английским явлением, то теперь он стал практиковаться во всех империалистических странах. В английском рабочем движении этот период характеризуется появлением «нового юнионизма». Говоря о причинах появления «нового юнионизма», автор правильно связывает его с общим социальным кризисом в Англии.

Освещая деятельность тред-юнионов в период, начавшийся в 1914 году, автор обстоятельно показывает значение движения цеховых старост (шоп-стюардов), возникшего в годы первой мировой войны. Деятельность цеховых старост, например на предприятиях промышленного района Клайда, была настолько активной, что правительство вынуждено было считаться с этим движением. Однако цеховые старосты в большинстве случаев не находили поддержки со стороны руководящей верхушки тред-юнионов.

Значительный интерес представляет глава, в которой освещается влияние Великой Октябрьской революции в России на борьбу английского рабочего класса за свои права. Автор приводит данные, свидетельствующие об огромном росте стачечного движения в Англии после первой мировой войны. Многие страницы книги посвящены движению, проходившему под лозунгом «Руки прочь от Советской России», продемонстрировавшему классовую солидарность русского и английского пролетариата. Под давлением со стороны трудящихся масс Англии в апреле 1925 года был создан Англо-Советский профсоюзный комитет, просуществовавший до сентября 1927 года. Работа этого комитета, осуществлявшего связь между английскими и советскими профсоюзами, была прекращена в результате отказа Генсовета Конгресса тред-юнионов продолжать сотрудничество с профсоюзами СССР.

Несомненный интерес представляют главы, в которых освещается рабочее движение в Англии в период второй мировой войны. В них собран и обобщен значительный материал, показывающий борьбу рабочего класса Англии против стремления реакционных правящих кругов проводить в ходе войны прежнюю, мюнхенскую политику.

Правые лидеры тред-юнионов Ситрин, Тьюсон, Дикин, Бевин и другие главную свою заботу в годы войны, как и в мирное время, видели в том, чтобы укреплять позиции английского монополистического капитала, поддерживать наступление буржуазии, которая использовала трудовой порыв рабочих, вызванный их стремлением ускорить разгром фашизма, в целях усиления эксплуатации и извлечения максимальных прибылей.

Огромное влияние на английский пролетариат имел вдохновляющий пример рабочего класса и всех трудящихся Советского Союза. На ежегодном конгрессе британских тред-юнионов в сентябре 1941 года единодушно была принята резолюция, призывавшая к солидарности с советским народом. Конгресс одобрил предложение о создании Англо-Советского профсоюзного комитета, деятельность которого принесла определенные положительные результаты.

Социальной основой оппортунизма, основой всех тех бесстыдных сделок с буржуазией, которые совершали и совершают вожди лейбористской партии и тред-юнионов, является рабочая аристократия, которая насквозь пропитана буржуазными предрассудками и придерживается определенной буржуазной реформистской политики.

Большая заслуга А. Хатта заключается в том, что он убедительно сумел разоблачить антирабочую деятельность реакционного руководства английских тред-юнионов. Высокопоставленные реакционные лидеры современного английского профсоюзного движения, такие, как Дикин, Тьюсон, Уильямсон и К°, как и их предшественники, олицетворяют собой именно тот тип защитников буржуазии, за которым укрепилась кличка «рабочих приказчиков класса буржуазии». Они всегда пользовались заслуженным доверием английской буржуазии, английского монополистического капитала. В. И. Ленин метко охарактеризовал подобных профсоюзных лидеров как агентов международного империализма, действующих внутри рабочего движения, проводящих в нем буржуазное влия-

ние, буржуазные идеи, буржуазную ложь и буржуазный разврат. Факты из истории английского тред-юнионистского движения, приведенные в книге А. Хатта, включая и факты, взятые из истории последних десятилетий, полностью подтверждают эту глубокую ленинскую характеристику правых лидеров английских тред-юнионов и лейбористской партии.

Правые лидеры тред-юнионов и лейбористской партии всегда выступали и выступают в роли носителей и проповедников буржуазной идеологии в рабочем движении.

Тред-юнионистские лидеры изображают капитализм как такой общественный строй, который якобы основан на высших принципах «справедливости, братства и мира». Основой их идеологической концепции является отрицание противоположности интересов пролетариата и буржуазии, отрицание классовой борьбы. Неслучайно сама лейбористская партия рассматривается ее руководителями как организация надклассовая, как наследница традиций старой либеральной партии.

Выступая в качестве оруженосцев империализма, рьяных защитников и проповедников буржуазной идеологии, правые лидеры тред-юнионов и лейбористской партии выдвигают разного рода лжесоциалистические теории так называемого «демократического социализма», «промышленной демократии» и т. п., они проповедают также космополитические идеи отказа от национального суверенитета, поддерживая разного рода агрессивные блоки и пакты, и прежде всего Северо-атлантический пакт, так называемое Европейское оборонительное сообщество и так далее.

Убедительно разоблачает автор реакционную сущность мондизма, являющегося одной из форм осуществления соглашательской политики классового сотрудничества в промышленности. Эта политика проводилась реакционными лидерами тред-юнионов задолго до того, как один из крупнейших представителей монополистического капитала Монд попытался придать ей искуую «теоретическую» оболочку. Эта политика проводится в том или ином виде и по сей день. С помощью этих «теорий» тред-юнионистские и лейбористские идеологи пытаются скрыть и замаскировать систему капиталистических прибылей и эксплуатации рабочего класса, поддержать обанкротившиеся капиталистические порядки.

В соответствии с пресловутыми теориями мондизма, «демократического социализма», «промышленной демократии» и другими теориями классового сотрудничества в современной Англии в самых разнообразных формах и видах практикуется «участие» тред-юнионов в «управлении» производством. На практике это «участие» означает подчинение тред-юнионов монополистическому капиталу через разного рода объединенные производственные комитеты, комитеты по занятости (помогают правительству мобилизовывать рабочих в военную промышленность), консультативные советы, арбитражные трибуналы, через управления «национализированными» отраслями промышленности.

Используя неопровержимые факты, А. Хатт показывает в своей книге, что реакционные лидеры английских тред-юнионов проводят политику раскола и дезорганизации сил рабочего класса не только внутри страны, но и на международной арене. Выступая в качестве агентуры не только английского, но и американского монополистического капитала, они стремились противодействовать созданию Всемирной федерации профсоюзов, пытались сохранить штрейкбрехерский Амстердамский профсоюзный интернационал. Когда же Всемирная федерация профсоюзов, вопреки стараниям правых лидеров английских тред-юнионов, была создана, они стали проводить подрывную работу внутри Федерации, а также в профсоюзном движении стран Западной Европы. С их помощью был осуществлен раскол профсоюзного движения в Италии и Франции и созданы штрейкбрехерские организации в этих странах. Они же содействовали созданию реакционных профсоюзов в Западной Германии.

Реакционные лидеры английских тред-юнионов являются надежными помощниками английских империалистов в деле подавления национально-освободительного движения в колониях. Они помогают колониальной администрации создавать правительственные профсоюзы, используемые в качестве опоры колонизаторов. С их помощью колониальные власти разогнали Всеазиатскую федерацию профсоюзов.

Не сумев расколоть Всемирную федерацию профсоюзов изнутри, правые лидеры английских тред-юнионов совместно с профсоюзными боссами США создали профсоюзный интернационал штрейкбрехеров, так называемую

Международную конфедерацию свободных профсоюзов, действующую в качестве орудия агрессивных кругов США и Англии.

У советского читателя при чтении книги А. Хатта может возникнуть законный вопрос: на чем же зиждется сила правых лидеров тред-юнионов? Почему им все же удается, вопреки желаниям и настроениям рядовых членов тред-юнионов, в большинстве случаев проводить через конгрессы тред-юнионов такие решения, которые угодны правящим классам? В ряде разделов книги А. Хатта содержится материал, помогающий ответить на этот вопрос.

Сила и влияние правых лидеров тред-юнионов и профбюрократического аппарата как в прошлом, так и в настоящем основывается прежде всего на разобщенности рабочего, профсоюзного движения в стране, на живучести социал-демократических традиций, на непрерывном утонченном воздействии буржуазной идеологии на рабочий класс, на существовании значительного слоя рабочей аристократии, подкупленной буржуазией и пропитанной буржуазными предрассудками. Профсоюзные боссы прекрасно понимают значение единства рабочего класса и поэтому принимают все меры к тому, чтобы помешать объединению рабочих, дезорганизовать, распылить его силы.

Вся структура Британского конгресса тред-юнионов, вся довольно сложная бюрократическая машина тред-юнионизма подчинена тому, чтобы обеспечивать проведение такой политики и принятие таких решений на конгрессах, которые отвечали бы интересам правящих классов. Не удивительно поэтому, что бюрократическая верхушка Конгресса тред-юнионов всячески старается увековечить архаические пережитки цеховщины в структуре профсоюзов, при которой рабочие той или иной отрасли промышленности искусственно разобщены по узкопрофессиональным признакам в отдельные мелкие, иногда просто карликовые профсоюзы, в которых насчитывается по три тысячи человек или даже того меньше. В текстильной промышленности, например, насчитывается свыше сотни различных профсоюзов — почти каждая профессия объединяется в отдельный профсоюз, совершенно не связанный с другими такими же мелкими профсоюзами. Вследствие этого нередко получается так, что на одном и

том же предприятии существует до десяти различных профсоюзных организаций. На 85 конгрессе тред-юнионов в сентябре 1953 года приводились характерные цифры, свидетельствующие о разобщенности английского рабочего класса. Так, например, в табачной промышленности занято свыше 42 тысяч человек, но только 21 тысяча состоит в основном профсоюзе, а 15 тысяч состоят в трех других профсоюзах. 6 тысяч рабочих табачной промышленности вообще не являются членами профсоюза. Из приведенных фактов видно, что подобная разобщенность рабочих как в общенациональном масштабе, так и внутри отдельных отраслей промышленности мешает коллективным выступлениям рабочего класса в борьбе за свои настоящие интересы.

Для того чтобы стало яснее, каким образом правым лидерам, вопреки воле широких профсоюзных масс, удастся протаскивать на конгрессах тред-юнионов удобные буржуазии решения, необходимо указать на антидемократическую систему голосования на заседаниях конгресса. На конгрессах тред-юнионов исход голосования решают реакционные лидеры крупнейших тред-юнионов, такие как Дикин, генеральный секретарь профсоюза транспортных и неквалифицированных рабочих, Уильямсон, генеральный секретарь профсоюза чернорабочих и коммунальчиков, Э. Джонс, сменивший недавно ушедшего в отставку Лоутера на посту председателя профсоюза горняков. Их слово является решающим, так как при так называемом голосовании по мандатам, то есть при таком голосовании, в котором участвуют лидеры тред-юнионов, а не делегаты, а голос лидера приравнивается к количеству всех членов данного тред-юниона, они имеют в своем распоряжении около 3 миллионов голосов.

Такие же порядки существуют на ежегодных конференциях лейбористской партии. Делегаты этих конференций располагают почти 6 миллионами голосов, из которых свыше 5 миллионов принадлежат «коллективным членам», то есть в основном профсоюзам. Таким образом, и на конференциях лейбористской партии решающее слово принадлежит все тем же реакционным лидерам тред-юнионов. Вершиной делами группа профсоюзных боссов — Артур Дикин, Том Уильямсон, Винсент Тьюсон и Эрнст Джонс — которая на конференциях лейбористской партии располагает большим количеством голосов.

То обстоятельство, что основным источником финансирования лейбористской партии является профсоюзная касса, дает реакционной профсоюзной верхушке возможность навязывать конференции лейбористской партии свои установки. Характерным в этом отношении является следующий эпизод, имевший место на ежегодной конференции лейбористской партии в 1952 году. Когда делегаты конференции устроили обструкцию Дикину, последний, рассвирепев, угрожал делегатам: «Нет! Вы будете меня слушать, если хотите получать профсоюзные деньги». Это был хозяйский окрик, возымевший свое действие.

В руководящем органе лейбористской партии — Исполкоме — решающее слово также остается за профсоюзными боссами. Из 26 избираемых членов Исполкома минимум 17 — ставленники профсоюзных лидеров. 12 членов Исполкома избираются профсоюзами и, по словам журнала «Нью стейтсмен энд пейнш», «являются второстепенными фигурами, призванными блюсти интересы своих боссов». 5 мест в Исполкоме лейбористской партии зарезервированы за женщинами, которые избираются всей конференцией, то есть фактически голосами блока крупнейших тред-юнионов. Ясно, что при таких порядках результаты голосования на конгрессах тред-юнионов и конференциях лейбористской партии не отражают истинных настроений английского рабочего класса. Передовая часть английского рабочего класса все более активно выступает за международное единство рабочих, против антирабочей, антинародной, антинациональной политики, проводимой империалистической реакцией.

Вопреки коварным действиям тред-юнионистских раскольников, вопреки их клеветнической кампании, все более широкие слои английских рабочих осознают важное значение Всемирной федерации профсоюзов, объединяющей трудящихся в борьбе за мир, демократию, свободу, против наступления монополий.

На третьем Всемирном конгрессе профсоюзов присутствовали, несмотря на строгий запрет со стороны Генсовета, наблюдатели от английских профсоюзов. В своих выступлениях на конгрессе они подчеркивали стремление рядовых членов профсоюзов к единству в борьбе за мир, за улучшение жизненных условий трудящихся.

Достоинством книги А. Хатта является также то, что в ней наглядно показано, как все более углубляется и расширяется пропасть, разделяющая обуржуазившуюся верхушку тред-юнионов и массу рядовых членов. Даже буржуазная пресса вынуждена теперь писать о том, что антагонизм между верхушкой тред-юнионов и низами обостряется, что «руководители профсоюзов и простые рабочие составляют два отдельных класса».

Внесенные резолюции и выступления на многих отраслевых профсоюзных конференциях, прошедших в 1953 году, свидетельствуют о том, что, несмотря на ухищрения английской буржуазии и ее лейбористских и тред-юнионистских агентов, в рабочем движении происходят серьезные сдвиги.

Рядовые члены тред-юнионов на собственном опыте все больше убеждаются в том, что подлинным хозяином правых лидеров Генсовета тред-юнионов является штаб монополистов — Британская федерация промышленников.

Хотя современные реакционные лидеры лейбористской партии и тред-юнионов накопили немалый опыт по части обмана трудящихся масс и социальной демагогии, события как в самой Англии, так и на международной арене развиваются в направлении, противоположном тому, по которому их желает направить агентура буржуазии в рабочем движении. Английские рабочие, так же как рабочие других капиталистических стран, все более решительно требуют единства трудящихся всего мира в борьбе за осуществление коренных интересов трудящихся, за ослабление напряженности в международной обстановке.

Вопреки широко развернутой социальной демагогии, невзирая на репрессии и преследования, английский рабочий класс делает для себя необходимые выводы из уроков богатой истории его борьбы за свои права, из уроков истории международного рабочего и профсоюзного движения.

Следует, однако, учитывать, что в английских тред-юнионах оппортунизм, соглашательство, реформизм, сектантство пустили очень глубокие корни, что английская буржуазия и ее агентура внутри рабочего движения являются весьма изощренными по части обмана трудящихся. Все это не могло не наложить отпечатка на развитие английского рабочего и профсоюзного движения.

Не следует упускать из вида также и тот факт, что огромное деморализующее влияние на рабочее и профсоюзное движение Англии оказывает агентура не только английского монополистического капитала, но и агенты американских монополий. Представители Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов действуют заодно с реакционными лидерами английских тред-юнионов. Их сотрудничество зашло так далеко, что в Англии был даже создан так называемый Англо-американский совет по увеличению производительности труда, в который входят наряду с лидерами профсоюзов Англии и США представители американских и английских монополий.

В книге А. Хатта убедительно показано, как в недрах английских тред-юнионов Англии зреют и все более активно проявляют себя прогрессивные силы, в первых рядах которых идут английские коммунисты.

Английский рабочий класс и его авангард — коммунистическая партия — вот та решающая сила, которая может избавить Англию от нависшей над ней угрозы национальной катастрофы экономического, политического и военного закабаления американским империализмом.

Опасаясь усиления левых боевых сил в рабочем движении Англии, Генсовет и Исполком лейбористской партии принимают все меры к тому, чтобы изолировать коммунистическую партию от профсоюзов. Книга А. Хатта содержит немало ярких иллюстраций того, как рьяно выступали и выступают макдональды и моррисоны против присоединения компартии к лейбористской партии и даже против того, чтобы члены компартии представляли свои профсоюзы на конференциях лейбористской партии. Однако вопреки антикоммунистическим циркулярам штаб-квартиры лейбористов и Конгресса тред-юнионов, местные организации тред-юнионов и лейбористской партии выражают желание работать со всеми, кто хочет мира и дружбы с другими странами.

В последних главах книги А. Хатта, к сожалению, мало внимания уделено экономическому положению Англии, борьбе рабочего класса за мир.

Можно было бы подробнее осветить забастовочное движение в послевоенной Англии. Наступление монополистического капитала на жизненный уровень и права рабочего класса вызывает отпор со стороны рабочих.

В 1953 году, как и в предыдущие годы, в Англии более 5 миллионов рабочих боролись за повышение заработной платы.

В начале декабря 1953 года 24-часовая забастовка рабочих машиностроительной и судостроительной промышленности охватила все промышленные центры страны. Прекратили работу, полностью или частично, более 2 400 заводов и фабрик. В забастовке приняло участие более 2 миллионов рабочих, добивавшихся повышения заработной платы на 15 процентов. Буржуазная печать вынуждена была признать, что это была крупнейшая стачка в Англии со времени всеобщей забастовки 1926 года. Английские трудящиеся усиливают движение в пользу переговоров между Всемирной федерацией профсоюзов и так называемой Международной конфедерацией свободных профсоюзов, настойчиво требуют развития торговли между Востоком и Западом. Уже первые месяцы 1954 года ознаменовались активными выступлениями рабочих электропромышленности и докеров за повышение заработной платы.

Можно выразить сожаление о том, что автор ограничился лишь беглым обзором материального положения английских трудящихся в годы после второй мировой войны и не показал в полной мере взаимосвязь кризиса современной экономики Англии и ухудшения материального положения трудящихся с той политикой, которую проводят ее правящие классы. Правящие классы Англии, осуществляя политику гонки вооружений; при содействии реакционной верхушки тред-юнионов и лейбористской партии ведут наступление на жизненный уровень трудящихся. С 1939 года по 1952 год цены на продовольствие возросли в 2—3 раза, так, например, цены на картофель увеличились на 250 процентов, на солонину — на 250, на птицу — на 400 процентов и т. д. Как сообщала газета «Ньюс кроикл», за 1952 год стоимость жизни в Англии возросла в большей степени, чем в любой другой стране Западной Европы, исключая Норвегию. По сравнению с довоенным уровнем реальная заработная плата сократилась более чем на 20 процентов.

В то же время гонка вооружений приносит баснословные прибыли капиталистам. Прибыли отдельных монополий возросли с того времени, как правящие круги приступили к осуществлению политики «холодной войны»,

более чем в пять раз. В погоне за высокими прибылями капиталисты усиливают интенсификацию труда рабочих. Прогрессирующее ухудшение материального положения рабочих усугубляется значительной безработицей, которая увеличивается в результате сокращения уровня гражданского производства.

В послевоенной Англии рабочий класс испытывает тяжелый жилищный кризис. Как сообщала в октябре 1953 года газета «Таймс», в Англии и Уэльсе насчитывается примерно 1 миллион домов, которые настолько стары, что их уже нельзя отремонтировать. В частности, в Манчестере, по данным, взятым из другого источника, 40 процентов частных домов еще в 1930 году были признаны негодными для жилья. Однако с тех пор не произведено никакого ремонта, и люди продолжают ютиться в трущобах.

Мало уделено в работе внимания раскрытию значения новой программы компартии «Путь Британии к социализму» для развития рабочего и профсоюзного движения в Англии. Компартия Великобритании, выработав свою программу «Путь Британии к социализму», вооружила наиболее передовые, трезво оценивающие положение свои рабочего класса чрезвычайно важным оружием в борьбе за будущее Англии. Огромное значение этой программы состоит в том, что она раскрывает перспективы и указывает путь, по которому следует идти английскому народу, чтобы избавиться от грозящей экономической катастрофы и избежать новой мировой войны, подготовляемой американскими агрессивными крутами. Программа показывает, как можно достигнуть цветущей экономики, как устроить жизнь в новом, братском содружестве с народами всего мира.

В целом работа А. Хатта — нужная и интересная книга. Опубликованные в ней материалы свидетельствуют о том, что боевой дух и лучшие традиции борьбы трудящихся Англии живут и развиваются в современном английском профсоюзном движении. Она напоминает молодым английским рабочим о славных традициях борьбы их отцов и дедов за демократические права, за классовые интересы трудящихся масс. Книга А. Хатта свидетельствует о творческом росте английской марксистской исторической науки.

Н. Матковский.

АЛЛЕН ХАТТ

АНГЛИЙСКОЕ
ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

В третьем издании книги (1945 г.) была добавлена «совершенно новая заключительная глава»; в настоящем, четвертом, издании книги добавлена еще одна глава, доводящая изложение истории тред-юнионов до наших дней.

Я воспользуюсь случаем указать, что деление истории английских тред-юнионов на четыре периода сделано с целью показать четыре стадии в развитии этого движения, которые, в свою очередь, являются отражением различных стадий в развитии социальных и экономических отношений. *Первый* период можно кратко охарактеризовать как период революционный (хотя и не весь он был в равной степени революционным); *второй* период был периодом формирования и расцвета классического цехового тред-юнионизма, который дал первые устойчивые национальные союзы, и, хотя они были продуктом реформизма, они успешно провели борьбу на широкой демократической основе как в национальном, так и в международном масштабах; *третий* период отмечается появлением «нового юнионизма», массовой организации неквалифицированных рабочих, и в результате этого всеобщим оживлением и распространением тред-юнионизма; *четвертый* период начался тогда, когда в связи с войной 1914 года национальное руководство движением (может быть, мне следовало бы сказать просто «верхушка» профсоюзной бюрократии) окончательно стало рассматривать себя «частью социальной машины государ-

ства» и стало выполнять все те функции, которые оно приняло на себя в результате одобрения им политики правящих классов. Впереди – *пятый* период, когда в результате победы единства и дальновидной политики тред-юнионизм будет играть новую и исключительно важную роль.

Дж. А. Хитт.

Риджентс-Парк, декабрь 1951 года

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД

Глава I

ПРОФСОЮЗЫ КАК ШКОЛЫ БОРЬБЫ

(1800 - 1850 гг.)

Английские рабочие являются, по выражению Маркса, первопицами современной промышленности. Естественно поэтому, что они были пионерами профсоюзного движения, организации экономической борьбы нового класса пролетариата против нового класса капиталистов, против конкуренции, представляющей собой «...наиболее полное выражение господствующей в современном буржуазном обществе войны всех против всех»¹. Именно в этом и заключается социальное значение создания профсоюзов и организации стачечной борьбы против низкой заработной платы, невыносимо длинного рабочего дня и кошмарных условий труда, характерных для первых лет существования фабричной системы. Фридрих Энгельс, наблюдая все эти явления на месте в момент их быстрого развития, писал:

«...значение этих союзов и организуемых ими стачек в первую очередь состоит в том, что они представляют собой первую попытку рабочих *уничтожить конкуренцию*. Наличие их предполагает уже понимание того, что господство буржуазии основывается только на конкуренции рабочих между собой, т. е. на отсутствии сплоченности пролетариата, на противопоставлении одних рабочих другим. И именно потому, что, при всей их односторонности и ограниченности, усилия союзов направлены против конку-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Об Англии, М., 1952, Госполитиздат, стр. 96.

решии, против жизненного перва современного социального строя, именно потому союзы представляют для этого строя такую опасность»¹.

Стремление устранить конкуренцию между рабочими было ясно выражено и в уставах первых профсоюзов. Так, в клятве, которую давали вступающие в члены Общества взаимопомощи горняков (1831 г.), был следующий пункт: «Я никогда не буду обучать кого бы то ни было горняцкому делу... за исключением моих братьев по обществу, связанных данным обязательством, и учеников... Я никогда не буду брать больше работы, чем могу сделать сам в данный срок... Я никогда не буду хвастаться, сколько зарабатываю и в течение какого времени». В пункте XLIV устава Великого национального объединенного союза профессий (1834 г.) говорилось: «Каждый член этого союза должен прилагать все усилия для того, чтобы... побудить своих товарищей присоединяться к братству, дабы ни один рабочий не остался вне союза и не предлагал бы на рынке труда свои услуги за более низкую плату».

Профсоюзы стали возникать в конце XVIII века в виде местных профессиональных клубов, члены которых обычно собирались в трактирах (public-houses). Собрания эти носили характер товарищеских встреч (и спиртные напитки составляли значительную часть расходов таких клубов). В большинстве случаев такие профессиональные клубы образовывались среди мастеровой «аристократии» и высококвалифицированных ремесленников, характер труда и положение которых еще не были существенно затронуты промышленной революцией: среди наборщиков, бондарей, плотников и столяров, столяров-краснодеревцев, корабельных плотников, специалистов по выделке бумаги и т. д. Но с 1792 года профсоюзы начали появляться у ведущего отряда нового рабочего класса — прядильщиков Ланкашира. Эта потенциальная угроза для растущего класса капиталистов, а также паника, вызванная французской революцией среди правящего класса, и явились причиной поспешного принятия парламентом в 1799—1800 годах пресловутых Актов о запре-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Об Англии, М., 1952, Госполитиздат, стр. 223—224.

щении союзов¹. По существу можно было бы начать эту книгу именно с этого момента.

По мнению историков, эти законы, подготовленные известным государственным деятелем Уильямом Питтом и ханжой Уилберфорсом (лицемерно раговавшим за освобождение рабов) с помощью консерватора тех времен достопочтенного сэра Джона Андерсона, «и поныне остаются самой позорной в истории Англии безоговорочной капитуляцией государства перед классом». Эти законы «дали хозяевам неограниченные возможности снижать заработную плату и заставлять рабочих наниматься на еще более жестких условиях. Они создали новую промышленность на основе... рабского труда и низкой заработной платы»². Особенно чудовищной в Актах, ставящих союзы вне закона, была статья, принуждавшая рабочих, против которых выдвигалось обвинение, давать показания против самих себя и своих товарищей. Не менее чудовищно было и то, что эти законы, номинально в одинаковой мере направленные и против объединений хозяев, фактически ни разу не были использованы в этом смысле; их использовали лишь для того, чтобы бросить в тюрьмы тысячи рабочих. «Если бы можно было рассказать все, — писал один из участников борьбы за парламентскую реформу Френсис Плейс, — о грубой несправедливости, отвратительнейших надругательствах и ужасных наказаниях, которым тогда подвергались [рабочие], то уже по прошествии нескольких лет, чтобы заставить поверить всему этому, надо было бы привести точнейшие доказательства». «Суровые... почти невероятные» приговоры, вынесенные наборщикам газеты «Таймс» в 1810 году судебским чиновником лондонского муниципалитета сэром Джоном Сильвестром («кровожадный черный Джек»), побудили Плейса посвятить себя борьбе за аннулирование этих законов. Правда, тяжесть этих законов ощущалась главным образом в молодой текстильной промышленности, тогда как в отношении профессиональных клубов ремесленников, особенно в Лондоне, была проявлена некоторая терпимость.

¹ Акты о запрещении союзов (Combination Acts) запрещали создание и деятельность каких бы то ни было рабочих союзов в промышленности, а также организацию и проведение стачек. — *Прим. ред.*

² Hammond, The Town Labourer, pp. 113, 141.

По существу именно в эту четверть века, в эти годы террора против рабочих союзов и зародилось профсоюзное движение. Узость интересов местных профессиональных клубов стала преодолеваться в результате расширения единства и укрепления чувства всеобщей солидарности рабочих. Вынужденные работать нелегально, союзы поповоле стали конспиративными организациями. Вступающий в них давал клятву. Была введена не только церемония посвящения в члены организации, но и вообще весь обряд, который подобало соблюдать тайному обществу. Эти нелегальные союзы, несмотря на то, что в них министерством внутренних дел была заслана целая «пятая колонна» полицейских шпионов, с тем чтобы разрушить их, провели в новых отраслях промышленности первую серию массовых забастовок, или, как их тогда называли «стачек» (turnouts). Наиболее значительными из них были забастовки шотландских ткачей (1812 г.), ланкаширских прядильщиков (1818 г.), горняков Северо-восточного побережья (1810 г.), Шотландии (1818 г.) и Южного Уэльса (1816 г.); последние, поддержанные рабочими-металлистами, сумели не допустить снижения заработной платы. В качестве примера методов, применяемых рабочими, интересно упомянуть о «побратимстве» горняков Северо-восточного побережья; «этот термин вошел в употребление, так как члены этого союза связывали себя торжественной клятвой подчиняться правилам братства; нарушившему клятву грозило наказание — удар книжкой в сердце или вспарывание живота»¹.

Об укреплении единства в эти тяжелые годы говорит появление первых общенациональных союзов (например, Союзов набойщиков ситца, чугунолитейщиков² и бумажников), организация общенациональной забастовки солидарности рабочих отдельной отрасли промышленности (капатчиков) и объединение в профсоюзы рабочих различных профессий.

Из сохранившихся документов видно, что во время забастовок эти союзы постоянно оказывали друг другу денежную помощь. Блестящая деятельность Френсиса

¹ Webb, History of Trade Unionism (1920 ed.), p. 90.

² Общество взаимопомощи чугунолитейщиков, основанное в 1809 году, вошло в Национальный союз литейщиков.

Плейса, направленная к аннулированию в 1824—1825 годах Актов о запрещении союзов, не достигла бы своей цели без широко развернутой агитации, которую вели делегатские группы представителей профсоюзов различных профессий, специально созданные союзами в Лондоне, Манчестере, Глазго и других местах. Особенно важную роль сыграла лондонская делегатская группа, работавшая под руководством Джона Гаста из Делтфорда, энергичного секретаря Союза кораблестроителей.

Аннулирование «пристрастных и деспотических» Актов о запрещении союзов ни в коей мере не обеспечило полной свободы профсоюзному движению, но этого было достаточно, чтобы река рабочего движения получила возможность выйти из берегов. Шеффилдская газета писала, что рабочие были «страстно увлечены движением за создание профсоюзных обществ». Были созданы национальные союзы, некоторые из них, как, например, Союз строителей паровых машин (1824 г.) и Всеобщий союз плотников и столяров (1827 г.)¹, существуют и в наши дни. По стране прокатилась волна забастовок, в которых принимали участие как ремесленники, так и заводские рабочие. Упорную борьбу вели лондонские кораблестроители и бондари, рабочие хлопчатобумажной промышленности Глазго и чесальщики шерсти в Брадфорде. В 1826 году Ланкашир неоднократно потрясали забастовки прядильщиков хлопка и горняков, которые боролись против снижения заработной платы, насильственно проводимого хозяевами после резкого падения цен, явившегося результатом торгового кризиса предыдущего года.

Это были бурные дни. Забастовки, особенно в каменно-угольных районах, были своего рода гражданской войной в миниатюре и подавлялись всеми средствами насилия. В 1831—1832 годах в Дургаме происходили волнения; для подавления забастовок и расправы с союзом, возглавляемым легендарным Томми Хенбурном, были вызваны военные моряки и кавалерии. В 1831 году вызвали себе на помощь войска крупные металлопромышленники Уэльса, когда они объявили локаут с целью уволить всех членов Союзного клуба — первой сильной организа-

¹ В настоящее время они соответственно входят в Объединенный профсоюз машиностроителей и Объединенное общество деревообделочников.

ции горняков и металлистов. Эта организация возглавлялась Диком Пендерингом, также легендарной личностью. Он был повешен за то, что смело поднял на восстание уэльских рабочих — членов этой профсоюзной организации, с оружием в руках выступивших против своих угнетателей. После запрещения деятельности Союзного клуба, когда легальное профсоюзное движение стало невозможным, была создана тайная террористическая организация «Скотч кэтл» (ее эмблемой были бычья голова и рога), которая действовала в долинах Уэльса и Монмутшира, карая «предателей, изменников и им подобных». Эта организация была не единственным примером того, как тирания и террор капиталистов побуждали участников профсоюзного движения, в свою очередь, отвечать террором. Так, на известном судебном процессе 1838 года по делу Томаса Хантера и других четырех руководителей Союза прядильщиков хлопка в Глазго выяснилось, что прядильщики, союз которых был тайно организован в 1816 году, сжигали фабрики ненавистных хозяев и убивали штрейкбрехеров¹. Можно указать также на забастовку кирпичников Манчестера в 1843 году (хотя это явление несколько другого рода). Во время этой забастовки кирпичники, вооруженные мушкетами, захватили кирпичный завод; в решительном бою им пришлось столкнуться с вооруженной охраной, находившейся на службе у хозяев. Несмотря на то, что враг, спрятавшийся за надежным укрытием, направил на забастовщиков сильный огонь, они не ушли до тех пор, пока не разрушили завод. Затем, когда у забастовщиков кончились заряды, они отступили с оружием в руках, в полном порядке к Эклсу (в трех милях от Манчестера), несмотря на то, что многие из них были тяжело ранены².

Разговоры о «вреде» классовой борьбы показались бы нелепыми пионерам профсоюзного движения. «Неплавистью... вызванной всеобщим угнетением [рабочих] господствующими классами горят все профсоюзные доку-

¹ Уэбб говорит о Хантере и его товарищах, что «симпатия всего рабочего класса были на их стороне и решение суда приговорить их к семи годам каторги было встречено с таким же негодованием, как приговор по делу дорчестерских рабочих» (Webb, op. cit., p. 170).

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Об Англии, М., 1952, стр. 230—231.

менты того времени»¹. Это была не слепая инстинктивная ненависть, а осознание того, что «...при современных отношениях рабочий может обрести свое человеческое достоинство только в ненависти к буржуазии и в возмущении против нее»² и что «...союзы в значительной мере содействуют усилению ненависти и озлоблению рабочих против имущего класса»³. Один активный деятель того времени в своем письме в крупную рабочую газету выразил тогда эту мысль следующим образом:

«Огромным достоинством забастовки является то, что она усиливает вражду между трудящимися и капиталистами, заставляет рабочих задумываться над вопросом о причинах их страданий и искать эти причины... В результате этих размышлений возникает жгучая ненависть к классу капиталистов и новообращенные становятся подготовленными к тому, чтобы присоединиться к освободительной борьбе, которую ведут трудящиеся в других частях Англии»⁴.

«Стачки, — писал Энгельс, — для рабочих являются военной школой, в которой они подготовляются к великой борьбе, ставшей уже неизбежной... Как школа войны стачки незаменимы. В них проявляется своеобразное мужество англичанина»⁵.

Первый урок, полученный в этой «школе войны», заключался в осознании того, что недостаточно организовывать рабочих отдельных профессий. Разобщенным отрядам рабочего класса необходимо было сплотиться в единую армию, сделать дальнейший шаг от союза рабочих одной профессии к союзу рабочих различных профессий, добиться охвата профсоюзами рабочих многих или

¹ Webb, History of Trade Unionism (1920 ed.), p. 174.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Об Англии, М., 1952, стр. 218.

³ Там же, стр. 224.

⁴ Poor Man's Guardian, August 30th, 1834.

⁵ Энгельс добавляет, что «... для стачки тоже требуется мужество и даже большее, часто гораздо большее мужество, гораздо более смелая и твердая решимость, чем для мятежа, — это ясно... И именно в этой спокойной выдержке, в этой непоколебимой решимости, ежедневно выдерживающей сотни испытаний, именно в них английский рабочий обнаруживает наиболее достойную уважения черту своего характера. Люди, которые терпят такие бедствия, чтобы сломить сопротивление одного-единственного буржуа, сумеют сломить и силу всей буржуазии». (К. Маркс и Ф. Энгельс, Об Англии, М., 1952, стр. 229—230.)

даже всех профессий. Первыми извлекли этот урок из опыта разрозненных забастовок (неоднократно подавлявшихся, несмотря на упорную борьбу рабочих) текстильщики. В связи с забастовками ланкаширских прядильщиков 1818 и 1826 годов делались попытки создать более широкую организацию, но обе эти попытки не имели прочного успеха, хотя в результате первой из них в Манчестере, несмотря на действующий Акт о запрещении союзов, собрались представители профсоюзов четырнадцати профессий и между ними было достигнуто соглашение о создании Всеобщего союза профессий под официальным названием «Филантропическое общество» (это название, как и другое красочное название союза, «Филантропические Геркулесы», было дано ему, видимо, для маскировки). Одной из задач союза было добиться, чтобы «рабочие одной профессии не начинали забастовку без ведома и согласия рабочих других профессий». И несмотря на непрочность союза и непродолжительность его существования он создал свое отделение в Лондоне, председателем которого был Джон Гаст¹.

Третья попытка, предпринятая в 1830 году, после особенно продолжительной и острой борьбы прядильщиков в Аштоне и Хайде, знаменовала собой значительный шаг вперед. В том же году была организована Национальная ассоциация защиты труда, возглавляемая Джоном Догерти, выдающимся профсоюзным деятелем Ланкашира, талантливым писателем и организатором; именно он был инициатором создания в 1829 году первой национальной организации прядильщиков хлопка - Великого всеобщего союза Соединенного Королевства, основанного на широкой, вызвавшей самые всесторонние отклики конференции делегатов на острове Мэн. В задачу Национальной ассоциации входило координировать борьбу против снижения заработной платы. Вскоре эта ассоциация насчитывала уже 150 профсоюзов, главным образом текстильщиков Ланкашира и Мидленда. В нее входили также союзы механиков, горняков, гончаров. По некоторым дан-

¹ Влияние этого все растущего стремления к единству профсоюзного движения лондонских рабочих проявилось позднее в создании (в 1825 г.) в Лондоне первого печатного органа этого союза — *Trades Newspaper and Mechanic's Weekly Journal*, издававшегося комитетом из одиннадцати представителей лондонских рабочих различных профессий во главе с Гастом. (Webb, op. cit., p. 111.)

ным, общее количество ее членов достигало 100 тысяч человек. Но хотя появление этой ассоциации напугало правящий класс (уходя в отставку, министр внутренних дел сэр Роберт Пиль даже завещал своему преемнику в качестве главной задачи уничтожить ее), она фактически была слабой организацией, располагавшей небольшими денежными средствами и проводившей одностороннюю оборонительную политику. То, что эта организация просуществовала в течение двух лет, было большим достижением, но дальнейшие успехи были еще более значительными¹.

В то время страну трепала лихорадка, вызванная дошедшей до кризисного состояния борьбой вокруг вопроса о парламентской реформе, борьбой, которая едва не привела к гражданской войне и завершилась принятием в 1832 году Акта о реформе. Наиболее дальновидные профсоюзные деятели не питали никаких иллюзий относительно союза рабочих и буржуазии, выигравшей от этой реформы. (Как пишет Френсис Плейс, Джон Догерти говорил ему, что билль о реформе не сулит ничего хорошего рабочему классу и что народ должен силой заставить правительство делать то, что справедливо.) Однако массы считали парламентскую реформу панацеей от всех зол; так, например, в Лондоне в 1831 году был организован Национальный союз рабочего класса и других — удачное символическое название — как объединение профсоюзов столицы, к которому присоединились многие союзы. Но так как от реформы выиграла лишь буржуазия, капиталисты-промышленники, Акт о реформе вскоре показал рабочим, что в борьбе за нее они были не союзниками буржуазии, а ее слепым орудием. Последовавшее за этим разочарование в «политике» (то есть в парламентской борьбе) оказало революционизирующее влияние на профсоюзы.

¹ В нарушение закона, Национальная ассоциация сначала издавала свой нелегальный орган еженедельник *United Trades Co-operative Journal*. После того, как власти запретили его издание, Ассоциация начала издавать легальный еженедельный орган *Voice of the People*, редактором которого был Догерти. Несмотря на то, что каждый номер стоил семь пенсов, тираж газеты достиг колоссальной (для того времени) цифры — 30 тысяч экземпляров. Кроме сообщений о деятельности Ассоциации, значительное место в газете уделялось политическим новостям, вопросу о независимости Ирландии, революционному движению за границей.

Новые черты в профсоюзном движении проявились уже в создании, в самый разгар борьбы за реформу, первого национального производственного профсоюза, сломавшего все преграды цехового деления по профессиям. Это был Союз строительных рабочих, число членов которого быстро достигло огромной по тем временам цифры — 40 тысяч человек. Поставив своей целью «повысить и уравнять цены на труд», союз провел ряд забастовок, особенно крупных в Ланкашире и Лондоне. Предприниматели ответили локаутами и пресловутым «документом», в котором, угрожая увольнением, требовали от рабочих выхода из профсоюзов.

В этой борьбе приняли участие не только строители. Мощная волна забастовок охватила и другие отрасли промышленности, волнения начались, в частности, среди прядильщиков хлопка, предполагавших начать 1 марта 1834 года «всеобщую забастовку» за введение восьмичасового рабочего дня. В момент наибольшего подъема этой борьбы на сцену выступили великий социалист-утопист Роберт Оуэн и его друзья. Пропагандируя свои идеи о новом общественном строе, они штурмом овладели союзами. Осенью 1833 года Оуэн принимал участие в работе двух совещаний, имевших важнейшее значение для рабочего класса. Первым был конгресс Союза строительных рабочих («Парламент строительных рабочих»), который состоялся в Манчестере и на котором присутствовали 500 делегатов. Затем в октябре в Лондоне собрались делегаты профессиональных союзов и кооперативов для обсуждения вопроса об объединении. Несмотря на то, что в обоих случаях мнение Оуэна, ратовавшего за мирный переход от капитализма к социализму путем преобразования союзов в кооперативные производственные общества, было выслушано с большим вниманием (строители решили создать производственное объединение такого рода), было очевидно, что в целом симпатии профсоюзов на стороне социальной революционной борьбы.

Джеймс Моррисон — молодой строительный рабочий, социалист самоучка, который издавал еженедельный орган Союза строительных рабочих «Пайонир», — писал по поводу Лондонского конгресса: «Мы находимся почти в критическом положении — кризисный момент в нашей борьбе вот-вот наступит. Эта борьба — общее дело, и

горе тому, кто покинет свой пост. Вопрос стоит так: кто возьмет верх — труд или капитал?» Газета «Пур мэнз гардиан» писала 19 октября 1833 года, что из докладов делегатов Лондонского конгресса видно, что рабочий класс готовится к «коренному изменению общества — изменению, которое должно завершиться полным ниспровержением существующего «мирового порядка». Рабочие стремятся к тому, чтобы занимать высшее, а не низшее положение в обществе, а еще больше — к тому, чтобы в обществе вообще не было ни высшего, ни низшего положения!» Далее газета противопоставляет эти революционные цели «жалким задачам» прежних профсоюзов, которые «не ставили своей целью произвести какие-либо коренные изменения; они стремились не преобразовать строй, а скорее увековечить его, сделав его более сносным». Газета писала о «незаметном, но быстром прогрессе великой национальной организации, которая обещает объединить в своих рядах физическую силу страны».

С возвращением делегатов Лондонского конгресса в свой округ вздымающаяся волна профсоюзного движения превратилась в мощный вал, прокатившийся с небывалой силой по всей стране — от края и до края. В результате, как сообщала газета Оуэна «Крайзис», в короткий срок в рабочие организации было вовлечено не менее 800 тысяч рабочих. Уже явственно стали вырисовываться контуры «великой национальной организации», о которой писала газета «Пур мэнз гардиан». Вскоре эта организация стала конкретной реальностью. В феврале 1834 года профсоюзные делегаты снова собрались в Лондоне и на закрытом заседании создали наконец Великий национальный объединенный союз профессий, первый и величайший пример «единого большого союза». Его цели были изложены в пункте XLVI его устава:

Хотя Союз ставит перед собой цель прежде всего добиться повышения заработной платы рабочих или воспрепятствовать ее дальнейшему снижению, а также добиться сокращения продолжительности рабочего дня, великой и конечной его задачей должно быть утверждение основных прав труда и человека... путем установления *иного порядка вещей*, при котором только действительно полезная и разумная часть общества будет управлять его делами.

В поразительно короткий срок количество членов Великого национального объединенного союза профессий достигло полумиллиона; многие тысячи его приверженцев имелись в каждой отрасли промышленности. Типичным является случай, когда два организатора, посетившие Гуль, за один вечер вовлекли в союз тысячу новых членов. Целые обширные районы, где прежде профсоюзное движение не давало никаких ростков, оказались вдруг весьма плодородными; в графствах Англии, в Шотландии (где, как сообщалось, союзы были образованы и среди пахарей Пертшира и жнецов Данди) и в сельских пригородах тогдашнего Лондона сельскохозяйственные рабочие массами шли в организацию; среди вступавших было много женщин (пунктом XX устава союза особо предусматривалось, что в профсоюзных организациях «должны быть созданы отделения женщин-работниц»). Пришли в движение даже широкие массы трудящихся, не занятых производительным физическим трудом, в связи с чем Великий национальный объединенный союз профессий выпустил специальное обращение «к продавцам, клеркам, привратникам и другим работникам, не производящим материальные ценности».

Не успел Великий национальный объединенный союз профессий организационно оформиться, как он уже был втянут в бурный поток забастовок и локаутов, происходивших во всей стране и вызванных борьбой за повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и обеспечение прав членов союза. Наиболее крупными были забастовки трикотажников Лестера, механиков, пабойщиков и краснодеревцев Глазго, портных Лондона. Весьма значительным событием был также локаут строительных рабочих столицы, объявленный в связи с их протестом против увольнения подрядчиком-строителем Кьюбитом своих рабочих (за то, что они отказывались покупать спиртные напитки у фирмы, запретившей деятельность профсоюза на своих предприятиях); хозяева вновь выступили с «документом». Вся страна внимательно следила за продолжительной борьбой в Дерби, развернувшейся из-за массового локаута — увольнения 1 500 мужчин, женщин и детей, отказавшихся выйти из союза. Движение прядильщиков хлопка вылилось в замечательное народное восстание в Олдхэме, где бастовали все фабрики и происходили бурные демонстрации с требованием вось-

мичасового рабочего дня, в которых женщины принимали самое активное участие¹; во время этих демонстраций происходили столкновения с полицией.

Эти события вызвали панику среди правящих классов², которые убедились, что их диктатуре противостоит потенциально диктаторская сила рабочего класса. Джеймс Моррисон писал по этому поводу:

«Растут мощь, опыт и классовая сознательность профессиональных союзов, и при правильном руководстве ими они будут оказывать сильное влияние на всю экономическую жизнь страны и, таким образом, станут, в силу своих собственных заслуг, самой влиятельной, мы могли бы сказать почти диктаторской, силой в государстве»³.

Поэтому власти решили нанести тяжелый удар по самому слабому звену Великого национального объединенного союза профессий - по организации сельскохозяйственных рабочих. В Дорсете, где условия жизни были особенно тяжелыми, два брата из Толпаддл, Джордж и Джеймс Лавлесс установили контакт с Великим национальным объединенным союзом профессий и стали создавать Общество взаимопомощи сельскохозяйственных рабочих, при вступлении в которое надо было выполнить обычные церемонии посвящения и дать присягу. Лавлессам и четырем другим рабочим было вскоре предъявлено (на основании специального акта 1797 года, принятого в связи с восстанием в Норте) пеленое обвинение в приведении к незаконной присяге; они предстали перед дорчестерским судом и после чудовищного процесса были приговорены к семи годам каторжных работ.

Это шумевшее дело «толпаддлских мучеников» вызвало широкую кампанию протеста во всей стране, в ходе которой Великий национальный объединенный союз профессий был горячо поддержан влиятельными союзами

¹ В сообщениях газеты «Таймс» того времени упоминалось о деятельности Клуба садовниц и Клуба престарелых девиц; несомненно, что имелись в виду объединения работниц, входившие в Великий национальный объединенный союз профессий.

² Д-р Арнольд, «просвещенный» реформатор системы образования, директор привилегированной школы в Ресби, писал своему другу в те дни: «Вы, несомненно, слышали о профессиональных союзах, это ужасное орудие разрушения; они готовы сеять смуту и убивать. Я не вижу силы, которая могла бы противостоять им».

³ *The Pioneer*, May, 31 st, 1834.

севера страны, остававшимися вне его рядов. Свыше четверти миллиона подписей было получено под петицией, требовавшей освобождения рабочих из Толладдла; кульминационным пунктом этой кампании была первая испанская демонстрация рабочего класса в Лондоне. Несмотря на крутые меры, принятые полицией, и военные приготовления, в демонстрации участвовало 100—200 тысяч представителей всех отраслей промышленности; представители каждой профессии шели впереди своей колонны 33 знамени — знамена профсоюзов, участвующих в демонстрации, — и шли к Копенхэйг-Филдс (открытому месту, существовавшему тогда неподалеку от Кингс-Кросс). Строительные рабочие прекратили работу, чтобы принять участие в демонстрации.

Но если Великий национальный объединенный союз профессий сумел успешно провести внушительную кампанию протеста (она завершилась освобождением «толладдлских мучеников»), то он оказался неспособным разрешить более важные задачи по руководству борьбой за создание «иного порядка вещей». Это был первый крупный пример того, что мы ныне называем синдикализмом, то есть убеждения в том, что капитализм можно свергнуть силами одних профсоюзов, используя всеобщую забастовку, или, как тогда ее называли, национальный праздник (national holiday), в качестве мирного оружия пассивного сопротивления. «Вялый заговор бедных против богатых», — писала по этому поводу одна шотландская рабочая газета¹. Именно потому, что оуэновское руководство Великого национального объединенного союза профессий придерживалось этой точки зрения, оно, оказавшись перед лицом мощной волны описанных выше выступлений в различных отраслях промышленности, не сумело совладать с этим бурным потоком и управлять им. Оно опубликовало официальное заявление, осуждающее все выступления в промышленности, и отказывалось давать свое разрешение на проведение забастовок (лондонские башмачники после этого решили выйти из Великого национального объединенного союза профессий и бороться самостоятельно). Такая политика неизбежно привела к распаду Союза, который не просуществовал и года.

¹ *Glasgow Liberator: Trades Union Gazette*, February 1 st, 1834.

Так закончилось это массовое профсоюзное движение, преследовавшее революционные цели. В дальнейшем, на протяжении почти полувека, не было никакой организации, объединяющей массы неквалифицированных рабочих. Это наложило свой отпечаток прежде всего на положение в строительной промышленности.

Следующим важным этапом в развитии рабочего движения был чартизм (1837—1848 гг.) — революционное политическое движение, которое по своему характеру уже не было профсоюзным движением, хотя многие профсоюзные деятели играли в нем активную роль. Описание истории борьбы за Народную хартию не входит в нашу задачу. Здесь достаточно сказать, что ударными группами чартизма были рабочие текстильных фабрик и горняки. Профсоюзы текстильщиков подавляющим большинством голосов одобрили превращение всеобщей забастовки 1842 года в Ланкашире в политическое восстание в борьбе за Хартию, а чартисты-шахтеры сыграли важную роль в образовании в 1841 году первой национальной организации горняков — Ассоциации горняков.¹ Но чартисты слишком поздно взялись за то, чтобы прочно укрепиться в относительно сильных цеховых профессиональных союзах, в союзах «напыщенных мастеров и чванливых ремесленников», как называл их один из чартистских лидеров Фергюс О'Коннор.

Забастовка 1842 года явилась наивысшей точкой развития чартистского движения, если не считать его последней вспышки в чреватом революциями в Европе 1848 году. С этого времени профсоюзное движение все больше и больше отклонялось от пути коренных преобразований. Но деятельность профсоюзов была значительной и в середине 40-х годов. В 1844 году Ассоциация горняков насчитывала 100 тысяч членов, и, наняв блестящего адвоката-чартиста У. П. Робертса, она вынудила объединение шахтовладельцев выступить против деспотизма мировых судей и предпринимателей, практикующих систему оплаты труда товарами¹. В том же году произошла пятимесячная забастовка дургамских горняков, явившаяся ярчайшим примером героической борьбы во всей предшествующей истории каменноугольных районов Великобритании. Шахтовладельцы расправлялись с бастующими

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Об Англии, М., 1952, стр. 255.

с исключительной беспощадностью; в ходе забастовки все 40 тысяч ее участников были выброшены из квартир «с возмутительной жестокостью. Больных и слабых, стариков и младенцев, даже рожениц безжалостно вытаскивали из постелей и сталкивали в канавы вдоль шоссе»¹, а царственный лорд Лондондерри, возглавлявший шахтовладельцев, издал пресловутый манифест, в котором порицалась «бессмысленная борьба шахтеров против *своих предпринимателей и хозяев*».

В тот же период возродились и окрепли союзы у гончаров и прядильщиков хлопка (1843 г.), а наборщики объединили свои местные союзы в Национальное общество типографских рабочих (1845 г.)². В 1845 году была создана и новая всеобщая организация — Национальная ассоциация рабочих всех профессий. Союзы покрупнее стояли в стороне от этой организации, и она стала объединяющим центром для менее крупных и слабее организованных союзов. Являясь сугубо федеративной организацией и не претендуя на что-либо большее, Ассоциация старательно избегала революционного пафоса, которого придерживался Великий национальный объединенный союз профессий, и вместо этого подчеркивала «важность и благотворное влияние доброго взаимопонимания между предпринимателями и рабочими»³. Стремление «не преобразовать строй, а, скорее, увековечить его, сделав его более сносным» (против которого так резко выступала газета «Нур мэиз гардиан» двенадцать лет тому назад), явно вновь одержало верх.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Об Англии*, М., 1952, стр. 257.

² Этот национальный союз просуществовал только два года, а затем разделился на столичный и провинциальные союзы, которые существуют и до настоящего времени (Лондонское общество наборщиков в Ассоциации типографских рабочих).

³ Webb, op. cit., p. 189.

ВТОРОЙ ПЕРИОД

Глава 2

«ОБОРОНА, А НЕ НАСТУПЛЕНИЕ»

(1850—1880 гг.)

Для профсоюзного движения этот период был периодом окончательной организации в национальном масштабе квалифицированного меньшинства рабочего класса, этих «напыщенных мастеров и чванливых ремесленников». «Оборона, а не наступление» (что означало: защищать законные интересы ремесленников, а не наступать на класс предпринимателей организованными силами всего рабочего класса) — эти слова стали девизом профсоюзов; в то же время их лозунг — «справедливая плата за честную работу» означал полное согласие с существующим строем при условии специфических и ограниченных реформ и стремление добиваться лишь того, чего можно добиться в рамках существующего строя.

Эта эволюция была не случайной. К концу 40-х годов английский капитализм был уже в состоянии разрушить все барьеры, препятствовавшие его бурному росту. Триумф фритредерства означал полную свободу для развития капитализма. Промышленность и торговля развивались в небывалых масштабах, они, по выражению Гладстона, «мчались во весь опор», принося не десятки, а тысячи процентов прибыли, все более укрепляя привилегированное положение Англии как «мастерской мира», ее монопольное положение индустриальной страны. Все это позволяло и заставляло идти на большие уступки двум основным группам, от которых зависело это процветание — рабочим текстильных фабрик (которые были весьма «облагодетельствованы» актом 1847 года об уста-

повлении 10-часового рабочего дня) и квалифицированным рабочим-строителям и металлистам. Такое выделение «рабочей аристократии» из основной массы рабочего класса нашло свое отражение и в профсоюзном движении того времени, обусловило его новый характер.

Первым профсоюзом «нового образца» было Объединенное общество механиков, основанное в 1851 году, после происшедшего в течение нескольких лет постепенного слияния многочисленных небольших, главным образом местных, цеховых обществ этой отрасли промышленности. Они группировались вокруг самых больших обществ, таких, как основанное в 1826 году Дружеское общество квалифицированных рабочих — машиностроителей и монтеров; двое видных членов этого общества — Уильям Ньютон и Уильям Аллен — были главными поборниками слияния. Аллен, рабочий железнодорожных мастерских в Кру, стал первым секретарем Объединенного общества механиков, он принес в эту организацию традиции осторожного администрирования и граничащую со скупостью экономность при расходовании фондов.

Это новое «объединенное» профсоюзное движение (название стало его программой) означало решительный разрыв с идеей «школ войны», о которых писал Энгельс. Прежнюю ответственность заменила политика сотрудничества с предпринимателями, выпрашивания для рабочего лишь «справедливой и законной доли прибылей, добытых его трудом»¹. Забастовки порицались. Фонды, которые были накоплены из высоких членских взносов, расходовались на финансирование многочисленных мероприятий по оказанию весьма скромной материальной помощи, и деятельность объединенных союзов по существу не отличалась от деятельности обществ взаимопомощи рабочих отдельных профессий.

Тишичную картину представляют собой расходы Объединенного общества механиков; за период с 1851 по 1889 годы его расходы на оказание материальной помощи (больным, безработным, уволенным по старости, на похороны и т. д.) составляли 2 987 993 фунта стерлингов,

¹ Фраза из брошюры каменщика Уильяма Грэхэма, опубликованной в 1868 году; процитирована в книге Rothstein, *From Chartistism to Labourism*, p. 200 (Ф. Ротштейн, *Очерки по истории рабочего движения в Англии*, Госиздат, 1925, стр. 205. — *Прим. ред.*),

тогда как на забастовки было израсходовано только 86 664 фунта стерлингов¹.

Естественным следствием всего этого была замена довольно свободной структуры старых боевых союзов, при которой местные организации пользовались широкой автономией, тщательно централизованной структурой «деловой», хозяйственной организации. Решающей силой теперь был национальный исполнительный орган, причем действительная власть все более сосредоточивалась в руках несменяемых сверху чиновников, управляющих профсоюзным центром, которые потребовались для профсоюзного движения «нового образца»; появление этого «регулярного корпуса» профсоюзных чиновников, не зависящих от членов руководимого ими союза, было фактом первостепенной важности. Первым симптомом этого было образование неофициальной и влиятельной группировки генеральных секретарей союзов, которую Уэбб назвал «джунтой». В нее вошли Аллен (профсоюз механиков), Роберт Эилгарт (профсоюз столяров и плотников), Даниэль Гайл (профсоюз литейщиков), Эдвин Каулсон (профсоюз каменщиков) и Джордж Оджер² (профсоюз дамских сапожников).

Не следует думать, что в этот период не было забастовок; забастовки отнюдь не прекратились. При этом следует отметить, что предприниматели чаще стали прибегать к локаутам, найдя в них удобный способ «разрешения» проблемы перепроизводства. Уже через год после своего основания Объединенному обществу механиков, боровшемуся против сверхурочной работы и системы сдельной оплаты, пришлось иметь дело с локаутом механиков в Лондоне и Ланкашире; объявив локаут, хозяева вновь возродили практику навязывания рабочим ненавистного «документа»; рабочие под давлением подписали его, но из союза не вышли.

Основным требованием, выдвигавшимся тогда рабочими во время их конфликтов с предпринимателями, было сокращение продолжительности рабочего дня с 10 до

¹ George Howell. Trade Unionism New and Old (1900 ed.), pp. 126—127.

² Оджер не был генеральным секретарем (и его союз был небольшим местным профессиональным союзом старого типа); он был известен своей деятельностью в Лондоне в равной степени и как тред-юнионист и как политик-радикал.

9 часов. Так, среди строительных рабочих движение за девятичасовой рабочий день развивалось в течение ряда лет; кульминационным пунктом его была продолжительная лондонская забастовка и локаут 1859--1860 годов, когда попытка предпринимателей навязать рабочим «документ» была сорвана, хотя и рабочим не удалось добиться сокращения рабочего дня. Этот конфликт привлеченные той солидарностью, которую в ходе его проявили другие профессиональные союзы (большую сенсацию вызвало трехкратное предоставление Объединенным обществом механиков денежной помощи строителям в течение трех недель по тысяче фунтов стерлингов еженедельно), а также тем, что следствием его было создание Объединенного общества плотников и столяров. Созданное точно по образцу Объединенного общества механиков, оно вскоре под руководством своего секретаря Роберта Эпигарта заняло второе место после Объединенного общества механиков по числу членов и размеру денежного фонда.

Движение за введение девятичасового рабочего дня не остановилось на этом. В 1871 году механики северо-восточного побережья провели забастовку, которая продолжалась пять месяцев. Несмотря на пассивность центрального руководства их союза, она не только завершилась введением девятичасового рабочего дня в этом округе, но и послужила мощным стимулом для успешного завоевания того же рабочими других округов и других профессий. Показательно, что, когда началась забастовка, профессиональные союзы на северо-востоке были организационно очень слабы и успеха удалось добиться лишь в результате объединения рабочих различных профессий, как входящих, так и не входящих в союзы, в специально созданную Лигу борьбы за девятичасовой рабочий день, возглавляемую Джоном Бернеттом, активным деятелем местной организации Объединенного общества механиков, который в 1874 году сменил Аллена на посту генерального секретаря.

Текстильщики и горняки также участвовали в борьбе за сокращение рабочего дня. В 50-х годах ланкаширские текстильщики начали организовывать объединения или же федерации местных цеховых союзов (пряделышников, ткачей и т. д.), существующие и в наши дни. Для того чтобы разбираться в чрезвычайно сложных сводах расце-

люк, союзам приходилось создавать особый бюрократический аппарат профсоюзных чиновников, отбираемых по конкурсу из числа проявивших наибольшее умение разбираться в технике вычисления заработной платы по действующим расценкам и наибольшее усердие¹.

В 70-х годах мощное движение за девятичасовой рабочий день продолжало развиваться, результатом его был компромисс о 56½-часовой рабочей неделе. В шахтерских районах, где некогда мощная Ассоциация горняков ослабла в начале 50-х годов, организованность угольщиков вновь усилилась после образования в 1863 году Национального союза горняков, возглавляемого шотландцем Александром Макдональдом, бывшим горняком (позднее Макдональд стал удачливым дельцом и в 1874 году был одним из первых двух представителей рабочих, избранных последними в парламент² в качестве «рабочих депутатов» либеральной партии). Не прекращалась борьба шахтеров за свое право назначать контролеров, проверяющих счет вагонов с углем, право, частично признанное Актом о шахтах 1860 года. 60-е годы в горной промышленности были отмечены рядом забастовок и локаутов; к локаутам йоркширские шахтовладельцы чувствовали особенную склонность. В 1869 году в Северном Уэльсе во время демонстрации горняков солдаты открыли огонь по рабочим; четыре человека было убито, а двадцать шесть ранено. С Национальным союзом горняков стала соперничать по своему влиянию Объединенная ассоциация горняков, организованная в Ланкашире, а затем распространившая свое влияние на Южный Уэльс и Центральную Англию. В обеих организациях насчитывалось около 200 тысяч горняков. Национальный союз горняков, в частности, одобрил требование о введении восьмичасового дня для работающих под землей; в одном из каменноугольных районов (Файф) рабочие провели это требование в жизнь явочным порядком.

Хотя «объединенное» профсоюзное движение тщательно избегало самостоятельных политических действий и стремилось к сотрудничеству с предпринимателями, оно, тем не менее, вело значительные бои с хозяевами и правительством по некоторым важным спорным вопросам.

¹ Webb, History of Trade Unionism, p. 479.

² Вторым представителем был Томас Берт, избранный от Нортумберленда.

Началось с борьбы за свободу организации, за полную легализацию профсоюзов, чего Акт 1824—1825 годов в полной мере не обеспечивал. Закон все еще не охранял неприкосновенность профсоюзных фондов, забастовщиков могли арестовать (и не только могли, но и арестовывали) за «тайный сговор» и за «запугивание», еще свирепствовал Акт о хозяине и слуге¹. В 1867 году правительство создало королевскую комиссию для расследования деятельности профсоюзов, воспользовавшись в качестве предлога для ее создания инцидентами, имевшими место в Шеффилде (где местные профессиональные клубы ремесленников-пожевщиков решили заняться «травлей крыс»², что было отзвуком старых традиций запугивания штрейкбрехеров). Среди рабочих было опасение, что деятельность комиссии приведет к появлению еще более суровых законов против союзов. Вследствие этого Аллен, Элгарт и их друзья созвали совещание объединенных союзов (фактически это были заседания комитета, состоявшего из них самих), чтобы оказывать давление на комиссию.

В этот период приобрела большое значение и борьба за расширение избирательных прав. Акт о реформе 1867 года, по которому городские рабочие получили избирательные права, явился результатом широкой кампании, проводимой Национальной лигой реформ, созданной под влиянием Первого Интернационала и находившейся под большим личным влиянием Карла Маркса³. Тред-юнионисты были ударной группой Лиги как во время знаменитой битвы в Гайд-Парке в 1866 году, когда 200-тысячная толпа свалила решетку ограды парка и были вызваны войска, так и во время многочисленных демонстраций, проходивших под знаменами профессиональных союзов и под ло-

¹ По этому закону — чудовищному образчику классового законодательства — нарушение контракта рабочим считалось уголовным преступлением и каралось тюремным заключением до трех месяцев, тогда как нарушение контракта предпринимателем рассматривалось как гражданский проступок, и предприниматель присуждался лишь к незначительному штрафу.

² «Травля крыс» («ratting») — меры морального и физического воздействия, применявшиеся в начальный период развития английского профдвижения рабочими, входившими в профсоюзы, для борьбы со штрейкбрехерами и предателями. — *Прим. ред.*

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, 1948, стр. 176. К. Маркс и Ф. Энгельс, Об Англии, М., 1952, стр. 439.

зунгом, выдвинутым профсоюзом плотников: «Поступайте с нами честно. Довольно обманывать нас».

После того как члены профессиональных союзов получили избирательные права, следовало добиться еще некоторых уступок, ибо если Акт о тред-юнионах, принятый в 1871 году после долгих оттяжек и уверток правительства, и улучшил юридическое положение союзов, то в то же время он создал новые и серьезные препятствия для осуществления рабочими своего права на забастовку, запрещая, например, пикетирование (приведем один из многочисленных примеров: группа женщин в Южном Уэльсе была заключена в тюрьму за то, что встретившись со штрейкбрехером, они пренебрежительно воскликнули: «Ба!»). Потребовалось еще пять лет борьбы и решительного выступления тред-юнионов против правительства во время парламентских выборов 1874 года, прежде чем в 1876 был, наконец, принят более приемлемый исправленный Акт¹.

Борьба велась и на международной арене — за солидарность с демократическими движениями за границей, против реакционного вмешательства, или так называемого «невмешательства», Англии. Организацией внушительных массовых митингов английские профсоюзы продемонстрировали свою поддержку Северу во время гражданской войны в Соединенных Штатах, несмотря на то, что Ланкашир страдал от отсутствия хлопка из-за организованной северянами блокады богатого хлопком Юга США. Они оказывали полную поддержку полякам и итальянцам в их национальной борьбе. Когда Гарибальди приехал в Лондон, рабочий народ Англии восторженно приветствовал его. Многие профсоюзные деятели играли видную роль в Национальной лиге борьбы за независимость Польши.

Когда в Лондоне под непосредственным руководством Маркса было создано историческое Международное товарищество рабочих, английские профсоюзы приняли активное участие в его работе. Многие союзы и их отделения влились в Первый Интернационал, а их лидеры, как, например, Эплгарт, даже входили одно время в Генеральный совет, первым председателем которого был Джордж

¹ Закон 1876 года отменил статью, каравшую рабочих за пикетирование. — *Прим. ред.*

Оджер. На своей сессии в Бирмингеме в 1869 году конгресс тред-юнионов выразил горячее одобрение деятельности Интернационала. Интернационал сыграл чрезвычайно важную роль в деле прекращения ввоза штрейкбрехеров из-за границы, особенно во время упоминавшейся выше забастовки механиков, требовавших сокращения рабочего дня до 9 часов.

В ходе всей этой борьбы тред-юнионы впервые стали объединяться в постоянные группы, сначала в местном, а затем и в национальном масштабе. В 60-х годах в крупнейших городах были организованы и окрепли советы профсоюзов. Лондонский совет был создан в результате выступлений строительных рабочих в 1859-1860 годах. В Лондоне лидеры объединенных союзов были особенно сильны, и Лондонский совет профсоюзов стал ареной ожесточенных стычек между ними и представителем старого, воинствующего, но анархического местного тред-юнионизма Джорджем Поттером, которого они поносили как «торговца забастовками». Поттер, демагог до мозга костей, приобрел большое влияние благодаря основанию и изданию еженедельной профсоюзной газеты того времени «Бихайв», которая некоторое время была органом Первого Интернационала.

Борьба за полную легализацию союзов и угроза со стороны королевской комиссии побудили Совет профсоюзов Манчестера и Солфорда созвать в 1868 году национальную конференцию тред-юнионов и советов профсоюзов. Это был первый конгресс тред-юнионов, которые с тех пор стали созываться регулярно; через свой организованный вскоре Парламентский комитет Конгресс тред-юнионов на последнем этапе борьбы за легализацию профсоюзов руководил этой борьбой. Предшественниками конгресса были национальные конференции профессиональных союзов, созывавшиеся в середине 60-х годов профессиональными советами Глазго и Шеффилда, а в Лондоне — Джорджем Поттером.

Хотя за два десятилетия профсоюзное движение и добилось значительных успехов, в узкоцеховых позициях организаций «нового образца» имелись чрезвычайно слабые стороны. Это начало становиться очевидным даже в годы «бума», в начале 70-х годов, когда начался быстрый подъем профсоюзного движения и число членов Конгресса тред-юнионов возросло с 375 тысяч до

1 200 тысяч, причем движение охватило и неквалифицированных, особенно сельскохозяйственных, рабочих. Так, созданный в 1872—1873 годах под руководством Джозефа Арча, сельскохозяйственного рабочего и самоучки-проповедника из Уорикшира, профсоюз сельскохозяйственных рабочих, насчитывавший 100 тысяч членов и энергично боровшийся против землевладельцев и попов, оказался весьма ослабленным в результате тяжелого кризиса, который вскоре после организации союза разразился в сельском хозяйстве. Ремесленников также нельзя было удержать в эти трудные дни в союзах, в каждом из которых положение характеризовалось, по словам Уэбба, «тем же отходом центрального руководства от основных принципов профсоюзной политики, той же безинициативностью и тем же более или менее пассивным стремлением сдерживать активную деятельность местных союзов»¹.

Узкий партикуляризм объединенных союзов вновь привел к разобщенности. В 1872 году от Объединенного общества механиков откололись модельщики, и повсюду в металлообрабатывающей промышленности начали образовываться новые цеховые профессиональные союзы. Союзы вели бесконечные, бесполезные и деморализующие споры. Раскол в тред-юнионизме в середине 70-х годов привел к тому, что, несмотря на отважную борьбу рабочих, ряд забастовок закончился поражением бастующих; так было, например, с горняками Южного Уэльса, которые вынуждены были согласиться со скользящей шкалой заработной платы (1875 г.), с каменщиками (1877 г.), корабельными плотниками Клайда и текстильщиками Ланкашира (1878 г.). Характерной чертой забастовки текстильщиков было то, что она была вызвана перепроизводством, причем предприниматели требовали снижения заработной платы, а текстильщики предлагали сократить продолжительность рабочего дня. Это были довольно необычные расхождения для конфликта, сопровождавшегося, к тому же, насильственными действиями (так, например, был сожжен дом президента компании).

Именно в это время Фридрих Энгельс писал, что английское рабочее движение вот уже ряд лет безвыходно вращается в узком кругу стачечной борьбы, которая

¹ Webb, *op. cit.*, p. 319.

не продвигает движение ни на шаг вперед, поскольку оно рассматривается не как мера временной помощи и не как средство пропаганды и организации, а как конечная цель. Отказ тред-юнионов от политической деятельности, указывал Энгельс, означал, что в Англии подлинного рабочего движения в континентальном смысле слова не было¹.

Кризис 1878—1879 годов, самый тяжелый из всех, какие знала когда-либо английская промышленность, показал, что пора привилегированного положения и промышленной монополии подходила к концу; он повлек за собой и кризис тред-юнионизма, что придало еще большее значение словам Энгельса.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Об Англии, М., 1952, стр. 453.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД

Глава 3

«НОВЫЙ ЮНИОНИЗМ»¹

(1880—1900 гг.)

Кризис тред-юнионизма в 80-х годах был одним из проявлений глубокого социального кризиса, который переживала Англия вследствие утраты своей промышленной монополии и свержения ее с трона «деспота мирового рынка». Непрекращающийся застой в главных отраслях промышленности, повсеместная ужасающая нищета (даже видный апологет капитализма Роберт Гиффен² вынужден был сказать: «Никто не может созерцать нынешнее положение масс без того, чтобы не пожелать для улучшения его чего-нибудь вроде революции»), привели к разрыву тех связей, которые прежде привязывали рабочий класс к хозяевам. В Англии возродился социализм, и движение рабочего класса, как мы знаем, организационно вполне оформилось.

«Объединенный» юнионизм умирал. Дело не только в том, что он уже не претендовал на роль защитника жизненного уровня своих членов и стал, по словам Уэбба, «не чем иным, как безжизненным придатком движению обществ взаимопомощи»; кроме того, размеры страховых пособий снизились, а взносов ... повысились настолько, что многие члены вообще не получали никаких выгод. Где

¹ Энгельс характеризовал «новый юнионизм» как организацию «широких масс «неквалифицированных» рабочих». (Подробнее см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Об Англии, Госполитиздат, 1952, стр. 28—29, 463—466.) - *Прим. ред.*

² Гиффен Роберт (1837—1910 гг.) — английский буржуазный экономист и статистик, пытавшийся доказать, что капиталистический строй несет рабочему больше выгоды, чем предпринимателю. - *Прим. ред.*

же был выход из создавшегося положения? Уже в начале 80-х годов Энгельс указывал на то, что в связи с утратой Англией ее промышленной монополии союзы не смогут сохранить свою организующую силу, «если не будут действительно идти в первых рядах рабочего класса», а для этого необходимо было разбить порочный круг, «из которого нет выхода» (то есть выйти за рамки движения, ограничивавшегося лишь борьбой за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня), перестать плестись «в хвосте «великой» либеральной партии» и создать наряду с союзами или над ними партию рабочего класса, политическую организацию «рабочего класса как целого»¹, под руководством которой он завоевал бы власть и установил бы новый социальный строй.

Лидерами, занимавшими руководящие посты, «старой шайкой», как их стали называть, этот призыв не был услышан. Пропитанные до мозга костей гладстоновским либерализмом и мелкобуржуазной «ортодоксальностью», эти лидеры, пришедшие на смену «джунте», вместо того чтобы возглавить движение, отреклись от него. Они господствовали в Конгрессе тред-юнионов, секретарем которого был Генри Бродхёрст (от союза каменщиков), а другие руководящие посты занимали такие «путеводные звезды», как Джон Бёрнетт (от союза механиков), Дж. Д. Прайор (от союза плотников), Джордж Шилтон (от Лондонского совета профсоюзов). Вся политику Конгресса тред-юнионов в те дни можно охарактеризовать двумя словами: «наглая бездеятельность»². К этому следует добавить замечание такого пионера социалистического движения, как Уильям Моррис, о том, что союзы

«в настоящее время уже не являются представителями всего рабочего класса как *людей труда*, а скорее служат для поддержания в рабочем состоянии человеческой части капиталистической машины и для устранения всех помех ее работе, которые создает недовольство рабочих»³.

Борьбу против «старой шайки» возглавили социалисты, как вышедшие из среды интеллигенции, находившейся вне союзов, так и младшее поколение профсоюз-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Об Англии. М., 1952, стр. 425—427.

² Webb, op. cit., p. 399.

³ W. Morris, Lecture on Socialism, 1885.

ных деятелей, порвавшее со старым тред-юнионизмом. Именно они внесли в профсоюзное движение революционный дух.

Однако между критикой ограниченности и негативного характера старых профсоюзов и реакционных, а зачастую и продажных тред-юнионистских лидеров, исходящей от Энгельса и профсоюзных деятелей-социалистов, таких, как Том Манн и Джон Бернс (из союза механиков), и критикой, исходящей от первой английской социалистической организации — Социал-демократической федерации, — была огромная разница.

Первая — была позитивной, учитывающей революционные возможности тред-юнионизма; вторая же — была негативной, догматической, сектантской, отражающей мелкобуржуазные взгляды лидера-диктатора этой федерации псевдомарксиста Г. М. Гайндмана. Такая «критика» лишь «внесла раздоры в среду тред-юнионистов и не привлекла на сторону социализма скольконибудь значительного количества людей»¹. Ниже мы скажем о том серьезном влиянии, которое оказало сектантство на будущее движения.

Конгресс тред-юнионов превратился в арену сражений между «старой шайкой» и бросившими ей вызов новыми руководителями, виднейшим представителем которых был молодой делегат от горняков Эршира Кейр Гарди. Как в Конгрессе, так и в печати полемика велась в самых резких выражениях. На конгрессе 1899 года в Данди борьба достигла наивысшего напряжения. Бродхёрст боролся теми же способами, которые хорошо знакомы поколению, привыкшему к выпадам Бевина и Уолтера Ситрина против левых. В речи на конгрессе он превзошел самого себя в своих нападках на Гарди (он «не был осведомлен о том, что мистер Гарди пожертвовал многим для этого великого рабочего движения»), который заклеил его связи с Браннером², круп-

¹ *Tom Mann's Memoirs*, p. 57. Для подробного ознакомления с социалистическим движением 80-х годов и критикой сектантства Социал-демократической федерации см. Hutt, *This Final Crisis*, Pt. II, Chap. III. «The Re-birth of Socialism».

² Один из руководителей фирмы «Браннер, Мунд энд Ко», которая позднее объединилась с другими компаниями и образовала «Импириал кэмикал индастриз», современный химический монополистический трест.

ным либералом-капиталистом, давно известным чудовищной эксплуатацией на своих химических заводах. Свою речь, в которой он обрушился на

«тех, кто сеет раздоры в союзах и стремится разрушить юнионизм, яростно нападая на его выдающихся представителей... Их агенты приходят в наш лагерь под видом друзей для того, чтобы более успешно сеять семена раскола. Пусть рабочие остерегаются их!».

Бродхёрст закончил воплем: «Изгоним этих тварей из нашей среды». «Старая шайка» была удовлетворена, получив подавляющее большинство на конгрессе, но фактически она была накануне своего поражения.

Уже появлялись признаки того, что в движение приходят новые силы. В июле 1888 года социалисты руководили забастовкой работниц спичечной фабрики Брайанта и Мэя в Ист-Энде; эта забастовка получила широкую известность, так как она помогла вскрыть чрезвычайно тяжелое положение работниц и разоблачить ряд политиканов-либералов, состоявших пайщиками этой компании. Забастовка прошла успешно. Она была, как писал Энгельс, легким толчком, необходимым для того, чтобы двинулась вся лавина. Затем последовала стачка рабочих газового производства. В то же время усиливались волнения в Бектоне, где кочегары работали по двенадцать часов в смену и имели лишь один день отдыха в две недели. Они требовали восьмичасового рабочего дня, еженедельного дня отдыха, увеличения платы за каждую смену на один шиллинг. Возглавляемые кочегаром Уиллом Торном, бектонские рабочие тщательно добивались помощи от либералов через парламент, а затем обратились к социалистам. Им посоветовали организовать союз и оказали в этом всяческую помощь; особенно большую помощь оказали им Элеонора Маркс и ее муж Эдуард Эвелинг¹. В результате быстрого роста численности своих рядов Союз рабочих газового производства и чернорабочих вскоре почувство-

¹ Супруги Эвелинг, работавшие в тесном контакте с Энгельсом и под его руководством, уже вели в это время широкую пропаганду в радикальных рабочих клубах, особенно Ист-Энда; из этих клубов после «Кровавого воскресенья» на Трафальгарской площади в 1887 году возникла Лига закона и свободы, в которой рабочие-социалисты, рабочие-радикалы и тред-юнионисты объединились в широкую массовую организацию (Hutt, *This Final Crisis*, pp. 106—112).

вал себя достаточно сильным, чтобы объявить забастовку. Позиции рабочих были настолько прочны, что газовые компании удовлетворили все их требования, за исключением одного: заработная плата была повышена не на шиллинг в смену, как требовали рабочие, а на шесть пенсов.

Через несколько дней после успешного завершения этой забастовки начались сильные волнения в «вонючей луже нищеты», как называли тогда Лондонский порт. Стихийная забастовка рабочих дока «Юго-западная Индия», вызванная конфликтом из-за размера дополнительной оплаты за разгрузку одного из судов, через неделю превратилась во всеобщую забастовку докеров. За ходом забастовки, полностью парализовавшей крупнейший порт мира, со вниманием следили не только в Англии, но и далеко за ее пределами. Под руководством социалистов — Джона Бернса, Тома Манна, Бена Тиллста и Элсоноры Маркс, которая работала секретарем забастовочного комитета, — пробудился к борьбе голодный люд доков. Среди главных требований бастующих были следующие: установить размер заработной платы не менее шести пенсов в час («шестипенсовик докера»), оплачивать сверхурочное время, обеспечить по меньшей мере четырехчасовую занятость докеров. Поддержанная небывало мощной волпой солидарности рабочих других стран, забастовка продолжалась более четырех недель. В забастовочный фонд было собрано свыше 48 тысяч фунтов стерлингов, причем не менее 30 тысяч фунтов стерлингов было переведено по телеграфу из Австралии. Вмешательство непрошенных посредников — кардинала Маннинга и лорда Бакстона (либеральный политикан, отказавшийся в свое время помочь рабочим газового производства) — помешало рабочим добиться полного удовлетворения своих требований, но они получили свои шесть пенсов, и их успех вызвал такое массовое вступление неквалифицированных рабочих в профсоюзы, какого не было с апокалипсических дней 1834 года. В следующем году свыше 200 тысяч рабочих, ранее считавшихся противниками объединения, вступили в ряды тред-юнионов, в результате чего изменился и характер последних.

«Эти неквалифицированные рабочие, — писал Энгельс, — совершенно другие люди, чем педанты чинуши из старых тред-юнионов: у них нет и следа того старого духа формализма, той цеховщины,

которые царят, например, в союзе машинистов. Наоборот, их всеобщий лозунг—организация *всех* тред-юнионов в единое братство для непосредственной борьбы с капиталом»¹.

Союз докеров, создавшийся во время забастовки, имел свои отделения не только в Лондоне, но и в других больших портах. Союз рабочих газового производства развернул организацию неквалифицированных рабочих в провинции, и вскоре в его рядах было 70 тысяч членов не менее чем 70 различных профессий. На железнодорожном транспорте, где процветала чудовищная эксплуатация и рабочие были весьма слабо организованы, был создан Всеобщий союз железнодорожных рабочих, противопоставивший себя слабому до тех пор Объединенному обществу железнодорожников и тем самым способствовавший укреплению последнего. Заявление этого нового союза о том, что он «должен оставаться боевым союзом и не должен себя обременять никакими фондами для выдачи больничных и страховых пособий», было типичным для «нового юннионизма»². Основанный в 1887 году Союз моряков и кочегаров уже через два года после его организации насчитывал в своих рядах 85 тысяч членов. Стремление к объединению охватило и широкие массы горняков. Так, Федерация горняков, имевшая в год своего основания (1888 г.) только 36 тысяч членов, вскоре уже насчитывала 200 тысяч, став, таким образом, постоянной массовой организацией горняков всей страны. Развитие нового юннионизма в городах способствовало оживлению профессионального движения и в сельских местностях. Организации, оставшиеся после Джозефа Арча, вновь окрепли, и были созданы новые союзы, особенно в восточных районах

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Об Англии, М., 1952, стр. 465.

² В 1890 году Объединенное общество железнодорожников вновь развернуло активную деятельность и впервые энергично провело кампанию против чрезмерно длинного рабочего дня на транспорте. Эта организация выдала 6 тысяч фунтов стерлингов независимому Шотландскому обществу железнодорожников, которое в том году в рождественские дни провело неудачную забастовку за сокращение рабочего дня, а позднее слилось с Объединенным обществом железнодорожников. Союз сорвал попытку провести массовое увольнение в 1896 году на Лондонской и Северо-Западной железной дороге. Число членов союза удвоилось и на следующий год он организовал первое «всеобщее» наступление за улучшение положения всех категорий железнодорожников; однако это наступление оказалось безрезультатным вследствие упорного противодействия компаний.

страны. Рабочие печатных цехов, к которым надменная и замкнутая каста лондонских типографов относилась с пренебрежением и даже с презрением, образовали Союз печатников, превратившийся позднее в сильную организацию национального масштаба — Национальный профсоюз печатников. Эти сдвиги в рабочем движении оказали влияние и на старые профессиональные союзы, число их членов (ранее все время уменьшавшееся) стало быстро расти и в некоторых случаях удвоилось и утроилось по сравнению с их численностью до 1889 года. Стала исчезать и кастовая замкнутость, свойственная старым союзам. В 1892 году Объединенное общество механиков само пересмотрело свой устав, с тем чтобы открыть доступ в свои ряды всем рабочим машиностроительной промышленности. Ярким показателем нового усиления стремления рабочих к объединению явилось создание в 1889—1891 годах свыше 60 новых профессиональных советов.

«Новый юнионизм» прежде всего принял участие во всеобщей борьбе за законодательное установление восьмичасового рабочего дня. Некоторое время этот вопрос являлся основным предметом спора в Конгрессе тред-юнионов между социалистами и «старой шайкой»; позиция союзов медленно, но верно изменялась в пользу социалистов. Вопрос об узаконении восьмичасового рабочего дня был признан вопросом первостепенной важности на Парижском конгрессе 1889 года, восстановившем Интернационал¹ и призывавшем к сплочению рабочего класса. Ответом на этот призыв было первомайское 200-тысячное шествие лондонских трудящихся к Гайд-Парку в 1890 году, явившееся внушительной демонстрацией сил «нового юнионизма». Организация демонстрации была крупной победой марксистского руководства союза рабочих газового производства (в числе этих руководителей были Элеонора Маркс, которую Энгельс в шутку называл «боссом», и Эдуард Эвелинг, разработавший устав союза). Этот союз был ведущей силой Лиги борьбы за установление законом восьмичасового рабочего дня и Международной рабочей лиги, которые были созданы после первомайского успеха с целью организовать в будущем независимую рабочую партию на возможно более

¹ Обычно его называют II Интернационалом. Он распался во время первой мировой войны.

широкой основе. Заслуживает быть отмеченным тот факт, что новое и сильное стремление к интернациональной солидарности было характерной чертой того времени. Вновь Союз рабочих газового производства оказался, как это бывало и ранее, в первых рядах, когда доклад об Англии (проект был составлен супругами Эвелинг) был представлен в 1891 году совместно с Лигой борьбы за установление законом восьмичасового рабочего дня Брюссельскому конгрессу II Интернационала и, по словам Уилла Торна, «был признан всеми наилучшим и наиболее ценным из всех, представленных конгрессу»¹.

В сентябре 1890 года, когда позиция тред-юнионов значительно изменилась к лучшему, на конгрессе тред-юнионов в Ливерпуле «старая шайка» оказалась прижатой к стене. Джон Бернс и Том Манн присутствовали на конгрессе в качестве делегатов от падменного Объединенного общества механиков, которое все же уполномочило их голосовать за требование узаконить восьмичасовой рабочий день. После ожесточенных споров резолюция, содержащая это требование, была принята большинством в 193 голоса против 155, и обиженный Бродхёрст сложил с себя полномочия секретаря Конгресса. Два последующих конгресса прочно закрепили победу социалистов в вопросе об узаконении восьмичасового рабочего дня; конгресс в Норидже в 1894 году принял большинством в 219 голосов против 61 резолюцию Кейр Гарди о полной национализации².

Естественно, что капиталисты отнюдь не бездействовали, видя боевую наступательную деятельность «нового юнионизма». Они начали стягивать свои силы и искать способы для нанесения контрудара. Состоявшаяся в 1893 году забастовка докеров, требовавших ликвидации созданных предпринимателями Бюро свободного найма рабочей силы, потерпела неудачу. В 1897 году объединившиеся владельцы машиностроительных заводов после продолжительной и ожесточенной борьбы, возникшей вследствие массового увольнения рабочих, заставили Объединенное общество механиков признать их полными хозяевами на своих заводах. Во время двух самых круп-

¹ Third Yearly Report and Balance Sheet of the National Union of Gasworkers and General Labourers of Great Britain and Ireland (1892), pp. 5—6.

² Речь шла о национализации земли, коней, королевских монополий, орудий производства, а также торговли. *Прим. ред.*

ных для того времени забастовок горняков в так называемой «федерированной области»¹ в 1893 году и в Южном Уэльсе в 1898 году шахтовладельцами были вызваны войска. В первом случае в Фезерстопе (Йоркшир) по забастовщикам был открыт огонь, и несколько человек было убито. Расстрелом закончилась и забастовка в Южном Уэльсе, когда горняки безуспешно боролись против скользящей шкалы заработной платы, однако непосредственным следствием забастовки было создание Южно-Уэльсской федерации горняков. С другой стороны, принцип зависимости размеров заработной платы от прибылей хозяина (так же как процедура примирительного урегулирования конфликтов) был навязан рабочим и в так называемом Бруклендском соглашении, подписанием которого завершилась забастовка ланкаширских прядильщиков в 1893 году.

Несколько крупных капиталистов объединились и образовали для борьбы с союзами Парламентский совет предпринимателей, который субсидировал своего рода пинкертоновское агентство по борьбе с забастовками, называвшееся Свободной рабочей ассоциацией и возглавляемое ренегатом профдвижения авантюристом Уильямом Коллисоном. Этот совет начал кампанию за принятие нового законодательства, направленного против союзов. Эта кампания была поддержана судами, которые стали выносить решения, ущемляющие права профсоюзов в отношении пикетирования и бойкота предприятий, рабочие которых не входили в союзы. В результате этого официально существовавшие гарантии законного статуса союзов уже в конце 90-х годов выглядели весьма неопределенными и непрочными.

В такой обстановке разрыв между «новым юнионизмом» и социалистическим движением (революционным социалистическим движением) был катастрофой. Главную ответственность за это несет сектантская Социал-демократическая федерация, которая с самого начала неправильно понимала «новый юнионизм» и нападала на него; «она настаивала на том, чтобы Джон Бернс поднял красный флаг во время забастовки докеров, тогда как подобный поступок мог бы привести к гибели всего движения в целом,

¹ «Федерированная область» — Ланкашир, Йоркшир, Средняя Англия и Северный Уэльс. — *Прим. ред.*

и, вместо того чтобы привлечь докеров на свою сторону, толкнул бы их обратно в объятия капиталистов»¹. Социал-демократическая федерация отказалась также войти во всеобъемлющую рабочую партию, которую передовые руководители тред-юнионизма пытались создать в виде основанной ими в 1893 году Независимой рабочей партии. В результате Независимая рабочая партия вскоре ударилась в другую крайность, став на опасный путь оппортунизма, что приветствовал такой либерал как Джеймс Рамзей Макдональд, который старательно разъяснял, что его переход от либералов в Независимую рабочую партию ни в коей мере не означал перемены в его политических взглядах!

Особенное значение для будущего имел 1895 год. Он ознаменовался небывало высоким числом забастовок, направленных против ограничений деятельности союзов и становившихся одной из характерных черт рабочего движения того времени. Этот год был свидетелем смерти Фридриха Энгельса, за которой последовала трагедия Эвелингов и самоубийство Элеоноры Марке три года спустя; это было тяжелым ударом для небольшой руководящей группы марксистов. В 1895 году социалисты впервые развернули широкую предвыборную кампанию в пользу своих кандидатов во время парламентских выборов. Независимая рабочая партия выставила 28 кандидатов, а Социал-демократическая федерация — 5, но никто из них не был избран, в том числе и Кейр Гарди от Уэст-Хэма, хотя три года тому назад он проиграл на выборах в этом округе. Осмелевшие после этого политического поражения социалистических и «новоюнионистских» сил реакционные элементы из Конгресса тред-юнионов смогли провести на конгрессе в Кардиффе целый ряд мероприятий, создавших угрозу для рабочего движения. Советы профсоюзов, породившие, как мы видели, в 60-х годах Конгресс тред-юнионов, были исключены из его состава. Впервые было введено голосование по мандатам². В отношении лиц, не

¹ Интервью Энгельса газете *Daily Chronicle*, 1 июля 1893 года.

² Система голосования, при которой подсчет голосов производится не по числу участвующих в голосовании депутатов, а по числу членов представленных ими организаций. Это позволяет лидерам наиболее многочисленных союзов оказывать решающее влияние и протаскивать реакционные решения от имени рядовых членов, не считаясь с мнением последних. — *Прим. ред.*

занимавших каких-либо должностей в союзах и не работавших в той отрасли промышленности, представителями от которой они выдвигались, было объявлено, что они не могут быть избраны делегатами (это был удар по Гарди, Берису и т. д.). В результате этих мер Бен Тиллет не был переизбран в парламентский комитет, а резолюция о национализации была отклонена при голосовании по мандатам большинством в 607 тысяч голосов против 186 тысяч. Реакционные силы продолжали действовать и на Бирмингемском конгрессе в 1897 году. Приглашение на международный съезд профессиональных союзов было отклонено большинством в 317 тысяч голосов против 282 тысяч¹. Некоторые из новых союзов претерпели значительные изменения внутреннего характера. Так один французский наблюдатель писал о союзе докеров, что «прежний воинствующий характер союза изменился... Пособие бастующим рабочим выдается, но его размеры очень незначительны и твердо даже не определены. С другой стороны, в отношении выдачи пособия на похороны... существуют детально разработанные правила»².

В эти годы доходы от капиталовложений за границей резко возросли и развитие империализма шло гигантскими шагами. На смену исчезнувшей промышленной монополии пришла новая колониальная монополия, которая предоставляла возможностям правящим классам продолжать в измененном виде политику уступок определенным слоям рабочего класса. Конец столетия ознаменовался увеличением реальной заработной платы. Тем не менее тред-юнионы сознавали, что они должны стремиться стать

¹ Некоторые круги многого ожидали от этих действий. Конгресс тред-юнионов, но их надежды были обмануты. Так, в 1899 году, через два года после того как союз рабочих машиностроительной промышленности оказался в тяжелом финансовом положении в результате локаута, была организована Всеобщая федерация тред-юнионов. Эта организация была по существу обществом взаимного страхования и действовала как таковое, несмотря на смутные надежды на то, что со временем она станет настоящим руководящим центром тред-юнионов, каким не был Конгресс тред-юнионов. Некоторое время Федерация представляла английское рабочее движение на мировой арене, но прекратила это после восстановления Международной федерации профессиональных союзов в 1919 году. После этого Всеобщая федерация тред-юнионов уже не занимала сколько-нибудь значительного места в профсоюзном движении.

² P. de Rousiers, *Le Trade Unionisme en Angleterre* (1897), p. 181.

независимым политическим движением. Это становилось необходимым, так как предприниматели все энергичнее вели наступление на тред-юнионы.

Глава 4

ТРЕД-ЮНИОНЫ НАЧИНАЮТ ЗАНИМАТЬСЯ ПОЛИТИКОЙ (1900—1910 гг.)

В 90-х годах на конгрессах тред-юнионов делегаты-социалисты упорно, но без заметного успеха добивались учреждения парламентского фонда. В 1893 году конгресс тред-юнионов принял решение о создании фонда, но с оговоркой относительно того, что кандидаты на выборах в парламент, получающие субсидии из этого фонда, должны быть независимы как от либеральной, так и от консервативной партий. Решение это было принято незначительным большинством голосов, и для осуществления его ничего сделано не было. Когда на Эдинбургском конгрессе 1896 года вопрос об организации фонда был поставлен более решительно, предложение о проведении референдума среди профсоюзов, входящих в Конгресс тред-юнионов, было отклонено большинством в 136 голосов против 62. Однако социалисты продолжали бороться за создание парламентского фонда. На конгрессе тред-юнионов в Плимуте в 1899 году Объединенное общество железнодорожников, занимавшее умеренную позицию, вынесло на обсуждение проект резолюции, подготовленной членами Независимой рабочей партии. В этом проекте предлагалось созвать специальную конференцию представителей тред-юнионов, кооперативных обществ и социалистических организаций для обсуждения мероприятий, направленных на увеличение числа рабочих представителей в парламенте. При голосовании по мандатам эта резолюция была принята большинством в 546 тысяч голосов против 434 тысяч. В процессе обсуждения этого вопроса обнаружились существенные расхождения между профсоюзами горняков и текстильщиков.

В феврале 1900 года в Лондоне состоялась специальная конференция рабочих организаций. На ней присутствовало 129 делегатов, представлявших 500 тысяч членов тред-юнионов и 70 тысяч членов различных социали-

стических организаций. Было решено создать Комитет рабочего представительства на федеративных началах. В Комитет должны были входить тред-юнионы и советы профсоюзов, кооперативные общества и социалистические организации. На конференции был избран исполнительный комитет, в который вошли семь представителей тред-юнионов, два представителя Независимой рабочей партии, два — от Социал-демократической федерации, один — от Фабричного общества; секретарем этой новой организации стал Джеймс Рамзей Макдональд, выходец из Шотландии, молодой политикан, незадолго до этого покинувший ряды либералов и вступивший в Независимую рабочую партию¹ (о чем мы уже говорили).

Уже через год с небольшим обнаружилась слабость лейбористской партии (как вскоре стали называть Комитет рабочего представительства). Она не сумела вовлечь в свои ряды крупные организации, а на парламентских выборах 1900 года из пятнадцати выдвинутых ею кандидатов избраны были только двое.

Но положение внезапно и резко изменилось, когда усиливавшееся наступление предпринимателей достигло своей кульминационной точки, какой было объявление в июле 1901 года шумевшего решения по Тафф-Вейльскому делу. Это дело возникло в результате забастовки рабочих и служащих Тафф-Вейльской железнодорожной компании в Южном Уэльсе. Забастовка была настолько эффективной, что шахтовладельцы Южного Уэльса были вынуждены сократить угледобычу, лишив тем самым работы 100 тысяч горняков. Забастовка привлекла к себе всеобщее внимание, так как компания пыталась привлечь в качестве штрейкбрехеров проходимцев из агентства по борьбе с забастовками, возглавлявшегося Коллисоном. Однако благодаря исключительной решительности и находчивости пикетчиков эта попытка была сорвана. С помощью сигнализации, которая применяется во время туманов, пикетчиков извещали о приближении поездов со штрейкбрехерами, пикетчики покрывали рельсы на подъ-

¹ В связи с этим частенько поговаривали, что значительное число делегатов голосовало за сравнительно мало известного Джеймса Рамзея Макдональда по ошибке, полагая, что голосуют за Джеймса Макдональда — секретаря Лондонского совета профсоюзов, одного из наиболее широко известных тред-юнионистов-социалистов того времени.

емах густым слоем жира, поезда останавливались, так как колеса паровозов буксовали. Это давало возможность пикетам расцеплять составы, спускать отцепленные платформы под уклон, и выводить из строя паровозы. Взыскательная компания обратилась в Высокий суд и добилась вынесения судебного приговора против Объединенного общества железнодорожников. Союз, в свою очередь, подал кассационную жалобу, которая была отклонена, так как палата лордов поддержала компанию. Выдвинутое против союза обвинение в причинении компании большого материального ущерба было признано обоснованным, и профсоюзу было предложено уплатить штраф в 35 тысяч фунтов стерлингов, из них 23 тысячи фунтов стерлингов предназначались для покрытия убытков железнодорожной компании. В результате этого судебного приговора аннулировались, путем так называемого «юридического государственного переворота», все узаконенные права тред-юнионов, полученные ими по актам 1871—1876 годов, а организация забастовок «с какими бы то ни было практическими целями становилась незаконной»¹.

В связи с этими событиями в сентябре 1901 года на конгрессе тред-юнионов в Суонси царило большое возбуждение. Началась полоса присоединений тред-юнионов к Комитету рабочего представительства. В течение года к Комитету рабочего представительства присоединились тред-юнионы, объединяющие 100 тысяч рабочих. В 1902—1903 году этот прирост почти удвоился и общая численность рабочих организаций, объединяемых Комитетом, достигла почти 850 тысяч человек². Наступило время действовать, так как было достаточно сигналов, указывающих на то, что правящие классы повсеместно развернули наступление на тред-юнионы, типичным примером которого было Тафф-Вейльское дело. Зимой 1901 года «Таймс» поместила целый ряд статей, озаглавленных «Кризис в британской промышленности». Статьи, состоявшие из циничных разгазольствований и основанные на более чем сомнительных фактах, почерпнутых у Коллсона и поддерживавших его предпринимателей,

¹ Lord Askwith, *Industrial Problems and Disputes*, p. 92.

² Сектанты из Социал-демократической федерации избрали именно этот момент для того, чтобы выйти из Комитета рабочего представительства.

имели целью опорочить самостоятельные политические действия союзов при помощи вновь вытянутых на свет обветшалых обвинений по адресу тред-юнионов в «хитрости», «запугивании» и т. п.¹

Так как стало очевидным, что существующее консервативное правительство не намерено ничего предпринять для восстановления прав профсоюзов, победы лейбористов на дополнительных выборах в парламент показали путь к достижению еще больших успехов в будущем. Особенно показательной была победа Уилла Крукса (профсоюз бондарей) в Вулвиче в марте 1903 года, когда в результате энергичной предвыборной деятельности рабочих, использовавших лозунг свободы торговли, удалось одержать победу в этой цитадели тори. Самый крупный успех имел место на выборах в парламент в 1906 году, во время которых либералы одержали самую большую победу, повергнув консерваторов в состояние бешенства.

Лейбористы выставили на этих выборах 50 кандидатов, и, к удивлению всего капиталистического мира, еще не оправившегося от потрясения после русской революции 1905 года, 29 из них были избраны в парламент.

Хотя рабочее движение и переживало тогда определенный подъем, в действительности эта победа не была уж столь выдающейся. Во многих случаях либералы в целях борьбы с консерваторами снимали свои кандидатуры и полученные ими голоса переходили к лейбористам.

С принятием вновь избранным парламентом в 1906 году закона о конфликтах в промышленности права профсоюзов были восстановлены. С профсоюзов была снята юридическая ответственность за ущерб, который мог быть нанесен их рядовыми членами или руководителями владельцам предприятий во время трудовых конфликтов, и обеспечивалось право на никетирование. Вследствие этого судебное решение по Тафф-Вейльскому делу было пересмотрено. Однако после принятия упомянутого закона сессия парламента не приняла ни одного закона в пользу рабочих, наллюзии стали рассеиваться и усилилось чувство беспокойства. Новая политическая линия тред-юнионов была определена в 1908 году В. И. Лениным лишь

¹ Hunt, A Forgotten Campaign of *The Times* against Trade Unionism (*Modern Quarterly*, Vol. 2, No. 1).

как «первый шаг... к сознательной классовой политике и к *социалистической* рабочей партии»¹. Отсутствие четких и твердых социалистических взглядов и теории приводило к господству узкого практицизма. Один известный историк удачно отметил, что хотя лейбористы — члены парламента в 1906 году и были представителями своего класса (подавляющее большинство их составляли выходцы из рабочего класса), они были настолько *беспринципны*, что такие прогнивательные либералы-империалисты, как лорд Грей и Холдейн, могли хвастаться тем, что нашли их гораздо более «сговорчивыми», чем если бы они были истыми джентльменами².

И хотя на конференции лейбористской партии в Ньюкасле в 1903 году шла страстная борьба за политическую независимость партии, и выступая против своих оппонентов, стоявших за единение лейбористов с либералами, Кейр Гарди предостерегал их:

«Противники независимости хотят вернуть рабочее движение к политике слабого, беспринципного оппортунизма... Пусть они поостерегутся капитулировать перед либерализмом, который скует их, заставит их молчать и превратит их в беспомощную, дискредитированную, бессильную массу»,

после выборов 1906 года эти слова предостережения оказались совершенно справедливыми в отношении самой независимой — лишь на словах — парламентской фракции лейбористской партии, руководимой Гарди и Макдональдом³.

В первое десятилетие XX века завершилось созревание империалистической системы. Заключение союзов со старым врагом Францией и с царской Россией предвещало грядущее столкновение с соперником Англии, Германией. Внутри страны происходила концентрация богатства, в то время как чахнул трудовой народ. Эдуард VII был любимейшим монархом плутократии; богачей оптом жаловали дворянством, торговля наградами приобретала скандальный характер. Социальные кон-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 213.

² Elic Halévy, History of the English People: Epilogue, Vol. II, p. 91.

³ Для лейбористской партии тех лет характерно стремление избежать самого слова «социализм» при определении задач партии (Hutt, This Final Crisis, pp. 212--213).

трасты стали резкими, как никогда. Это пашло яркое отображение в материалах статистического сборника, составленного радикальным публицистом Л. Дж. Кьюцца Мани (позднее сэр Лео) «Богатство и бедность», впервые опубликованного в 1905 году и выдержавшего много изданий. Мани показал, что из 43 миллионов населения Англии не менее 38 миллионов составляла беднота, численность которой превышала численность всего населения страны сорок лет назад.

Положение рабочего класса ухудшалось и относительно и абсолютно. В то время как заработная плата в денежном выражении почти не увеличилась за период 1900—1908 годов (она выросла только на один процент), прибыли капиталистов выросли на 12,5 процента. Более того, стоимость жизни неуклонно повышалась; за период 1900—1910 годов рост цен на продовольствие привел к снижению реальной заработной платы на 10 процентов. Пять из каждых восьми взрослых рабочих-мужчин зарабатывали меньше необходимого прожиточного минимума, который тогда составлял 30 шиллингов в неделю. Потогонная система процветала во многих отраслях промышленности, особенно там, где широко применялся женский труд. Плата в 8 шиллингов за полную рабочую неделю была обычным явлением. На процессе работниц канатного производства в Крадли, превратившемся в грандиозный скандал, вскрылось, что заработная плата там была от 6 шиллингов 6 пенсов до 8 шиллингов в неделю, а вычеты за топливо и жилье достигали 2 шиллингов и более. После долгих дебатов был принят в 1909 году закон об учреждении Промышленных бюро, которые должны были устанавливать размер минимума заработной платы в «потогонных» отраслях промышленности, но в течение первых нескольких лет этот закон применялся только в отношении четырех отраслей промышленности.

Безработица стала проблемой, требовавшей немедленного разрешения. Состоялись бурные демонстрации в Лондоне и Глазго, были организованы голодные походы. В результате деятельности королевской комиссии, изучавшей вопросы, связанные с законом о бедных, выяснилось, что грубые надругательства над неимущими слоями населения продолжали процветать, а чудовищный дух нового закона о бедных 1834 года, по которому всякий бедняк считался преступником, был еще в значительной

степени жив. Позиция, занятая тред-юнионами в отношении проблемы безработицы, и их требования к парламентской фракции лейбористской партии применить более решительные меры, с тем чтобы заставить правительство действовать, вызвали злобные реплики со стороны Макдональда, жаловавшегося на «шаблонную критику» и называвшего эти требования «совершеннейшей чепухой».

Такова была обстановка, в которой начало развиваться забастовочное движение. В первой забастовке участвовало небольшое число трудящихся, но она привлекла к себе большое внимание и сыграла важную роль, так как показала, что при помощи стачечной борьбы можно добиться признания своей силы и улучшения материальных условий. Это была забастовка артистов и служащих двадцати двух лондонских мюзик-холлов в феврале 1907 года, во время которой в пикетировании участвовало более 2 500 человек. Печать широко освещала ход забастовки, так как в ней принимала участие известная артистка Мэри Ллойд. Она разыграла блестящую сценку, явившись с опозданием (в половине двенадцатого дня) на заседание следственной комиссии и выразив при этом протест против того, что ей не дали времени даже позавтракать, хотя видно было, что на свой туалет Мэри потратила немало времени; закончив давать показания, она весело похлопала своего адвоката по спине.

Среди конфликтов, происходивших в 1907 году, особенно продолжительными были две забастовки на северо-восточном побережье против сокращения заработной платы; забастовка машиностроителей продолжалась семь месяцев, а забастовка столяров и корабельных плотников длилась около пяти месяцев. В Белфасте к бастующим докерам присоединились возчики. На забастовщиков, как это обычно бывало в Ольстере, яростно обрушились власти, особенно с того момента, когда забастовку стали возглавлять Джим Ларкин и Джеймс Конолли. Были вызваны 10 тысяч солдат. В рабочих районах Белфаста кавалерия давила рабочих, нехота стреляла в забастовщиков, было много убитых.

Важную роль для будущего английского рабочего движения сыграла борьба железнодорожников, которые возобновили неудавшиеся 10 лет назад попытки добиться улучшения положения рабочих и служащих всех категорий, занятых на железнодорожном транспорте, и

заставить компании пойти на некоторые уступки в отношении заработной платы, продолжительности рабочего дня и условий труда. И на этот раз железнодорожные компании доказали, что они оправданно пользуются репутацией наиболее реакционных представителей капитала, отказавшись удовлетворить требования рабочих и пагло отвергая их жалобы. Они заняли такую позицию, несмотря на то, что тщательное обследование, проведенное Объединенным обществом железнодорожников, установило, что 100 тысяч железнодорожников, то есть почти 39 процентов, получали в неделю не более 20 шиллингов, а иногда и меньше. Позднее правильность этих цифр была подтверждена данными специальной переписи, проведенной министерством торговли. В этой связи Объединенное общество железнодорожников и Всеобщий союз железнодорожных рабочих провели голосование по вопросу о забастовке, причем огромное большинство рабочих — 80 026 против 1 857 — высказалось за прекращение работы. Когда в ноябре 1907 года железнодорожники уже были готовы пачать национальную забастовку, в конфликт вмешался Ллойд Джордж, который в то время был министром торговли. В конце концов обе стороны приняли предложение правительства об использовании как в местном, так и в национальном масштабах тщательно разработанной системы примирительных камер. Хотя рабочие избрали в эти камеры в качестве своих представителей профсоюзных деятелей и были достигнуты незначительные улучшения на местах, основные требования рабочих удовлетворены не были; представители компаний в этих камерах по всякому поводу прибегали к обструкциям и уверткам, что вызывало все увеличивающееся недовольство рабочих.

Затем последовало некоторое оживление рабочего движения в хлопчатобумажной промышленности. Прялильщики, убедившись, что Бруклендское соглашение используется против их интересов, официально расторгли его в 1905 году. Три года спустя неудовлетворительные временные соглашения, заключенные вместо Бруклендского, привели к семинедельной забастовке, закончившейся компромиссом, в основном в пользу рабочих. В хлопчатобумажной промышленности произошел ряд забастовок местного значения, вызванных гонениями на профсоюзы. В 1910 году хозяева объявили доконт в ответ на

требование рабочих восстановить на работе на фабрике в Шоу уволенного шлифовщика.

Движение горняков также сделало значительный шаг вперед. В 1908 году был установлен законом восьмичасовой рабочий день и закончилось создание Национальной федерации горняков после присоединения Нортумберлендского и Дургамского союзов, позднее всех вступивших в нее. В следующем году в Шотландии возник конфликт в связи с тем, что предприниматели хотели провести снижение расценок на 37,5—50 процентов. Это требование встретило отпор, и голосование в Федерации показало, что огромное большинство высказалось за национальную забастовку в защиту шотландцев, которым Уинстон Черчилль, сменивший Ллойд Джорджа в министерстве торговли, угрожал специальным Актом о принудительном арбитраже. Несмотря на возражения председателя союза шотландских горняков Роберта Смилли, соглашение в конце концов было заключено на основе взаимного удовлетворения претензий.

Такова была общая обстановка в 1909 году, когда при помощи законодательства началось новое наступление на тред-юнионы, направленное непосредственно против их политической деятельности. Снова был нанесен удар по Объединенному обществу железнодорожников, когда один из его членов — некто Осборн, представлявший собой весьма странный тип рабочего-консерватора и действовавший, безусловно, по указке со стороны, — потребовал от профсоюза воздержаться от расходования средств на политические цели. Дело дошло до суда, который удовлетворил требование Осборна; при этом закону было дано такое толкование, что для рабочих организаций становилась противозаконной не только всякая политическая деятельность в ее парламентском смысле, но и объединение союзов в такие организации, как советы профсоюзов и Конгресс тред-юнионов.

Последовали и другие запрещения, но либеральное правительство, всецело поглощенное «знаменитым» бюджетом Ллойд Джорджа и кампанией «лэры против чарода», не проявило ни малейшего желания воспрепятствовать этому новому извращению закона, которое совершали судьи¹.

¹ Акт о тред-юнионах 1913 года был запоздалой и неудовлетворительной попыткой исправить положение. Согласно этому акту,

Непосредственным результатом этих запретов было резкое сокращение денежных фондов лейбористской партии вследствие уменьшения поступлений от профсоюзов, но еще более важным результатом их было то, что они показали массам входящих в профсоюзы рабочих, с каким врагом они должны бороться, и еще более разожгли пламя недовольства рабочих.

Глава 5

ВЕЛИКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

(1910—1914 гг.)

Последние четыре года, предшествовавшие началу первой мировой войны, сыграли важную роль в истории профдвижения. Эти годы ознаменовались очень активными выступлениями рабочего класса страны, небывалыми по широте своего размаха. О «волнениях» рабочих свидетельствовали заголовки в газетах, «волнения» служили главной темой для публицистов всех мастей. Это была уже не та борьба, которую ведет рабочий класс, защищая свои условия жизни и труда от наступления капитала, это были те «волнения», которые ведут рабочих к переходу в контратаку, к открытому наступлению по всему фронту, преследующему новые и политические цели.

«Английская рабочая масса медленно, но неуклонно, — писал в 1913 году В. И. Ленин об этих выступлениях, — переходит на новый путь — от защиты мелких привилегий рабочей аристократии к великой героической борьбе самой массы за новое устройство общества»¹.

Для этого периода характерен чрезвычайно быстрый рост числа членов профсоюзов; если в начале этого короткого периода профсоюзы насчитывали менее 2,5 миллиона членов, то в конце — их было около 4 миллионов. За тот же период число членов профсоюзов, входящих в Британский конгресс тред-юнионов, выросло с 1,5 миллиона почти до 2,5. Разочарование рабочих в лейборист-

тред-юнионы должны были создать отдельные политические фонды из особых взносов, причем членам профсоюзов, не желавшим вносить такие взносы, было дано право не делать этого.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 301.

ской партии, руководящую роль в которой играли лидеры Независимой рабочей партии, а также тот факт, что существовавшие социалистические секты не переросли в авторитетную революционную партию, явились причиной того, что эти крупные выступления рабочего класса имели преимущественно синдикалистский характер и были движением профсоюзных низов.

Недоверие к «политике» еще более усилилось, когда правительство либералов предприняло попытку провести мероприятие, носившее не совсем пристойное название «стерилизации» рабочего движения. Политика социальных реформ Ллойд Джорджа, ставившая целью организацию Промышленных бюро, бирж труда и введения социального страхования, предусматривала создание большого количества новых постов в государственной бюрократической машине; для того чтобы занять эти посты, а их насчитывалось не менее 4—5 тысяч, не требовалось сдавать обычные вступительные экзамены. В результате были созданы широкие возможности для вознаграждения тред-юнионистских чиновников, карьеристов, воспитанных на университетских курсах для рабочих,¹ или в других подобного рода школах, за счет использования ими в личных целях служебного положения в государственном аппарате².

Борьба рабочего класса в 1910—1914 годах была продолжением и развитием движения 1889 года и «нового юнионизма». Снова рабочие массы поднялись на борьбу, во главе их были докеры, транспортные рабочие, горняки, железнодорожники. В эти годы добились выдающихся успехов профсоюзы транспортников, число членов которых увеличилось почти на полмиллиона человек. Быстрыми темпами шло также объединение в союзы неквалифицированных рабочих. Так, например, в Рабочем союзе, объединявшем в 1910 году 111 организаций с общим числом членов в 5 тысяч человек, число членов с 1911 по 1913 год выросло до 91 тысячи, а число организаций, входивших в него, — до 567.

¹ В конце XIX века английская буржуазия создала при Оксфордском и Кембриджском университетах специальные курсы для рабочих, куда принимали в основном представителей рабочей аристократии с целью воспитать из них агентов буржуазии в рабочем движении. — *Прим. ред.*

² На 16 у, op. cit., pp. 438—440.

Движение рабочего класса приобрело новые черты. Пропаганда синдикализма представителями революционного тред-юнионизма, которых возглавлял Том Манн, дала положительные результаты. Объединение рабочих по отраслям промышленности, пришедшее на смену объединениям рабочих лишь одной определенной профессии, стало лозунгом передовой тред-юнионистской молодежи. Естественным результатом распространения этих идей укрепления единства и солидарности рабочего класса была пропаганда и организация забастовок солидарности, переросших позднее во всеобщую стачку.

С целью распространения этих новых идей в профсоюзном движении возникли особые активно действовавшие группы и течения среди рядовых членов профсоюзов. Исключительно важную роль они сыграли среди горняков Южного Уэльса, где возникла организация, названная ее участниками Неофициальным движением за реформы; эта организация создала свои местные органы и опубликовала в 1912 году знаменитый боевой памфлет «Следующий шаг горняков», что вызвало неистовые нападки на нее со стороны капиталистов¹; среди железнодорожников, слияние профсоюзов которых приветствовалось рабочими, объединившимися в производственные профсоюзы, как славная победа и хороший пример; среди разделенных на цеховые профсоюзы строительных рабочих, где сторонники слияния цеховых профсоюзов представляли собой активную силу и где была создана просуществовавшая, правда недолго, единая организация — Производственный профсоюз строительных рабочих; среди машиностроителей, где боевые настроения рядовых рабочих, особенно на Клайде, способствовали распространению тех новых идей, которые привели к столь поразительным результатам в 1914—1918 годах.

¹ Неофициальное движение за реформы развернуло кампанию за реорганизацию и централизацию профсоюзов. Эта кампания повлекла за собой резкое столкновение участников движения со старыми лидерами, особенно с Уильямом Брайсом и Абрахамом, которые «метали громы и молнии против демагогии синдикализма» как в печати Федерации горняков, так и в местной печати шахтовладельцев. Участники Неофициального движения настаивали на предложении о создании Тройственного союза горняков, железнодорожников и транспортных рабочих (Ness Edwards, History of the South Wales Miners' Federation, Vol. I, pp. 66—78).

Наконец участие женщин в профсоюзном движении стало значительно более активным. Была организована Национальная федерация работниц, в которую вошли работницы профессий, не объединенных в союзы; женщины-работницы провели ряд забастовок. Высшей точкой этого движения явилось «восстание» женщин в Бермондси в августе 1911 года, когда одновременно на двадцати четырех фабриках стихийно вспыхнули забастовки; после трех тяжких недель борьбы работницы восемнадцати фабрик добились повышения заработной платы.

Влияние новых веяний чувствовалось и во многих старых цеховых профсоюзах. Примером этого были настроения рабочих во время локаута котельщиков в 1910 году, который явился ответом хозяев на отдельные забастовки; чем более затягивался конфликт, тем более возрастало среди рабочих число противников капитуляции перед хозяевами. В 1911 году даже аристократическое Лондонское общество наборщиков провело первую всеобщую забастовку в своей отрасли производства (не бастовали лишь наборщики газет), а хлесткий листок забастовщиков, ежедневно выпускаемый наборщиками под названием «Дейли геральд»¹, явился предвестником первой ежедневной рабочей газеты, которая начала регулярно выходить в следующем году под руководством Джорджа Ленсберри и его друзей². В конце года ланкаширские ткачи начали борьбу против приема на работу не-членов профсоюза. В ответ на это предприниматели объявили локаут. Такого рода конфликты получили широкое распространение среди рабочих многих профессий, особенно среди строителей. Объединенное общество механиков также откликнулось на события и новые идеи, и в 1912 году оно пересмотрело свой устав,

¹ «Дейли геральд» давно перестала быть «рабочей газетой». В настоящее время «Дейли геральд» является органом правого реакционного руководства лейбористской партии и Генсовета тред-юнионов. — *Прям. ред.*

² В ноябре 1912 года в качестве официального органа тред-юнионов и лейбористской партии стала выходить «Дейли ситизен». В противоположность свободомыслящему бунтарству «Геральда», направление «Ситизен» полностью отражало казенно-бездущный стиль руководства лейбористской партии, и, хотя профсоюзы собрали для выпуска «Дейли ситизен» 200 тысяч фунтов стерлингов, эта газета бесславно закончила свое существование в первый же год войны.

с тем чтобы открыть доступ в свои ряды всем рабочим машиностроительной промышленности, независимо от степени их квалификации¹.

Рассмотрение наиболее крупных выступлений рабочего класса можно начать с борьбы транспортных рабочих. В ноябре 1910 года несколько союзов докеров и других транспортных рабочих объединились и образовали Федерацию транспортных рабочих. В условиях, когда стоимость жизни все возрастала, а проблема обеспечения постоянной работой не была решена, докеры фактически жили не лучше, чем в 1889 году. Забастовка моряков в июне 1911 года, требовавших установления единой заработной платы во всех портах и улучшения условий работы, сопровождалась бурными волнениями в Саутгемптоне и Гулле и немедленно вызвала отклик среди всех рабочих водного транспорта. Забастовали докеры и возчики Манчестера. В июле прекратил работу лондонский порт, так как началась забастовка, которая по своему размаху и эффективности превзошла даже свою великую предшественницу. Докеры требовали, чтобы заработная плата с 6 пенсов была повышена до 8 пенсов, а за каждый час сверхурочной работы — один шиллинг. Выдвинули свои требования и портовые грузчики, рабочие газовой промышленности, возчики, грузчики угля, экипажи буксирных судов, грузчики зерна и т. д.

Даже перед лицом этого единодушного выступления рабочих управление лондонского порта во главе с лордом Девонпортом при поддержке правительства либералов категорически отказалось вести какие-либо переговоры. По предложению Уинстона Черчилля, который в то время был министром внутренних дел, военное министерство усилило лондонский гарнизон и предприняло провокационный шаг, угрожая направить в доки 25 тысяч солдат и сорвать забастовку, поставив солдат на работу вместо бастующих². Положение стало очень напряженным. Ежедневно на Тауэр-Хилл проходили многочисленные демонстрации бастующих, сотни тысяч демонстрации рабочих проходили через Сити. Боясь принимать меры, которые наверняка привели бы к восста-

¹ Однако через три года это положение было отменено. Очень немногие вступили в профсоюз по группам членства класса F, которая была учреждена.

² Webb, op. cit., p. 501.

нию, правительство, наконец, отступило и убедило администрацию порта начать переговоры с профсоюзами. Вскоре последовало решение арбитража, которое удовлетворяло большую часть требований рабочих, в том числе требование об установлении оплаты в 8 пенсов за час и один шиллинг за каждый час сверхурочной работы.

Аналогичное движение развернулось и в других портах, где также были достигнуты существенные успехи, причем события в ливерпульском порту едва не привели к гражданской войне. В Ливерпуле во всеобщей забастовке транспортников участвовали докеры, моряки, возчики, трамвайщики, железнодорожники, в общей сложности 70 тысяч человек. Руководил забастовкой Том Манн. Взрыв возмущения был вызван грубостью полиции, направшей на многолюдную демонстрацию на Сент-Джордж плато. Военные корабли вошли в Мерсей, и их орудия были направлены на город. Были вызваны войска; они стреляли по толпе демонстрантов, которые якобы пытались освободить заключенных; в результате двое рабочих было убито. О том, насколько были встревожены власти, свидетельствует следующий факт: бойцам местных территориальных частей, среди которых было много членов тред-юнионов, было категорически приказано снять затворы с винтовок (хранившихся у них дома) и сдать их в штаб¹.

Однако успехи, достигнутые в ходе забастовок, не удовлетворили рабочих водного транспорта. В январе 1912 года забастовали докеры Глазго, а в мае вновь поднялись рабочие портов на Темзе и Медузе. Рабочие протестовали против нарушения соглашения 1911 года и выражали сильное недовольство приемом на работу нечленов профсоюзов, а также отказом признавать права профсоюза за Федерацией транспортных рабочих. Рабочие утверждали, что предприниматели проводят явную политику дискриминации в отношении членов тред-юнионов. В Лондоне бастовали 100 тысяч человек, но забастовка не была поддержана рабочими других английских городов. Рабочие некоторых провинциальных портов присоединились к ней, но число присоединившихся не пре-

¹ Этими интересными историческими сведениями я обязан воспоминаниям Х. Келли, который в настоящее время является секретарем по просвещению в Ливерпульском кооперативном обществе.

вышло 20 тысяч человек. Несмотря на вмешательство правительства, лорд Девонпорт и его приспешники отказались отступить хотя бы на шаг. Если же работа будет возобновлена, заявляли они, администрация обещает выполнить соглашение 1911 года и рассмотреть претензии. Даже когда в конце июля забастовочный комитет вынес решение прекратить борьбу, докеры, несмотря на то, что они испытывали в тот момент крайние лишения, единодушно решили продолжать забастовку; однако через неделю они были вынуждены возобновить работу.

Крупные выступления рабочих водного транспорта летом 1911 года содействовали тому, что железнодорожники также стали открыто высказывать недовольство неудовлетворявшим их и ранее соглашением 1907 года. Стихийно вспыхивающие забастовки железнодорожников в Ливерпуле, Манчестере и других центрах, отражали ставшее всеобщим требование начать национальную забастовку. Объединив свои силы, руководство союзов железнодорожников предъявило компаниям ультиматум, потребовав ответа в течение 24 часов. Вмешавшись в этот конфликт, правительство еще раз продемонстрировало свою солидарность с предпринимателями. Премьер-министр Асквит, обращаясь к представителям профсоюзов, в очень враждебном и агрессивном тоне предложил создать какую-то неопределенную королевскую комиссию. Он угрожал, что правительство применит войска для ликвидации любой попытки начать забастовку. «И тогда ваша кровь падет на ваши же собственные головы», — заявил он, когда его циничное предложение было отклонено и профсоюзы призвали к первой национальной забастовке железнодорожников. Слово «кровь» стало часто употребляться.

«По настоянию Уинстона Черчилля... была проведена внушительная демонстрация войск, большое количество которых было послано в Манчестер и другие города, и это делалось отнюдь не по просьбе гражданских властей, а по требованию компаний. Фактически было решено проводить политику репрессий, и в любой момент могло произойти кровопролитие»¹.

¹ Webb, op. cit., p. 529.

В Ланелли в демонстрантов стреляли, много рабочих было ранено, двое умерло от ранений. Это вызвало огромное возмущение, и «бойлия» была осуждена даже в парламенте.

Хотя забастовка на железных дорогах не была всеобщей (прекратили работу 200 тысяч железнодорожников), она все же полностью парализовала железнодорожный транспорт, что, в свою очередь, быстро привело к нарушению всей работы промышленности. Правительство было вынуждено отказаться от политики Черчилля «расстреливайте их», используя как предлог напряженное международное положение, а именно — Агадирский инцидент. Таким образом, железнодорожные компании впервые были вынуждены вступить в переговоры с профсоюзами. Было проведено расследование, и, после того как стало ясно, что дальнейшее упорство компании может вызвать возобновление забастовки, соглашение в конце концов было достигнуто. Примирительные камеры были реорганизованы, а представители профсоюзов допущены в них в качестве секретарей. Таким образом, втихомолку было совершено своего рода признание профсоюзов де-факто.

В результате этой забастовки тред-юнионы железнодорожников буквально преобразились. Некоторое представление о том, каким стимулирующим объединение фактором была забастовка, можно составить на примере Ассоциации железнодорожных конторских служащих, самого молодого из профсоюзов железнодорожников, который в 1910 году насчитывал лишь 10 тысяч членов, а за три года, последовавшие за забастовкой, его ряды утроились.

Большим событием явилось создание в 1913 году, после длительных переговоров, Национального союза железнодорожников, в который вошли Объединенное общество железнодорожников, Всеобщий союз железнодорожных рабочих и малочисленный Союз стрелочников и сигнальщиков. Объединенное общество паровозных машинистов и кочегаров, убежденный сторонник принципа объединения по профессиям, осталось в стороне. Национальный союз железнодорожников решительно выступил за принцип объединения по производственному признаку, провозгласив своей целью создание такой организации, в которую входили бы все рабочие, занятые на

железнодорожном транспорте или связанные с ним, независимо от специальности и степени квалификации¹. Не менее показательна также структура и организация работы этого профсоюза «нового образца» — образца XX века. В Национальном союзе железнодорожников сочеталось существование выборных представительных органов (ежегодное общее собрание и исполнительный комитет с секционными подкомитетами, окружные советы) с концентрацией большой власти в руках исполнительного комитета, который, согласно уставу, сам намечал все проводимые союзом мероприятия и руководил их проведением; он отнюдь не считал обязательными для себя те постановления, которые принимались по какому-либо вопросу большинством голосов членов союза, и в гораздо большей степени зависел от высших профсоюзных чиновников. Этим обстоятельством и объясняется продолжительное пребывание Дж. Х. Томаса на посту генерального секретаря Национального союза железнодорожников.

Выступления горняков начались еще до того, как на транспорте вспыхнули забастовки. Однако наибольшего размаха эта борьба достигла несколько позднее. Осенью 1910 года возник конфликт на шахтах Кэмбриан Камбайн (в долине Ронта). Причиной конфликта послужил вопрос о том, как будет производиться оплата труда в тех случаях, когда добыча угля была особенно трудоемка. Конфликт перерос в забастовку, в которой приняло участие 10 тысяч горняков. Высокомерное отношение к нуждам горняков со стороны предпринимателей во главе с Д. А. Томасом (лорд Ронта) вызвало взрыв недовольства и бурные демонстрации протеста. В долину Ронта из столицы были посланы полицейские отряды и войска, и в Тонипанди произошло столкновение с забастовщиками. На протяжении всего 1911 года на шахтах каменноуголь-

¹ Это явилось вызовом не только Объединенному обществу машинистов и кочегаров, с которым у Национального союза железнодорожников с самого начала установились враждебные отношения, но и Союзу машиностроителей и другим цеховым профсоюзам, объединявшим рабочих железнодорожных мастерских. Споры между Национальным союзом железнодорожников и цеховыми профсоюзами по вопросу распределения сфер влияния и контингента членов из числа рабочих железнодорожного транспорта стали повседневным явлением.

ного бассейна Южного Уэльса не прекращались забастовки. Тем временем Федерация горняков поставила в национальном масштабе вопрос об оплате труда горняков в тех случаях, когда добыча угля особенно трудоемка, и вела переговоры об установлении дифференцированного по округам твердого минимума заработной платы, но успеха не добилась.

В декабре 1911 года конференция делегатов Федерации горняков вынесла решение о проведении голосования по вопросу об организации национальной забастовки за установление твердого минимума заработной платы в размере 5 шиллингов за смену для взрослых рабочих и 2 шиллингов для подростков. Когда в январе 1912 года такое голосование было проведено, то большинство (445 800 против 115 271) высказалось за объявление такой забастовки. Предприниматели, не замечавшие изменений в настроениях горняков, принципиально отказались установить твердый минимум заработной платы, но при этом заявили, что не возражают против обсуждения вопроса об оплате труда за добычу угля в особенно трудных условиях. 1 марта горняки единодушно забастовали. Как один человек, миллион горняков прекратили работу, и первая всеобщая забастовка горняков оказалась не только трудовым конфликтом самых крупных масштабов, известных доселе в Англии, но и самой крупной и самой грандиозной стачкой в промышленности. Правительство поспешно вменялось, составило проект закона о минимуме заработной платы и утвердило законопроект уже к концу марта. Эта мера не удовлетворила горняков, требовавших установления минимума заработной платы в национальном масштабе, тогда как этот закон предусматривал лишь создание органа, который занялся бы определением минимума заработной платы для каждого округа. Большинство бастовавших (244 011 голосов против 201 013) проголосовало за продолжение стачки, однако конференция делегатов 6 апреля приняла решение о возобновлении работы¹.

Федерация горняков блестяще продемонстрировала свою наступательную силу. Только за один год число членов тред-юнионов среди горняков выросло почти на

¹ На том основании, что для продолжения забастовки необходимо большинство в две трети голосов.

160 тысяч человек, а общая численность Федерации превысила 900 тысяч. В более широком смысле, как писал Ленин,

«стачка углекопов положительно составила эпоху... после стачки углекопов английский пролетариат *уже не тот*. Рабочие научились бороться. Они увидели тот *путь*, который приведет их к победе. Они почувствовали свою силу... В соотношения общественных сил в Англии произошел сдвиг, который не выразишь цифрами, но который чувствуется всеми»¹.

После того как транспортные рабочие, железнодорожники и горняки провели крупные бои, дальнейшее наступление проходило в форме многочисленных забастовок меньших масштабов, охвативших почти все отрасли промышленности. 1913 год ознаменовался, как отмечалось в официальном отчете, большим числом конфликтов, «далеко превосходившим число конфликтов, зарегистрированных в предыдущие годы. Рост числа столкновений между рабочими и предпринимателями отмечался во всех основных отраслях промышленности, особенно в строительной, металлургической, машиностроительной, кораблестроительной и текстильной», хотя ни в одном из выступлений не принимало участия более 50 тысяч рабочих. Типичным отражением беспокойства, охватившего капиталистов, являются комментарии одной газеты:

«Пожалуй, в данный момент наиболее отличительной чертой этих беспорядков является всеобщий дух возмущения не только против всех предпринимателей, но и против лидеров, против решений большинства, против парламентской или всякого другого рода конституционной и упорядоченной деятельности»².

«Всеобщий дух возмущения» охватил даже обычно спокойные отрасли металлопромышленности Бирмингэма и «Черного края». Молодые работницы на заводах Дадли просто заявили, что они больше не могут жить на свою заработную плату, и объявили забастовку, потребовав установить минимум заработной платы в 23 шиллинга в неделю. Весной и летом 1913 года на различных заводах металлоизделий, трубопрокатных заводах, заво-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 437, 438.

² Цит. по книге Askwith, op. cit., p. 347.

дах по изготовлению гаек и болтов бастовало 50 тысяч рабочих, в июле большинством в несколько тысяч голосов против 99 условия предпринимателей были отвергнуты и три делегации забастовщиков предприняли поход в Лондон. Требование о повышении заработной платы было удовлетворено и одновременно был создан аппарат для урегулирования конфликтов.

Однако одно из самых важных исторических событий того года произошло в Ирландии. Всеобщая забастовка в Дублине в августе и сентябре явилась боевым крещением для Ирландского союза транспортных и неквалифицированных рабочих, действовавшего под революционным руководством Джеймса Конолли и Джима Ларкина. Ожесточенная борьба 80 тысяч дублинских рабочих вызвала горячий отклик во всей Англии. Английские рабочие выразили свою солидарность, отправив в Дублин через посредство кооперативных организаций пароход с продовольствием; в забастовках солидарности приняло участие 7 тысяч английских железнодорожников. По-иному отнеслись к борьбе дублинских пролетариев лидеры лейбористской партии типа Филипа Сноудена, которые выступали с яростными нападками на боевую политику профсоюзов. Жестокий полицейский террор, направленный против дублинских забастовщиков, издевательства и кровавая расправа, в результате которой двое рабочих было убито, 400 ранены и более 200 арестованы, вызвали бурю негодования у рабочего класса. Реакция не смогла сдержать рост негодования рабочих. Рабочие извлекли для себя новые уроки: в тред-юнионах все чаще стали говорить о вооружении рабочих, о всеобщих забастовках, о революционных действиях. Так, на Манчестерском конгрессе тред-юнионов председатель Федерации горняков Роберт Смитли сказал:

«Если дело идет к тому, что революция будет навязана моим людям такими действиями, какие имели место в Дублине и в других местах, то я заявляю, что, законно это или незаконно, наш долг заключается в подготовке людей к тому, чтобы они могли защищаться... Когда встает такой серьезный вопрос, долг всего тред-юнионистского движения серьезно обсудить вопрос о всеобщей забастовке»¹.

¹ *Report of the Trades Union Congress, Manchester, 1913, p. 72.*

К началу второй половины 1914 года все указывало на назревание в стране крупнейшего политического и социального кризиса. Уже в ноябре 1913 года лорд Асквит, главный официальный посредник при конфликтах в промышленности, выступая перед избранной аудиторией, заявил, что «через сравнительно короткое время в этой стране может начаться широчайшее движение; недавние события являются лишь слабым предвестником его».

Стоимость жизни продолжала расти. Рядовые члены тред-юнионов удвоили свои усилия по укреплению профсоюзных организаций, число забастовок против приема на работу не-членов профсоюзов неуклонно росло. Именно такой характер носили забастовки в строительной промышленности в Лондоне в 1913 году, которые объявлялись в большинстве случаев вопреки воле руководителей союзов; забастовки повлекли за собой в начале 1914 года всеобщий локаут в Лондоне. Предприниматели требовали, чтобы союзы наказывали тех своих членов, которые осмеливались бастовать без согласия своих руководителей, а также чтобы союзы вносили денежный залог, который будет конфисковываться в случае возникновения забастовки, нарушающей правила, установленные для рабочих данной отрасли промышленности; рабочим предъявили также новое издание «документа», потребовав, чтобы каждый рабочий дал индивидуальное обязательство спокойно работать с не-членами союза, в случае же нарушения этого обязательства он должен будет, согласно этому «документу», уплатить штраф в один фунт стерлингов. Локаут продолжался более шести месяцев, и, когда предложения по урегулированию конфликта были отвергнуты голосованием, предприниматели решили организовать локаут в национальном масштабе. Им не удалось это сделать, так как началась война.

Битва строителей была лишь одной из многих. Официальные цифры говорят сами за себя. Если в 1908 году ежемесячно возникало немногим более 30 конфликтов, а в 1911 году это количество возросло почти до 75 в месяц, то во вторую половину 1913 года и в первую половину 1914 года их количество удвоилось: ежемесячно регистрировалось до 150 забастовок. «Британский тред-юнизм,— писали супруги Уэбб летом 1914 года,— готовился к почти революционному взрыву огромных кон-

фликтов в промышленности»¹. Крупные организации рабочих снова готовились к бою. Горняки готовились выступить осенью с новыми требованиями. Крепди союзы транспортных рабочих. Среди железнодорожников, вновь раздраженных увертками и надувательствами представителей компаний в примирительных камерах, назревало новое наступательное движение, и было очевидно, что оно будет носить политический характер. Выйдя за рамки вопросов заработной платы и продолжительности рабочего дня, движение железнодорожников по-новому поставило вопрос о национализации железных дорог, который неоднократно разбирался на многих конференциях. Железнодорожники во весь голос заявили, что они желают участвовать в контроле над железными дорогами; в резолюции, подготовленной Национальным союзом железнодорожников для рассмотрения на конгрессе трудюнионов в 1914 году, говорилось, что «никакая система государственной собственности на железные дороги не может быть принята организованными железнодорожниками, если она не обеспечит им полностью политических и социальных прав»; железнодорожникам нужна система, говорилось далее в резолюции, которая «в должной мере обеспечила бы им участие в контроле и ответственность за безопасную и эффективную работу железных дорог». Наконец в машиностроительной промышленности, где истек срок соглашения, ожидалось, что рабочие выдвигнут широкие требования в отношении заработной платы, продолжительности рабочего дня и условий труда вообще.

Самым знаменательным предвестником приближавшихся битв являлось укрепление и расширение единства основных боевых сил рабочего класса. По инициативе Федерации горняков, под давлением по-боевому настроенных рядовых членов было внесено предложение о заключении союза о взаимной помощи с железнодорожниками и транспортниками. В 1914 году Национальный союз железнодорожников и Федерация транспортных рабочих приняли это предложение, и таким образом оформился Тройственный союз, как сразу же называли эту организацию. Это новое мощное объединение сил произошло на основе все растущего наступательного духа рядовых членов союзов, которые, не в пример самодо-

¹ Webb, op. cit., p. 690.

вольной и теперь безнадежно олиберализировавшейся руководящей группе Макдональда в лейбористской партии, понимали, что:

«путь вперед был узок, скользок и усеян препятствиями... Нарастало возбуждение, а вместе с ним росло и движение за сокращение рабочего дня, повышение оплаты труда и расширение прав как в промышленности, так и в управлении страной. Молодежь была готова к действию... Господствовал дух мятежа, который неопределенно выражался часто произносившимися словами: «Подождите до осени»¹.

Но и в других отношениях атмосфера, в которой развертывалось это движение и совершались такие события как образование Тройственного союза, была отнюдь не нормальной. Кризис в вопросе о гомруле и мятеж консерваторов в Олстере в марте 1914 года поставили правящий класс в чрезвычайно тяжелое положение. После беззастенчивого подстрекательства и подготовки к гражданской войне, организованных благородными лордами-помещиками, политиками-тори и офицерами армии, вполне можно было ожидать, что «рабочий класс быстро станет теперь стряхивать с себя филистерскую веру в ту бумажонку, называемую английской законностью и конституцией, которую на глазах всего народа разорвали английские аристократы»². Выступая в Сити 17 июля 1914 года, Ллойд Джордж открыто заявил, что, если бы «восстание» рабочих совпало с ирландским кризисом, «создалась бы самая серьезная ситуация из всех, с которыми какому-либо английскому правительству приходилось иметь дело на протяжении веков»³. Историк-консерватор впоследствии писал об этих днях: «Если бы угроза войны со стороны Германии не осуществилась так скоро, то весьма вероятно, что войну предупредила бы революция... вопрос заключался в том, не начнется ли гражданская война раньше, чем мировая война»⁴.

В июле 1914 года наблюдались и другие проявления этого нового духа, притом в самых неожиданных мес-

¹ Askwith, op. cit., pp. 353, 356.

² В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 207.

³ Цит. по Halévy, op. cit., p. 478.

⁴ Esme Wingfield-Stratford, The Victorian Aftermath, p. 310.

тах. В Вулвичском арсенале была организована забастовка с требованием восстановить уволенного рабочего. Но проблемы, которые казались такими мрачными и угрожающими для существующего порядка в июле, исчезли, — по крайней мере, казалось, что они исчезли, — в начале августа. В начале этого месяца состоялось сто забастовок, в конце месяца их было только двадцать. Война с Германией «осуществилась» как раз вовремя, для того чтобы разрядить внутренний кризис, а также для того, чтобы попытаться разрешить внешний кризис.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОД

Глава 6

ТРЕД-ЮНИОНЫ — «ЧАСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ МАШИНЫ ГОСУДАРСТВА» (1914—1918 гг.)

Первая мировая война явилась переломным моментом в истории тред-юнионистского движения и положила начало совершенно новому периоду. Она принесла, по выражению супругов Уэбб, «коренное изменение социальных и политических позиций официальных представителей тред-юнионистского мира»; это послужило существенной предпосылкой «признания» тред-юнионистского аппарата «частью социальной машины государства»¹. Причина такого «признания» проста. «Если бы организованный рабочий класс выступил против войны, то можно с уверенностью сказать, что военные усилия страны были бы ослаблены»². Без самого тесного сотрудничества между тред-юнионистскими лидерами, контролировавшими профсоюзный аппарат, и капиталистами никогда не удалось бы впрячь рабочий класс в военную колесницу империализма. Такого рода сотрудничество уже не могло основываться на старых его принципах, нужны были новые, более непосредственные и лучшие организованные связи между тред-юнионами и центральным органом классового господства буржуазии — государством: буржуазия надеялась установить их путем привлечения тред-юнионистских лидеров в государственный аппарат.

Эти большие перемены в профсоюзном движении произошли в результате отказа тред-юнионистских лидеров, их коллег из лейбористской партии, а также боль-

¹ Webb, op. cit., p. 635.

² Ibid., p. 692.

шинства II Интернационала от своих торжественных обещаний, которые они неоднократно давали в предвоенные годы,—предотвратить войну, а если она разразится, то положить ей конец революционным путем.

Интересно проследить этапы отказа от этих обещаний.

1 августа 1914 года Артур Гендерсон и Кейр Гарди в качестве представителей английского рабочего класса выпустили манифест, осуждающий «позор» ведения войны на стороне «русского деспотизма». Манифест заканчивался призывом: «Рабочие, совместными усилиями отстаивайте мир! Объединитесь и подавите раз и навсегда сопротивление врагов-милитаристов и корыстолюбивых империалистов! Долой классовое господство буржуазии! Долой господство грубого насилия! Долой войну! Да здравствует мирная власть народа!» Эти же мысли были высказаны на следующий день в резолюции, принятой на антивоенном митинге на Трафальгарской площади, где выступали такие ведущие тред-юнионистские лидеры, как Гендерсон, Уилл Торн, Джордж Ленсберн, Гарди и другие.

4 августа Англия объявила войну Германии. Три дня спустя парламентская фракция лейбористов приняла решение воздержаться при голосовании военных кредитов, и, вместо ушедшего в отставку Рамзея Макдональда, лидером фракции был избран Гендерсон.

Через неделю после этого было объявлено об отсрочке «на непродолжительное время» созыва очередного конгресса тред-юнионов. Конгресс так и не был созван в 1914 году.

В конце августа конференция представителей парламентского комитета Конгресса тред-юнионов, исполнительного комитета лейбористской партии и правления Всеобщей федерации тред-юнионов объявила «перемнирие в промышленности».

В начале сентября комитет Конгресса тред-юнионов выпустил обращение ко всем членам тред-юнионов с призывом поддержать решение лейбористской партии об участии «всей партии» в кампании по вербовке в армию. В обращении говорилось, что «от результатов войны, которую ведет в данное время Англия, зависит сохранение и дальнейшее существование независимого демократического образа правления».

15 октября Конгресс тред-юнионов совместно с лейбористами — членами парламента и другими лидерами партии опубликовал заявление о войне. В нем утверждалось, что «победа Германии означала бы смерть демократии в Европе».

«Деловая жизнь идет попрежнему» — таков был лозунг первых месяцев войны. Однако вскоре оказалось, что «деловая жизнь» идет далеко не попрежнему. Нарушение нормального хода работы промышленности, резкое повышение спроса на военные материалы (приведшее к повсеместному наступлению на существовавшие условия труда, которое превратилось, по словам одного официального историка, «в разнузданную кампанию за удлинение рабочего дня») и неуклонно растущая стоимость жизни явились причинами волнений и целого ряда забастовок местного значения, начатых вопреки воле руководства тред-юнионов. Если к концу августа 1914 года число конфликтов в промышленности сократилось до 20 в месяц, то в марте 1915 года их число уже возросло до 74. Наиболее крупным конфликтом была забастовка в феврале 1915 года машиностроителей промышленного района Клайда. Забастовкой руководил Центральный забастовочный комитет, избранный рабочими в цехах. Второй по значению была забастовка на огромных заводах Армстронг-Уитворт в Элсике, направленная против использования неквалифицированных рабочих на работах, требующих квалификации.

В связи с ростом забастовочного движения правительство созвало в феврале 1915 года крупнейших тред-юнионистских лидеров на конференцию, которая состоялась в министерстве финансов. В результате заключенного там соглашения (к которому горняки отказались присоединиться) «тред-юнионистский ягненок лег бок о бок с капиталистическим львом»¹ и начался процесс, который, будучи юридически подкреплен Актами о производстве вооружения (1915—1917 гг.), по существу привел к установлению «трудовой повинности»². Право бастовать было «временно» отменено. Место забастовки занял правительственный арбитраж. Действие всех тред-юнионистских уставов и постановлений было также при-

¹ *The Herald*, July 17th, 1915.

² Webb, op. cit., p. 639.

остановлено. В огромных масштабах начала производиться замена квалифицированных рабочих неквалифицированными. Введение «увольнительных свидетельств» практически закрепило рабочих за предприятиями.

Для того чтобы побудить тред-юнионистских лидеров отказаться от всех завоеваний, которых рабочий класс достиг с таким трудом, и полностью обезоружить его в вопросе об условиях труда, правительство дало три обязательства. Во-первых, соглашения между союзами и предпринимателями об условиях труда, действие которых было приостановлено, вновь полностью войдут в силу после войны; во-вторых, отмена всех ограничений никоим образом не приведет к росту прибылей предпринимателей; в-третьих, в военное время должен быть гарантирован минимум заработной платы, причем «вновь пришедшим на производство неквалифицированным рабочим» заработная плата должна выплачиваться такого же размера, как она ранее выплачивалась квалифицированным рабочим за ту же самую работу.

Ни одно из этих обещаний не было выполнено. Соглашения между тред-юнионами и предпринимателями об условиях труда восстановлены не были; единственная уступка, сделанная правительством в 1919 году, сводилась к предоставлению рабочим права требовать от предпринимателей на основании закона восстановления довоенных условий, причем по истечении года предприниматель имел право отказаться от них. Налог на военные прибыли, введенный в 1916 году, был отменен через год, и взамен его был введен поистине смехотворный налог на сверхприбыль. В результате война принесла «самые большие прибыли, которые когда-либо знала Англия... Свыше 4 миллиардов фунтов стерлингов было нажито на войне только в годы войны, помимо прибылей, нажитых на ней до начала войны»¹. В годы войны принцип равной оплаты за равный труд не соблюдался по отношению к неквалифицированным рабочим (особенно по отношению к женщинам), выполнявшим работу квалифицированных рабочих. Правительство бесконечно затягивало вопрос об установлении какого бы то ни было минимума заработной платы. Итак,

¹ Заявление лорда Бакмастера в палате лордов 18 февраля 1919 года.

«фактически члены профсоюзов, из патристических побуждений воздерживавшиеся в начале войны от обсуждения цены своей помощи [в ведении войны], по окончании войны были в целом обмануты. Хотя кое-где отдельные группы рабочих в наиболее напряженный период получали исключительно высокую заработную плату, размеры окладов, если взять промышленность в целом, вопреки утверждениям официальных документов, никогда не увеличивались столь же быстро и в такой же степени, как стоимость жизни. Подавляющее большинство рабочих могло купить на свою заработную плату в 1919 году меньше товаров, чем в 1913 году, а многие даже терпели жестокие лишения»¹.

Особый интерес представляло положение в авиационной промышленности, в то время еще очень молодой отрасли производства, но уже имевшей первостепенное военное значение. Официальная история Объединенного общества деревообделочников впоследствии разоблачила «правительство, которое было готово рисковать даже исходом войны в своем стремлении умиротворить промышленников, которые наживались за счет рабочих авиационной промышленности»². События показали, что при наличии крепких заводских организаций профсоюзов и при наличии у самих трудящихся воли к объединению и сопротивлению можно с успехом бороться против невыносимой потопной системы, установленной правительством и предпринимателями.

Будучи самой молодой отраслью военной промышленности, авиационное производство находилось в те дни еще в хаотическом состоянии. В Лондоне, например, на 23 заводах существовало 11 различных ставок. Размеры ставок зависели от округа, в котором находился завод, эти ставки зачастую были ниже обычных расценок на данный вид работы. В авиационную промышленность брали людей из деревообделочной промышленности, в которой действовало более дюжины профсоюзов. Все эти союзы были представлены в Комитете авиационных рабочих Лондонского округа, организованном в 1914 году.

¹ Webb, *op. cit.*, pp. 643—644.

² S. Higginbottom, *Our Society's History* (official history of the Amalgamated Society of Woodworkers: Manchester, 1939), p. 212.

Два года дискуссий не привели к увеличению заработной платы, и потребовалось заявление 90 процентов лондонских рабочих о том, что они забастуют¹, чтобы заставить предпринимателей пойти хотя бы на незначительные уступки. При определении размеров ставок предприниматели отказывались установить единый для всей страны минимум; этим вопросом занимался Национальный комитет деревообделочников авиационной промышленности, который был создан совместными усилиями профсоюзов. Кроме того, Комитет боролся против стремления предпринимателей, полностью поддерживаемых правительством, повсеместно внедрить систему сдельной работы, результаты которой, по утверждению рабочих, были «опасны для жизни летчиков вследствие спешки и частых преступных нарушений нормальной технологии производства». Правительство ответило на это:

«Это наше дело, а не ваше. За жизни летчиков отвечает правительство, и, если оно приходит к заключению, что они могут подвергаться риску за счет увеличения выпуска продукции, вы должны предоставить это решать правительству».

Уинстон Черчилль, в то время министр вооружения, особенно настаивал на введении системы сдельной работы, против которой выступило огромное большинство авиационных рабочих. В конце концов в ноябре 1917 года министр согласился пойти на установление гарантированного минимума заработной платы и на удовлетворение других требований рабочих. Но прошли недели, а министерский приказ, обязывающий предпринимателей заключить и соблюдать соглашение, удовлетворяющее эти требования, так и не был издан. Когда председатель Федерации предпринимателей нагло заявил профсоюзам, что «согласие министерства подписать соглашение, после того как оно будет достигнуто, ни в малейшей мере не связывает и не обязывает нас», было решено в феврале 1918 года начать подготовку к общенациональной забастовке рабочих авиационной промышленности. Члены Национального комитета сейчас же были вызваны к министру. Вот как рассказывается об этом в официальной истории профсоюза деревообделочников:

¹ Фактически было подано коллективное заявление с требованием выдать увольнительные свидетельства.

«Черчилля окружал внушительный синклит, состоявший из руководителей армии и флота. Министр всячески старался запугать Национальный комитет деревообделочников авиационной промышленности, цитируя различные акты, предоставлявшие ему право расправиться с теми лидерами, которые имели бы отношение к организации национальной забастовки. На угрозу Черчилля не дать разрешения на проведение забастовки Национальный комитет деревообделочников ответил, что она *уже* подготовлена и что все деревообделочники в авиационной промышленности Англии прекратят работу 9 февраля, *если* правительство не издаст приказа о том, что предприниматели должны соблюдать условия национального соглашения. Это поставило Черчилля в затруднительное положение; он мог арестовать членов Национального комитета, но не мог предотвратить ухода с работы 60 тысяч человек. В конце концов вечером 8 февраля 1918 года Черчилль капитулировал»¹.

Положение профсоюзов в авиационной промышленности было необычным: наряду с цеховыми старостами ими руководили и лидеры тред-юнионов. Характерной чертой 1914—1918 годов было укрепление авторитета цеховых старост, по мере того как уменьшалось влияние лидеров тред-юнионов, которые сложили оружие в борьбе с предпринимателями. В машиностроительной промышленности цеховые старосты, уже существовавшие и ранее в качестве сборщиков членских взносов и докладчиков окружным комитетам своих тред-юнионов, превратились в выразителей воли и руководителей рабочих масс на предприятиях. Еще более знаменательным был тот факт, что, как это часто случалось, цеховые старосты были уже не официально назначенными руководством тред-юнионов должностными лицами, а неофициальными представителями, избранными всеми рабочими данного предприятия, как входящими, так и не входящими в профсоюз. Так возникли «непосредственно на производстве» организации, являвшиеся ответом рабочих на сотрудничество профсоюзных лидеров с государственным аппаратом.

¹ Higenbottam, op. cit., pp. 211—212.

Одним из первых и многозначительных симптомов, свидетельствовавших о росте движения цеховых старост, была забастовка на Клайде в 1915 году. Она возникла в результате конфликта, который назревал еще перед войной. В июне 1914 года Окружной комитет Объединенного общества механиков в Глазго столкнулся лицом к лицу с тем из ряда вон выходящим фактом, что ставки механиков в Глазго были значительно ниже, чем в других округах, и решил предъявить требование о надбавке — два пенса в час. Когда в конце года это требование было предъявлено, предприниматели после долгих проволочек согласились на надбавку, но не более полупенса в час. Тогда рабочие на предприятиях взяли дело в свои руки; под руководством своих цеховых старост машиностроители пятнадцати предприятий, включая крупные военные заводы, выполнявшие военные заказы, отказались выполнять сверхурочную работу. Этот отказ рабочих вызвал сильное недовольство со стороны Исполнительного комитета Объединенного общества механиков, который 12 февраля совместно с предпринимателями рекомендовал рабочим согласиться на надбавку в $\frac{3}{4}$ пенса в час, провокационно затянув проведение голосования среди рабочих по этому вопросу до 9 марта. Это было последней каплей, переполнившей чашу. Одно предприятие за другим объявляло забастовку; цеховые старосты собрались для создания Центрального забастовочного комитета, о котором говорилось выше.

Этот Комитет решительно потребовал исключительного права на ведение переговоров об урегулировании спорного вопроса на том основании, что официальные должностные лица тред-юнионов вследствие оказываемого на них нажима со стороны правительства не являются независимыми представителями; Комитет заявил также, что он действует от имени рабочих и является единственным действительно представительным органом, то есть органом, представляющим все участвующие в конфликте тред-юнионы. В результате голосования Объединенное общество механиков полностью одобрило это требование Комитета и отвергло предложение предпринимателей большинством в 8 927 голосов против 829. Комитет продемонстрировал силу своего влияния, дав лишь 4 марта распоряжение об окончании забастовки, то есть через три дня после того, как истек срок ультима-

тума правительства, грозившего насильственным арбистражем. Предприниматели были вынуждены согласиться на надбавку в один пенс в час с соответствующим повышением ставок при сдельной оплате.

Следующей крупной забастовкой была забастовка горняков Южного Уэльса в июле 1915 года. Федерация горняков, как уже указывалось выше, отказалась присоединиться к соглашению, заключенному в министерстве финансов, и именно горняки Уэльса были пионерами в создании организаций, полных боевого наступательного духа. Уже давно существовало недовольство соглашением, заключенным в 1910 году на пять лет. Теперь это недовольство усугубилось и переросло в конфликт в связи с тем, что шахтовладельцы самым бесстыдным способом «пытались использовать войну в своих собственных выгодах»¹, нагло отвергая в то же время требования Федерации горняков Южного Уэльса о заключении нового соглашения, которое предусматривало бы повышение заработной платы и другие уступки рабочим. Затем в конфликт вмешалось правительство в лице министра торговли Ренсимена, позднее ставшего лордом. Это вмешательство «фактически спровоцировало забастовку»², решение начать которую было принято большинством в 42 850 голосов членов Федерации. Правительство поспешно объявило о распространении на Южно-Уэльские угольные шахты карательных положений Акта о производстве вооружения. Но 200 тысяч горняков нельзя было запугать такого рода угрозами или неистовой кампанией клеветы, которая немедленно была пачата всей капиталистической прессой.

Горняки забастовали все, как один, и менее чем через неделю правительство резко изменило свою позицию; оно вынуждено было отвергнуть предложения шахтовладельцев и принять основные требования горняков.

И все же именно Клайдская забастовка, о которой говорилось выше, ознаменовала собой появление цеховых старост в качестве ядра совершенно новой формы организации рабочих на предприятиях. Эта забастовка породила Клайдский рабочий комитет, который решительно выступил против Акта о производстве вооружения. Под-

¹ *Labour Year Book*, 1916, p. 79.

² *Ibid.*, p. 78.

держку этого Акта руководителями тред-юнионов Комитет заклеймил как «предательство интересов рабочего класса». Комитет следующим образом сформулировал свои задачи:

«Добиваться постоянного усиления контроля над условиями работы в цехах, определять условия найма рабочих, организовывать рабочих по классовому принципу и вести классовую борьбу до тех пор, пока не будет достигнуто полное уничтожение современной системы оплаты труда, завоевана свобода для рабочих и установлена промышленная демократия».

По типу Клайдского рабочего комитета были созданы рабочие комитеты в Лондоне, Шеффилде и других центрах. В 1916 году была создана Национальная организация цеховых старост и рабочих комитетов. Низовой ячейкой организации являлся цеховой комитет, состоявший из старост, избранных в данном цехе или отделении. Заводской или фабричный комитет состоял из представителей различных цеховых комитетов. Заводские и фабричные комитеты, в свою очередь, посылали своих представителей в состав местных или окружных комитетов, которые избирали Национальный административный совет организации. Было решено, что старосты и все должностные лица организации избираются на шесть месяцев и могут быть переизбраны; указывалось также, что цеховые собрания должны созываться регулярно. Печатными органами движения цеховых старост были еженедельные газеты «Уоркер» в Глазго и «Солидэрити» в Лондоне.

Хотя движение цеховых старост и поставило перед собой вышеупомянутые революционные цели, оно, тем не менее, не сумело встать на правильный путь в вопросе о руководстве рабочим классом. Синдикалистская антипатия к «лидерам» и «политике» все еще сильно давала себя чувствовать. В уставе Национальной организации цеховых старост и рабочих комитетов было записано, что «ни один комитет не имеет исполнительной власти, все политические и организационные вопросы должны решаться рядовыми членами организации». Некоторые видные цеховые старосты, особенно на Клайде, были выходцами из Социалистической рабочей партии — явно сектантской организации, которая в принципе запрещала своим членам занимать какие-либо должности в проф-

союзах. Ничем не оправданная враждебность к идее создания революционной политической партии рабочего класса была отчетливо высказана Джеком Таннером, в настоящее время являющимся председателем Объединенного профсоюза машиностроителей¹. Будучи делегатом цеховых старост на втором конгрессе Коммунистического Интернационала в 1920 году, он именно по этому вопросу подвергался вежливой, но суровой критике со стороны самого Ленина во время известной исторической дискуссии².

Политическое руководство Клайдским рабочим комитетом (председателем которого был Уильям Галлахер) осуществлял Джон Маклин, известный агитатор и пропагандист, выдающийся революционный социалист и сторонник большевистской политики революционной борьбы против войны и капиталистического строя. Благодаря его энергичной и разносторонней деятельности по защите прав рабочих Комитет стал пользоваться исключительно большим авторитетом. Когда премьер-министр Ллойд-Джордж в сопровождении Гендерсона посетил Глазго, он был вынужден обратиться к Комитету с просьбой оказать содействие в созыве собрания цеховых старост, и затем снес обиду, когда они на собрании криками возмущения заставили его замолчать. Комитет принимал участие в организации крупных забастовок, которые фактически были большими массовыми выступлениями рабочих против высокой квартирной платы, а также организовывал эффективную защиту рабочих собраний и демонстраций от «патриотических» хулиганов. Его не ослабили преследования, которым он подвергся после забастовки в защиту права цеховых старост выполнять свои обязанности представителей рабочих, проведенной им в Паркхэд Форж в 1916 году и поддержанной забастовками солидарности трех других больших заводов. Ряд цеховых старост, руководящих членов Комитета, был без всяких на то оснований выслан из промышленного района Клайд. Среди них были член парламента Давид Кирквуд и ныне покойный Артур Макманус — один из основателей Коммунистической партии Англии. Другие цеховые старосты — члены Комитета были арестованы и заключены в

¹ В начале 1951 года ушел в отставку с этого поста.—Прим. ред.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 210—214.

тюрьму. Галлахер был приговорен к двенадцати месяцам тюремного заключения, а Джон Маклин — к трем годам каторжных работ. Отзвуки февральской русской революции 1917 года явственно ощущались и в Англии. 1917 год превзошел все предыдущие годы по числу забастовок в машиностроительной промышленности, в которых приняло участие более 300 тысяч рабочих, а количество «потерянных» рабочих дней приближалось в общей сложности к 2½ миллионам. Забастовками руководили не только цеховые старосты на местах, но и национальное руководство движения цеховых старост. В марте начались забастовки в промышленных районах Барроу и Тайна, а в ноябре вспыхнула забастовка в Ковентри. Самыми крупными в этом году были майские забастовки на Клайде, в Шеффилде, Лондоне и в других центрах военной промышленности; это была огромная волна движения протеста против все более широкого использования неквалифицированных рабочих на квалифицированной работе и против применения Акта о производстве вооружения. Забастовщики отказались выполнить категорическое предписание правительства возобновить работу, и восемь руководителей движения цеховых старост были арестованы. Вскоре, однако, было достигнуто соглашение на условиях, приемлемых для рабочих, и арестованные руководители были освобождены. Таким образом, политика насилия, проводившаяся правительством, потерпела поражение. К июлю 1916 года более тысячи рабочих были осуждены на основании Акта о производстве вооружения за участие в организации забастовок, но забастовки не только не прекратились, а продолжали расти. Выступления рабочего класса приняли такие масштабы, что была создана специальная комиссия по расследованию положения рабочих, которая в своем докладе отметила некоторые из ужасных условий существования английского рабочего класса¹.

Свержение русского царизма, приближение пролетарской революции в бывшей стране самодержавия оказало огромное влияние на рабочий класс Англии, особенно на движение профсоюзных активистов и цеховых старост. Это проявилось на съезде в Лидсе в июне 1917 года, который был созван с целью создания рабочих и солдатских

¹ Maurice Dobb, *Trade Union Experience and Policy, 1914—1918*, pp. 20—21.

Советов по типу русских Советов. На съезде присутствовало 1150 делегатов от всех направлений в рабочем движении, самой большой была делегация от тред-юнионов и рабочих комитетов, насчитывавшая 361 человека. Съезд бурно приветствовал выступление делегата клайдских цеховых старост Уильяма Галлахера, призвавшего к революционной борьбе против войны. В числе других тред-юнионистов с пылкой речью выступил начавший приобретать в то время известность молодой лидер союза докеров Эрнест Бевин. В том, что решения этого съезда никогда не были проведены в жизнь, виноваты не массы, а соглашательская позиция руководства Независимой рабочей партии, которое держало под своим непосредственным контролем дело выполнения этих решений и проявило свое нежелание осуществить их. Не были виновны массы также и в интригах и происках, которые велись вокруг одобренного Петроградским советом предложения о созыве в Стокгольме международной социалистической конференции по вопросу о мире. Массы считали, что это предложение дает им надежду на мир, и потому поддержали его. Побочным результатом этого предложения был выход Гендерсона из коалиционного правительства¹.

В этот переломный год произошло много других знаменательных событий. Среди них были такие, как предложение комитета, возглавлявшегося спикером палаты общин Дж. Г. Уитли, об организации Объединенных промышленных советов, в которых объединялись бы предприниматели и рабочие в масштабе страны, округа и отдельного предприятия. В наши дни мы бы сказали, что этот план имел определенный привкус «корпоративизма».

Объединенные промышленные советы были созданы лишь в государственных учреждениях. Комитет Уитли работал под руководством министерства реконструкции, созданного для отвлечения внимания рабочего класса при помощи тщательно разработанных проектов «нового послевоенного мира», которые, конечно, никогда не были осуществлены. План Уитли (в частности предложение о создании объединенных промышленных советов на предприятиях) имел своей целью обезвредить цеховых старост

¹ От профсоюзов в правительстве были Артур Гендерсон (от чугунолитейщиков), Дж. Н. Барнс (от машиностроителей) и Джон Ходж (от рабочих железодельной и сталелитейной промышленности).

как боевую силу¹. К той же цели стремились хозяева машиностроительной промышленности, которые пошли на признание цеховых старост, заключив соглашение с рядом союзов машиностроителей в декабре 1917 года. В этом соглашении указывалось, что «деятельность цеховых старост будет находиться под контролем тред-юнионов» и что «признание цеховых старост имеет целью избежать в дальнейшем возникновения конфликтов».

В 1917 году было официально ратифицировано соглашение о создании Тройственного союза. В этом же году был принят закон о некотором изменении существовавших юридических ограничений по вопросу о слиянии профсоюзов. В это же время посредством осуществления остроумного плана, обходящего строгие положения законов, была создана Конфедерация профсоюзов рабочих металлургической промышленности. Наконец в конце года Конгресс тред-юнионов и лейбористская партия совместно приняли меморандум о целях войны. Положения этого меморандума были публично одобрены премьер-министром и вскоре легли в основу знаменитых четырнадцати пунктов президента Вильсона. Но в результате:

«Глубоко было разочарование и остро чувство обиды у большей части организованных рабочих Англии, когда выяснилось, как далеко отошли дипломаты от этих условий на парижской конференции при подготовке мирных договоров, навязанных державам четверного союза»².

На протяжении всего последнего года войны движение цеховых старост росло и крепло. Сила его проявилась в возникновении на Клайде угрозы политической забастовки (которая не была осуществлена лишь потому, что правительство заранее капитулировало и отменило приказ о массовой мобилизации лиц, ранее освобожденных от призыва в армию), а также в успешной забастовке в Ковентри против попыток применения новых правил набора рабочей силы (с помощью которых предприниматели хотели запретить квалифицированным рабочим военных

¹ Эта точка зрения была открыто высказана чиновником, ответственным за использование на Клайде и в других местах неквалифицированной рабочей силы вместо квалифицированной, видным лейбористским советником Военного кабинета сэром Линден Маккасей в его книге «Labour Policy False and True», pp. 266—269.

² Webb, op. cit., pp. 695—696.

предприятий менять место работы). После Октябрьской революции 1917 года в России цеховые старосты высоко держали знамя солидарности с этой революцией, несмотря на бешеные атаки правящих классов Англии и лейбористских лидеров на молодое советское государство.

За годы войны численность тред-юнионов сильно возросла, в Конгрессе тред-юнионов в 1918 году было объединено более 4½ миллиона рабочих, тогда как в 1913 году он объединял менее 2¼ миллиона. К этому времени крупные промышленники уже объединились в Федерацию британских промышленников и позднее передали ведение дел, касающихся вопросов труда, новой организации — Национальной конфедерации организаций предпринимателей. За эти годы монополии чудовищно разрослись, государственный контроль военного времени над экономикой и промышленностью привел к небывалому усилению капиталистических сверхтрестов и синдикатов в таких отраслях тяжелой промышленности как металлургия, машиностроение, судостроение, в меньшей мере в угольной промышленности, а также в химической и энергетической промышленности, во всех видах транспорта и в банковском деле.

В августе 1918 года забастовка полицейских, которую правительство поспешило ликвидировать при помощи запугивания, представляла собой опасную угрозу, возникшую там, где этого меньше всего можно было ожидать. Она совпала с забастовкой транспортных рабочих, которые требовали равной оплаты женского и мужского труда, используемого на одних и тех же работах. В следующем месяце забастовали рабочие хлопчато-прядильных фабрик и началась неофициальная забастовка железнодорожников, охватившая, в частности, Южный Уэльс. Эта забастовка была результатом деятельности организации рядовых членов, полных боевого духа и действовавших через окружные советы Национального союза железнодорожников, существовавшие на полуофициальном положении. Огромное впечатление произвели действия электриков, которые были предприняты ими после того, как им отказались предоставить Альберт-холл для проведения массового митинга. Электрики вывернули все предохранители, и власти должны были уступить.

В последние месяцы перед подписанием перемирия быстро нарастали волнения и недовольство рабочего

класса. В машиностроительной, кораблестроительной, угольной промышленности число бастовавших рабочих было меньше, чем в 1917 году, но количество стачек было гораздо большим, причем оно для каждой из этих отраслей промышленности было рекордным за все военные годы. Именно в последние три месяца войны кривая стачечной борьбы поднималась наиболее круто¹.

Глава 7

ПОСЛЕВОЕННЫЙ КРИЗИС

(1919—1924 гг.)

Минували четыре ужасных года войны. Казалось, что «революционный взрыв» произойдет теперь с гораздо большей силой, чем он намечался в 1914 году. В Англии капиталистический строй, так же как и во всех европейских странах, переживал глубочайший кризис. Вслед за революцией в России быстро нарастала революционная волна в тех странах, где правили Гогенцоллерны и Габсбурги. Настроения выросшей за годы войны армии членов профсоюзов² выразили делегаты внеочередной конференции лейбористской партии, которая через три дня после заключения перемирия отзывала лейбористских министров из коалиционного правительства и заявила свой «протест против всех попыток латать старый экономический порядок». И хотя правительство «людей с каменными лицами, выглядевших так, будто они хорошо заработали на войне» (выражение Дж. М. Кейнса), победило на «выборах хаки» 1918 года, первые дни нового 1919 года не предвещали ничего хорошего торжествовавшим барышнякам.

Борьба началась в январе — феврале 1919 года в промышленном районе Клайда. Это была знаменитая забастовка за введение сорокчасовой рабочей недели. Механики, рабочие верфей и других предприятий объединились под руководством рабочего комитета района

¹ Wal Hannington, *Industrial History in Wartime*, pp. 61—65.

² В 1920 году Конгресс тред-юнионов объединял 61½ миллиона членов; общее число членов тред-юнионов в этом году достигало 81½ миллионов.

Клайда и цеховых старост в борьбе за сокращение рабочей недели. Эта была необычная забастовка. Власти явно опасались восстания. После «битвы на Джордж-сквер», когда большая демонстрация забастовщиков дала решительный отпор напавшим на нее полицейским, против забастовщиков срочно были направлены новые воинские части. Но, как писал впоследствии один из главных руководителей забастовки Уильям Галлахер, увлечение цеховых старост исключительно одними вопросами условий труда и полное забвение ими вопросов политической борьбы привело к тому, что «мы проводили забастовку, тогда как должны были бы делать революцию»¹. Чиновники из национальных исполкомов соответствующих профсоюзов сделали все, чтобы изолировать забастовку (они даже подвергли дисциплинарным взысканиям должностных лиц местных организаций профсоюзов за поддержку забастовки). В результате она закончилась через две недели.

Тем временем на борьбу поднимались горняки. В январе Федерация горняков приняла решение потребовать увеличения заработной платы на 30 процентов, шестичасового рабочего дня, национализации шахт и установления в известной мере рабочего контроля на них. Большинство в 615 164 голоса против 105 082 горняки Великобритании решили объявить забастовку и добиться принятия этих требований. Таким образом, правительству, которое все еще продолжало осуществлять контроль над шахтами, установленный в военное время, угрожала перспектива иметь дело с забастовкой горняков в условиях отсутствия в стране запасов угля. Начавшиеся переговоры между горняками и их друзьями по Тройственному союзу — железнодорожниками и транспортниками, которые также выдвигали свои требования, — являлись для правительства грозным предупреждением об опасности всеобщей забастовки, чреватой революционными последствиями. Тогда Млойд-Джордж, чтобы спасти положение, прибег к ловкому маневру. Он предложил создать королевскую комиссию для изучения положения в угольной промышленности и дал обязательство от имени правительства принять ее рекомендации; одновременно он пригрозил, что если забастовка начнется, она будет подавлена силой оружия. Лидеры Федерации горняков, в частности

¹ Wm. Gallacher, *Revolt on the Clyde*, p. 221.

ее председатель Роберт Смитли, испугались этой угрозы, хотя при сложившейся в то время обстановке она не могла быть приведена в исполнение¹, и добились того, что конференция Федерация незначительным большинством голосов приняла предложение Ллойд-Джорджа.

Комиссия под председательством судьи (позднее лорда) Сэнки, получив возможность подробно и документированно показать положение в капиталистической угольной промышленности Англии, опубликовала сенсационный доклад. Комиссия большинством голосов рекомендовала провести национализацию угольной промышленности. Однако правительство с помощью маневра с комиссией Сэнки и такого «разрядника», как созванная в то время национальная промышленная конференция, сумело к этому времени преодолеть острейший кризис, а затем цинично отсклось от своего письменного обязательства и отказалось выполнить рекомендации комиссии. Оно пошло даже далее, спровоцировав путем попустительства глупым действиям чиновников-бюрократов бурную забастовку на шахтах Йоркширского угольного района в июле — августе 1919 года.

В течение всего лета обстановка в промышленности оставалась напряженной. Самым крупным выступлением в этот период была начавшаяся в июне трехсоттысячная забастовка рабочих ланкаширских хлопчатобумажных фабрик. Рабочие требовали установления 48-часовой рабочей недели и повышения заработной платы на 30 процентов, и они добились осуществления своих требований. Вторая забастовка полицейских, состоявшаяся в июле, проходила в весьма напряженной обстановке и была жестоко подавлена. Осенью вспыхнула забастовка железнодорожников, которая потрясла всю страну. Эта забастовка началась после того, как тянувшиеся несколько месяцев переговоры с правительством, прибегавшим ко всяким способам оттягивания решения вопроса, закончились провалом. Всем своим поведением во время переговоров правительство явно провоцировало рабочих на выступление, которое в тех условиях было обречено на поражение; таким путем оно рассчитывало подорвать единый фронт профсоюзов. Оценка Ллойд-Джорджем забастовки, как «анархистского заговора», злобные напад-

¹ H u f f, Post-War History of the British Working Class, pp. 21—22.

ки подстрекаемой правительством прессы, план удушения голодом железнодорожников и их семей с помощью дискриминации при распределении продовольствия, злобные указания местным властям об организации «гражданской гвардии» — все это было очень похоже на подготовку к развязыванию гражданской войны. Тем не менее железнодорожники сумели за короткий срок добиться внушительных успехов: была устранена угроза понижения заработной платы, существующие расценки были закреплены, а самые низкие даже увеличены.

Причины этих замечательных успехов заслуживают внимания. Каковы же эти причины? Во-первых, единство рядов самих железнодорожников: машинисты не дали себя подкупить и подбить на штрейкбрехерство сделанными им уступками. Во-вторых, наличие у железнодорожников мощных и охотно оказывающих помощь союзников в лице кооперативного движения, которое предоставило большие кредиты на выплату пособий бастующим железнодорожникам, и в лице Тройственного союза, лидерам которого не удалось «нормализовать своим членам энергично выступить в поддержку железнодорожников»¹. Лондонские печатники также доказали свою солидарность с железнодорожниками, они пригрозили, что объявят забастовку, если борьба бастовавших железнодорожников не будет освещаться в газетах объективно. В-третьих, наличие наступательной и со знанием дела организованной пропаганды, проводившейся Бюро исследований по вопросам труда по просьбе Национального союза железнодорожников; такая пропаганда представляла собой совершенно новое явление², которое не наблюдалось во время крупных забастовок в Англии ни прежде, ни позднее.

Рабочий класс испытывал глубокое удовлетворение в связи со столь удачным отражением фронтальной атаки правительства, предпринятой при помощи всех находившихся в его распоряжении средств. Только в результате реакционной деятельности Дж. Х. Томаса и его коллег забастовка не разрослась и не превратилась в начало общего наступления рабочего класса.

Вслед за железнодорожниками определенных успехов добились также другие отряды рабочего класса. Так,

¹ Webb, op. cit., p. 543.

² Hutt, op. cit., pp. 25-29.

весной 1920 года в результате обследования комиссией под руководством лорда Шоу положения докеров последние сумели добиться увеличения заработной платы.

Горняки же не добились никаких новых успехов, хотя вопрос о национализации угольной промышленности и был передан на рассмотрение Конгресса тред-юнионов и обсуждался на конгрессе в сентябре 1919 года, а также на двух специальных конгрессах. Пропагандистская кампания под лозунгом «Шахты народу» не увенчалась успехом: правительство не изменило своей позиции; после того как предложение о проведении всеобщей забастовки было отвергнуто 80 процентами голосов, этот вопрос был тихо похоронен. В октябре 1920 года Федерация горняков провела непродолжительную забастовку горняков Великобритании с требованием увеличить заработную плату (так называемая *datum line* забастовка), которая не имела успеха¹. Во время этой забастовки развалился Тройственный союз, не выдержав первого же серьезного испытания. Лидеры профсоюзов железнодорожников и транспортников, к которым горняки обратились за помощью, уклонились от поддержки горняков; это было сделано вопреки воле членов этих союзов, которые желали оказать помощь горнякам, что подтверждается результатами голосования, проведенного по этому вопросу в союзе железнодорожников. Это проявление слабости со стороны руководства профсоюзов ободрило правительство, которое поспешно приняло пресловутый Акт о чрезвычайных полномочиях, давший в Англии права гражданства такой чрезвычайной мере иностранного происхождения, как осадное положение.

Правительство было вполне готово прибегнуть к этим новым исключительным мерам, так как совсем накануне принятия закона ему пришлось иметь дело с поразительной демонстрацией политической мощи тред-юнионистского движения. Именно в августе 1920 года затянувшаяся английская интервенция против социалистической России, угрожавшая перерасти в открытую войну в поддержку белополяков, вторгшихся в Страну Советов, была, наконец, прекращена после создания Советов действия в угрозы немедленно начать всеобщую забастовку.

¹ Забастовщики требовали введения скользящей шкалы заработной платы, которая не должна была опускаться ниже определенного уровня.—Прим. ред.

Эта победа, имевшая историческое значение, явилась кульминационным пунктом длительной кампании борьбы, в которой ведущая роль (по сравнению с участием других профсоюзов) принадлежала Федерации горняков. Во время этой кампании Герберт Моррисон, который не мог не считаться с настроениями трудящихся, заявил в 1919 году на конференции лейбористской партии:

«Они должны понять, что теперешняя война Англии, Франции и других империалистических государств против России — это война не против большевизма или против Ленина, это война против международных сил социализма. Это война против самого тред-юнионистского движения, и поэтому против нее должно вести борьбу все тред-юнионистское движение в целом, всеми силами, которые имеются в его распоряжении в промышленности и политике».

Когда весной 1920 года белополяки при поддержке французов и англичан напали на Советскую Россию, лондонские докеры показали пример всему рабочему классу, отказавшись грузить пароход «Джолли Джордж» — одно из многих грузовых судов, перевозивших вооружение для Польши¹. Рабочих, отказавшихся грузить «Джолли Джордж», поддержал союз докеров. Через неделю национальная конференция союза докеров наложила запрет на все погрузки вооружения, предназначенного для войны против России. В течение первой недели августа возникла угроза открытой войны против Советской России. По всей стране проходили огромные, невиданные ранее демонстрации протеста, организованные местными отделениями лейбористской партии и советами профсоюзов. Эти дни показали, какой силой является единство рабочего класса, единство, которое существовало в то время между тред-юнионами и лейбористской партией, между всеми идейными направлениями и всеми организациями рабочего класса.

13 августа в Лондоне состоялась конференция, организованная Конгрессом тред-юнионов совместно с лейбористской партией. Эта конференция единогласно и с энтузиазмом приняла решение создать Совет действия, чтобы

¹ Полная история этой забастовки рассказана Гарри Полланом в его книге «Serving My Time», pp. 111—121.

прекратить войну «путем применения любых методов для прекращения работы на войну». Бевин заявил делегатам конференции, что «вопрос, для решения которого вы собрались здесь сегодня, вопрос о том, намерены ли вы пойти на любой шаг для завоевания мира во всем мире — важнее любого требования в отношении заработной платы или продолжительности рабочего дня». Представитель союза деревообделочников А. Дж. Камерон, бывший в то время председателем лейбористской партии, отвечая, вероятно, на заявление Дж. Г. Томаса о том, что принятие такого решения «означало бы угрозу всем конституционным законам Англии», сказал, что «конституционализм может существовать лишь до тех пор, пока он не оскорбляет совесть общества». Если Совет должен будет действовать, заключил он, и

«если власти придерживающиеся попытаются и далее мешать нам, мы, вероятно, вынуждены будем принять меры, которые заставят их отказаться от этих попыток и сказать им: или управляйте страной мирным и гуманным способом, не вмешиваясь в жизнь других стран, или мы вынуждены будем, не останавливаясь перед нарушением закона, попробовать, не сможем ли мы предпринять что-нибудь, чтобы взять управление страной в свои собственные руки для блага нашего собственного народа».

В эти дни, когда тред-юнионы вели борьбу в невиданных до сих пор масштабах, стало ясно, что, так же как и любая армия, армия труда не может одержать победу, если ее части будут действовать порознь и изолированно друг от друга и не будут иметь своего генерального штаба. Именно в этом направлении велись переговоры, начавшиеся сразу же после стачки железнодорожников. Подробный доклад по тому же вопросу был представлен специальной сессии Конгресса тред-юнионов, собравшейся в декабре 1919 года. В результате существовавший до сих пор Парламентский комитет Конгресса тред-юнионов, который никогда не был настоящим исполнительным органом, был реорганизован в Генеральный совет, который по своему уставу должен был «организовывать совместные действия тред-юнионистского движения по общим вопросам». Но так как Генсовет не получил полномочий выносить постановления, исполнение которых было бы обязательным для всех профсоюзов, разобщен-

ность в профсоюзном движении сохранилась. Позднее было справедливо отмечено, что члены Генерального совета «в душе продолжали оставаться лишь представителями своих профессиональных союзов»¹.

Левые элементы в рабочем движении предупреждали о такой возможности еще со дня создания Генсовета. Так, в обращении коммунистической партии к Кардифскому конгрессу тред-юнионов в 1921 году, когда впервые был избран Генеральный совет, указывалось, что разговоры об образовании генерального штаба рабочего движения могут свестись в конечном итоге к «новому объединению старых лидеров, которые уже доказали полную неспособность повести рабочих на штурм капиталистической Бастии. Они не положат конец сохранившейся еще разобщенности в рабочем движении, а это означает сохранение того же самого старого хаоса и неразберихи под новым, громким названием». В этом заявлении утверждалось, что Конгресс тред-юнионов должен стать подлинным конгрессом труда, опирающимся не только на профсоюзы, но и на целый ряд цеховых и заводских комитетов, группирующихся вокруг местных советов профсоюзов.

Одновременно происходил процесс слияния отдельных профсоюзов, что внесло много нового в английское профсоюзное движение. Особенно интенсивно этот процесс происходил среди транспортников и неквалифицированных рабочих. Объединение многочисленных союзов докеров и других транспортных рабочих в Федерацию транспортных рабочих привело к образованию в 1921 году Союза транспортных и неквалифицированных рабочих. Сложная структура этого мощного профсоюза, соединяющая в себе высокую степень централизации с организацией своих членов по двум линиям (вертикально — по производственному принципу, горизонтально — по территориальному), создала благоприятную почву для господства в профсоюзе его властолюбивого генерального секретаря Эрнеста Бевина. Впоследствии этот профсоюз поглотил Рабочий союз и наряду с Национальным союзом чернорабочих и коммунальщиков стал самым крупным профсоюзом в стране, проводящим работу в десятках отраслей про-

¹ Выступление Франка Ходжеса на конгрессе тред-юнионов в Саутпорте в 1922 году.

мышленности, везде, где только есть неквалифицированные рабочие. Национальный союз чернорабочих и коммунальников, являвшийся прямым потомком Союза рабочих газового производства, который был создан в 1889 году, объединил в себе ранее самостоятельно существовавшие союзы неквалифицированных рабочих. Благодаря системе голосования по мандатам две самые многочисленные профсоюзные организации — Союз транспортных и неквалифицированных рабочих и Национальный союз чернорабочих и коммунальников — стали все больше и больше определять характер важнейших принимаемых решений, касающихся рабочего движения, как на конференциях лейбористской партии, так и на конгрессах тред-юнионов.

Слияния профсоюзов произошли также в таких отраслях промышленности, как машиностроительная, строительная, текстильная, металлургическая, швейная, а также среди профсоюзов государственных служащих (особенно почтовых служащих) и среди профсоюзов работников торговли. Но эти слияния не имели большого значения и не привели к объединению работников соответствующих отраслей промышленности. Так, в машиностроительной промышленности наряду с Объединенным профсоюзом машиностроителей, который образовался в 1920 году в результате поглощения Объединенным обществом механиков полдюжины ведущих цеховых профсоюзов, все еще существовал ряд независимых небольших цеховых объединений. Такое же положение было и в строительной промышленности, несмотря на то, что старые союзы каменщиков слились и образовали Объединенный профсоюз рабочих строительной промышленности, а два старых профсоюза — Объединенное общество плотников и Всесбийный союз столяров — образовали Объединенное общество деревообделочников. Однако Национальная федерация рабочих строительной промышленности, созданная в 1918 году, оказалась как координирующий орган более эффективной, чем федерации в других отраслях промышленности.

В эти годы тред-юнионы занимались отнюдь не только производственными вопросами и политикой. Что касается политики, то созданная ими лейбористская партия лишь в 1918 году окончательно оформилась как партия, поставив перед собой «социалистические» цели и приняв «социалистическую» программу, разрешив прием в свои ряды индивидуальных членов и увеличив количество своих

местных организаций примерно со 150 в 1914 году до более чем 2 тысяч в 1920 году. Но каким путем могли быть достигнуты антикапиталистические цели, сформулированные в новой программе «Труд и новый социальный порядок»? И были ли они вообще осуществимы? Цели профсоюзов в этот период были определены супругами Уэбб как стремление «изменить английскую политику и устранить капиталистов-наживал». Казалось само собой разумеющимся, что такая задача обязывала к проведению такой политики и принятию такой точки зрения, которые совершенно не связаны и даже идут вразрез с интересами правящего класса, а не политики зависимости от правящего класса и приспособления к нему. И все же между этими двумя противоположными политическими линиями развернулась ожесточенная борьба. Она началась в лейбористской партии и велась между Рамзеем Макдональдом, возглавлявшим тех, кто придерживался политики соглашения, и коммунистами — наиболее последовательными представителями самостоятельной политики рабочего класса, политики борьбы.

Таково было содержание длительной и ожесточенной борьбы, которую вел макдональдизм и его наследники и преемники в рабочем движении против коммунистической партии, основанной в августе 1920 года, и против всех тех, кто симпатизировал ей или тем или иным способом был связан с ней. Подробности этой знаменательной борьбы изложены в другой книге¹. Здесь следует лишь отметить, что в первые годы после своего основания коммунистическая партия в своей борьбе пользовалась значительной поддержкой профсоюзов. Так, Лондонский совет профсоюзов и Федерация горняков поддерживали просьбу коммунистической партии о приеме ее в лейбористскую партию, когда этот вопрос впервые обсуждался в 1921 году; позднее Совет профсоюзов Глазго содействовал организации переговоров между представителями коммунистической партии и исполкомом лейбористской партии. И хотя предложение о вступлении коммунистической партии в лейбористскую было отклонено в 1921 году и отклонялось впоследствии, весьма знаменательно то обстоятельство, что в 1923 году руководству лейбористской партии пришлось взять обратно свое предложение, имевшее целью

¹ См. Hutt, *op. cit.*, pp. 54—56, 71, 96—97, 119, 189—190.

запретить избрание коммунистов делегатами профсоюзов на конференции лейбористской партии. В 1924 году на конференции лейбористской партии незначительное меньшинство, высказывавшееся ранее за прием коммунистической партии в лейбористскую, выросло в многочисленную группу, когда на голосование было поставлено предложение руководства лейбористской партии о запрещении выбирать коммунистов в качестве делегатов на ее конференции; против предложения запретить коммунистам вступать в лейбористскую партию в индивидуальном порядке голосовали уже многие большие профсоюзы, и исполком лейбористской партии провел свое предложение лишь незначительным большинством (1 804 000 голосов против 1 540 000).

Вернемся, однако, к последним месяцам 1920 года, когда приближался к концу непродолжительный послевоенный «бум». В феврале 1921 года насчитывалось более одного миллиона безработных, а в июне — более двух миллионов. К Совету действия еще раньше обращались с просьбой включить в программу своей агитационной деятельности вопрос о все более увеличивающейся безработице. Совет отклонил это предложение, заявив, что этот вопрос не входит в его компетенцию. Затем лейбористская партия и Конгресс тред-юнионов создали несколько бесплодных комиссий по расследованию, провели ряд безрезультатных совместных совещаний. Не было сделано никаких серьезных попыток выяснить мнение членов профсоюзов по этому вопросу. Это сделал лишь один большой, обычно занимающий умеренную позицию профсоюз обувщиков, причем большинство его членов голосовало за проведение двадцатичетырехчасовой забастовки протеста против растущей безработицы. Это предложение было категорически отвергнуто на последнем совместном совещании Конгресса тред-юнионов и лейбористской партии, ограничившемся принятием общего указания профсоюзам активизировать свою деятельность в лейбористской партии. Такая политическая линия, а вернее отсутствие всякой политической линии, превратила проблему безработицы из потенциального источника силы в источник слабости рабочего движения. К концу 1921 года те профсоюзы, которые выплачивали пособия по безработице, опустошили свои кассы, выплатив примерно 7 миллионов фунтов стерлингов, а безработные вынуждены

были организовываться самостоятельно и создали Национальное движение безработных. В 1923 году Конгресс тред-юнионов, однако, согласился образовать совместно с Национальным движением безработных консультативный совет; общими усилиями был проведен ряд полезных мероприятий, в том числе был разработан проект Хартии безработных.

Начало огромного экономического кризиса 1921 года неизбежно должно было повлечь за собой всеобщее наступление предпринимателей на заработную плату и условия труда рабочего класса. Наступление капиталисты повели в первую очередь против шахтеров. Это произошло по двум причинам: во-первых, потому что угольная промышленность пострадала от кризиса больше других отраслей промышленности, и, во-вторых, горняки являлись передовым отрядом английского рабочего класса. Правительство действовало в тесном контакте с шахтовладельцами и внезапно, на пять месяцев раньше срока, объявило об отмене государственного контроля, установленного в военное время над угольной промышленностью. В день окончания контроля — 31 марта 1921 года — шахтовладельцы объявили локаут под тем предлогом, что шахтеры отвергли их требование отказаться от системы общенациональных соглашений между шахтерами и шахтовладельцами об условиях труда и возвратиться к старой системе местных соглашений и что они не согласились на снижение заработной платы ниже довоенного уровня (на 20 процентов ниже уровня 1914 года, тогда как даже по официальным данным стоимость жизни по сравнению с 1914 годом повысилась на 141 процент).

Было ясно, что этот вопрос затрагивал не только горняков. Федерация горняков обратилась за помощью к Тройственному союзу, и все профсоюзное движение с энтузиазмом и решимостью подготовилось встретить то, что газета «Дейли геральд» назвала «лобовой атакой капиталистов и их правительства на весь рабочий класс». Всеобщая забастовка железнодорожников и транспортников была назначена на 12 апреля. Все промышленные центры переживали бурные дни. Между тем правительство начало применять новый Акт о чрезвычайных полномочиях, в широких масштабах демонстрировало военную силу и даже сформировало специальный «корпус обороны». Это бряцание оружием станет понятным, если

учесть, что работа в шахтах целиком прекратилась, даже рабочие, несшие службу безопасности, прекратили работу. Федерация горняков была сильна, как никогда, и общественное мнение сочувствовало бастующим горнякам.

К сожалению, энтузиазм рабочих масс не смог ускорить затянувшиеся, проходившие в обстановке нервозности переговоры руководителей Тройственного союза. Утром того дня, когда должна была начаться забастовка солидарности, лидерам Тройственного союза удалось устроить новую встречу между представителями горняков и правительства, забастовка была отложена до пятницы, 15 апреля. К этому времени, по определению Дж. Д. Х. Кола, одного из наиболее осведомленных обозревателей того времени, переговоры руководителей Тройственного союза приобрели «хаотический и панический» характер. Произошедший вечером в четверг инцидент дал им необходимый предлог для срыва забастовки. Секретарь Федерации горняков Франк Ходжес по собственной инициативе внес предложение о временном «урегулировании». Это предложение он сделал в своей экспромтом произнесенной речи, обращенной к неофициальному собранию членов парламента, среди которых были влиятельные сторонники позиции правительства. На следующее утро его выступление было дезавуировано исполкомом Федерации, который осудил Ходжеса за никем не санкционированное выступление в такой ответственный момент. Тогда лидеры Тройственного союза заявили, что горняки отвергли возможность мирного урегулирования конфликта, и под этим предлогом начали действовать. В три часа дня было объявлено, что забастовка солидарности отменяется. Этот день был назван «черной пятницей».

Неожиданный срыв забастовки произвел ошеломляющее впечатление. Посыпались ожесточенные обвинения в «предательстве» и насмешки над «уродливым союзом»¹. Из четырех профсоюзных лидеров, ответственных за «черную пятницу», трое впоследствии открыто перешли на сторону буржуазии. Франк Ходжес стал директором нескольких компаний, Дж. Х. Томас, перейдя на сторону буржуазии, впоследствии был вынужден навсегда отказаться от политической деятельности, а ныне покойный

¹ Игра слов: по-английски Тройственный союз — Tripple Alliance, уродливый союз — Cripple Alliance. — *Прим. ред.*

Роберт Уильямс из Федерации транспортных рабочих в течение некоторого времени пребывал в полнейшей неизвестности и к концу своей жизни превратился в пропагандиста «национального правительства». Четвертым из этой группы был Эрнест Бевин, который заявил на конференции транспортных рабочих в июне 1921 года, что, если бы ему пришлось еще раз пережить «черную пятницу», он снова поступил бы таким же образом. «Черная пятница», — сказал он, — произошла в результате того, что забастовка не была подготовлена и союзы действовали разобщенно, а также в результате того, что «членами профсоюзов была проявлена слабость»¹.

Бесспорно, организационная подготовка забастовки не соответствовала тому единодушному стихийному подъему, который охватил рядовых членов тред-юнионов, нельзя отрицать также, что разобщенность все еще господствовала в рабочем движении. Однако Бевин умолчал о том, что ответственность за это лежит на руководстве тред-юнионов, а его голословное утверждение относительно слабости, проявленной рядовыми членами профсоюзов, было весьма неубедительным самооправданием.

Обратимся вновь к Дж. Д. Х. Колу. Во время подъема рабочего движения 1919—1920 годов лидеры тред-юнионов «относились к своему делу с прохладцей или занимались мелкими вопросами, тогда как они должны были бы напрячь все нервы, чтобы подготовиться к предстоящей борьбе. В результате этого экономический кризис, разразившийся в конце 1920 года, застал их неподготовленными». Таким образом, во время апрельских событий 1921 года лидеры, «сознавая свою собственную беспомощность и будучи не в состоянии найти выход из создавшегося положения, стремились приписать рядовым членам ту беспомощность и паникерство, которые испытывали они сами»².

После «черной пятницы» рабочие вынуждены были вести только арьергардные бои; бои были упорными, но их, конечно, было недостаточно для того, чтобы сдержать наступление предпринимателей, которое велось внутри

¹ *Daily Herald*, June 10 th, 1921.

² Cole, «Black Friday» and After» (*Labour Monthly*, July 1921, p. 14). Кол в этой статье высказывает свою точку зрения, сводящуюся к тому, что «главным образом постоянные чиновники» Федерации транспортных рабочих «показали себя с наихудшей стороны».

страны во всех отраслях промышленности. К июню горняки потерпели поражение, а к концу 1921 года 6 миллионов рабочих уже получали недельную плату, урезанную в среднем на 8 шиллингов. Локаут был проведен и в хлопчатобумажной промышленности. В 1922 году последовал локаут в машиностроительной промышленности, в результате которого промышленники вновь полностью восстановили свою власть в области, связанной с «функциями управления». Этот локаут полностью исчерпал огромные средства Объединенного профсоюза машиностроителей, так как именно этот союз объединял наибольшее число рабочих машиностроительной промышленности. Численность тред-юнионов, которая столь быстро увеличивалась в первые годы после войны, стала уменьшаться. За период 1921–1923 годов число членов профсоюзов, входящих в Конгресс тред-юнионов, уменьшилось на 2 миллиона человек, что превышало прирост, достигнутый с 1918 года.

Однако к середине 1923 года появились признаки оживления рабочего движения. Был проведен ряд забастовок, многие из которых начались вопреки воле тред-юнионистских лидеров, в том числе забастовки строительных и сельскохозяйственных рабочих в восточных графствах, забастовки матросов, котельщиков и докеров. Забастовка докеров носила не оборонительный, а наступательный характер. Бастовавшие докеры требовали увеличения заработной платы и прекратили забастовку лишь после того, как Союз транспортных и неквалифицированных рабочих согласился начать борьбу за увеличение заработной платы в общенациональном масштабе. Не только этот, но и целый ряд других факторов способствовали тому, что возобновившееся движение приобрело наступательный характер. Кастовая разобщенность, выявившаяся на конгрессе тред-юнионов в 1923 году в Плимуте, где происходила мелочная перебранка между лидерами тред-юнионов, произвела гнетущее впечатление на рядовых членов профсоюзов. Кроме того, итоги деятельности первого лейбористского правительства Макдональда глубоко разочаровали многих членов профсоюзов, в том числе и многих лидеров, что способствовало росту левых тенденций в профсоюзном движении. Такое положение было отнюдь не удивительным в тех условиях, когда правительство уверяло, что в вопросе о забастовках оно (по выражению Дж. Р. Клайнса, одного из его министров)

«играло роль национального, а не классового правительства».

В момент прихода к власти Макдональда и его друзей в январе 1924 года происходила забастовка железнодорожников, начавшаяся в ответ на попытку снизить заработную плату машинистам и кочегарам. Стачкой руководило Объединенное общество паровозных машинистов и кочегаров. Одновременно Национальный союз железнодорожников от имени своих членов — машинистов — дал согласие на снижение заработной платы и не оговзвал с работы своих членов. Такой раскол, естественно, не способствовал успеху дела, однако в конечном счете машинистам и кочегарам удалось добиться от железнодорожных компаний некоторых уступок, но отнюдь не благодаря поддержке правительства, которое поспешило заявить в палате общин, что оно «относится неодобрительно к этой неофициальной (!) забастовке». Февральская общенациональная забастовка докеров проводилась организованно и единодушно, и докерам удалось добиться некоторого увеличения заработной платы. Правительство Макдональда оказывало очень сильное давление на руководителей докеров. Бен Тиллет говорил, что он никогда не наблюдал ни у консервативных, ни у либеральных министров «такого угрожающего тона или такого проявления страха». Но наиболее значительным среди различных конфликтов, имевших место в 1924 году, включая «неофициальные» забастовки на верфях и в железнодорожных мастерских, а также общенациональный локаут строительных рабочих, была мартовская забастовка рабочих транспортной службы Лондона. Трамвайщики боролись за повышение заработной платы, к ним присоединились водители и кондукторы автобусов, а работники метрополитена готовились объявить стачку солидарности. Не что иное, как срыв стачки преследовало штрейкбрехерское заявление Макдональда о том, что «основные службы должны действовать и что правительство... должно обеспечить охрану тех, кто выполняет свои обязанности». О том, что это заявление не было пустым звуком, свидетельствовало обращение правительства к Акту о чрезвычайных полномочиях и объявление чрезвычайного положения. Только прекращение забастовки предотвратило применение диктаторских мер, предусмотренных Актом о чрезвычайных полномочиях.

Важным событием в тот период было создание левым крылом рабочего движения центра в виде Национального движения меньшинства, начало которому было положено на конференции, состоявшейся в августе 1924 года в Лондоне. Председателем Национального движения меньшинства был избран ветеран рабочего движения Том Манн, а секретарем — Гарри Поллит из профсоюза котельщиков, завоевавший большой авторитет как делегат на конгрессах тред-юнионов и конференциях лейбористской партии и являвшийся видным деятелем коммунистической партии¹. Это движение началось в угольных районах, где целые округа, преимущественно в Южном Уэльсе и Файфе, выступили в поддержку Красного интернационала профсоюзов, когда он был создан в Москве летом 1921 года. Движение меньшинства развилось среди горняков в течение 1923 года и явилось основной движущей силой кампании, которая привела к избранию сторонника активной борьбы А. Дж. Кука секретарем Федерации горняков после вынужденной отставки Ходжеса.

После поражения лейбористов на парламентских выборах 1924 года, когда было опубликовано «письмо Коминтерна» — крупнейшая в истории Англии фальшивка, за последствия которой Макдональд несет главную ответственность, — уже наблюдался значительный рост влияния новых тенденций в рабочем движении. Атмосфера на конгрессе тред-юнионов в Гулле в сентябре 1924 года резко отличалась от той, которая была в предыдущем году на Плимутском конгрессе. Конгресс в Гулле принял Хартию промышленных рабочих, предоставил Генераль-

¹ Поллит следующим образом характеризовал цели и задачи Движения меньшинства: «Мы не собираемся разрушать профсоюзы или поощрять создание новых профсоюзов. Нашей единственной целью является объединение рабочих на предприятиях путем организации заводских и фабричных комитетов; работа над организацией единого союза для каждой отрасли промышленности; усиление местных советов профсоюзов, с тем чтобы они представляли каждую группу в движении рабочего класса, имея прочную базу на заводах в каждой местности. Мы стоим за создание подлинно Генерального совета, который имел бы достаточно прав для того, чтобы направлять, объединять и координировать все виды борьбы и деятельности тред-юнионов, и таким образом положить бы конец существующему хаосу и обеспечить бы движение вперед в общем наступлении не только для осуществления ближайших задач, но и для установления полного рабочего контроля над всей промышленностью».

пому совету права вмешиваться в споры между профсоюзами, принял большинством почти в две трети голосов решение, требующее построения профсоюзов по производственному принципу, и дал указание Генеральному совету подготовить план объединения профсоюзов «в единый фронт... для улучшения жизненных условий рабочих». Генеральному совету также было поручено «создать специальный конгресс для решения вопроса о немедленной организации забастовки в случае появления угрозы войны».

На конгрессе в Гулле впервые присутствовала делегация советских профсоюзов и было решено в порядке ответного визита послать делегацию Конгресса тред-юнионов в СССР. Обсуждался также вопрос о единстве международного профсоюзного движения. В июне того же года на Венском конгрессе Международной федерации профсоюзов английским делегатам удалось оставить дверь открытой для переговоров с советскими профсоюзами, тогда как социал-демократическое большинство федерации хотело захлопнуть ее наглухо. Конгресс тред-юнионов в Гулле одобрил эти действия английских делегатов. Единогласно было решено согласиться с заявлением председателя А. А. Перселла о том, что Генеральному совету должны быть даны полномочия «принять все возможные меры... к объединению различных элементов рабочего движения Европы».

Глава 8

ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

(1925—1929 гг.)

В 1925 году стал очевидным быстрый рост новых левых тенденций в профсоюзах и превращение угольной промышленности в главную арену небывалой по своему размаху борьбы.

Борьба за единство профсоюзов (как национальное, так и международное), нашедшая свое отражение в работе Гульского конгресса, наиболее напряженно развивалась в области международного профсоюзного движения. В Генеральном совете появилась «левая» группа, возглавлявшаяся А. А. Перселлом и Джорджем Хиксом

(из Союза строительных рабочих). Под давлением этой группы Генеральный совет начал длительную кампанию, имевшую целью заставить твердолобых чиновников из Амстердамского интернационала профсоюзов встретиться наконец с представителями Красного интернационала профсоюзов и обсудить возможности объединения. Началось дружеским взаимоотношениям английских и советских профсоюзов было положено посещением Советского Союза делегацией Конгресса тред-юнионов в конце 1924 года и созданием позднее англо-русского Комитета единства. Все это, особенно опубликование отчета делегации, посетившей СССР, в котором говорилось, что «в России рабочие являются правящим классом», привело к тому, что объединенные силы континентальной социал-демократии и правящих классов Англии обрушили на Генеральный совет потоки невероятно злобной клеветы. Покойный Фред Бромли, бывший в то время генеральным секретарем Конгресса тред-юнионов, следующим образом охарактеризовал позицию Амстердамского интернационала по этому вопросу:

«Мне кажется, что вы можете говорить обо всем, что есть на свете, не испытывая состояния панического ужаса, крайнего возбуждения и почти дикой свирепости, в которое вы впадаете при обсуждении русских дел... Вы можете спокойно говорить без излишнего возбуждения о деятельности капиталистических правительств, о преследованиях ими то в одной, то в другой стране участников профсоюзного движения, но в вас вселяется какой-то тяжелый недуг, когда вы начинаете говорить о России... Избавьтесь от панического страха, который вселяется в вас и овладевает вами, когда вы имеете дело с Россией»¹.

Но лидеры Международной федерации профессиональных союзов не изменили своей позиции, а Генеральный совет не предпринял в дальнейшем, со своей стороны, никаких мер для созыва намечавшейся международной конференции по вопросам единства профсоюзного движения.

Положение в угольной промышленности сделалось на-

¹ Речь, произнесенная на сессии Генерального совета Международной федерации профессиональных союзов, состоявшейся в Амстердаме 5—7 февраля 1925 года.

столько серьезным, что многие характеризовали его «как приближение к непоправимой катастрофе». Временное оживление в угольной промышленности в 1923—1924 годах, в связи с оккупацией Рура Францией, окончилось, и углепромышленники предъявили горнякам новые требования, предусматривавшие резкое снижение заработной платы, ликвидацию принципа минимальной заработной платы и возврат к соглашениям по округам. Но наступление велось не только на горняков. Английский капитализм отчаянно боролся, стремясь залатать дыры в своей экономике и восстановить свое положение в мире. Премьер-министр Болдуин с циничной откровенностью заявил, что «все рабочие нашей страны должны согласиться на снижение заработной платы для того, чтобы помочь поставить промышленность на ноги»¹.

Федерация горняков отвергла требования шахтовладельцев и была в этом отношении «полностью поддержана» Генеральным советом Конгресса тред-юнионов, который создал специальный комитет для связи с горняками в целях оказания сопротивления наступлению шахтовладельцев. Этот комитет, получивший заверения от руководителей союзов железнодорожников и транспортников о том, что они поддержат горняков, наметил план прекращения всех видов перевозок угля в случае, если в отношении горняков будет применен локаут. Всем заинтересованным союзам были даны подробные инструкции. Специальная конференция представителей исполкомов тред-юнионов, собравшаяся 30 июля, то есть за день до истечения срока ультиматума, предъявленного шахтовладельцами, «единогласно и с энтузиазмом одобрила» эти инструкции. Правительство, не ожидавшее, что дело примет такой оборот, поспешно начало бить отбой. Вразрез со своими собственными, ранее сделанными заявлениями, оно объявило о предоставлении шахтовладельцам субсидий для выплаты горнякам в течение девяти месяцев заработной платы в прежних размерах, с тем чтобы дать возможность королевской комиссии провести тщательное обследование положения в угольной промышленности. Тот день, когда шахтовладельцы взяли обратно свой ультиматум, вошел в историю под названием «красной пятницы».

¹ *Daily Herald*, July 31 st, 1925.

Это поражение правительства, естественно, явилось, как заявил Генеральный совет, огромным стимулом для каждого члена тред-юнионов. Одновременно Генеральный совет сделал важнейший вывод о том, что для отражения следующего натиска необходимо продолжать быть бдительными и «готовить силы и средства» для отпора. Такая точка зрения пользовалась всеобщей поддержкой. «Это был первый раунд, — подводил итоги событиям А. Дж. Кук. — Надо готовиться к решительной схватке». В течение этого «непрочного перемирия, — говорили коммунисты, — капиталистический класс подготовится к сокрушительному наступлению на рабочих», и, если рабочие «не проведут эффективную контрподготовку, они неминуемо потерпят полное поражение».

Правительство, со своей стороны, готовилось спешно и основательно. Министр финансов Уинстон Черчилль, один из наиболее отъявленных врагов рабочего класса среди членов кабинета, заявил, что он и его коллеги, предоставляя субсидии шахтовладельцам, преследовали цель «отсрочить кризис», с тем чтобы «успешнее с ним справиться, когда придет время». Правительство действовало в соответствии с этим заявлением. Штрейкбрехерской организации, известной под названием Организации по обеспечению снабжения, была оказана официальная поддержка. Штрейкбрехерские «ударные отряды» проходили техническую подготовку. Был создан целый диктаторский аппарат, в котором вся власть сосредоточивалась в руках десяти правительственных комиссаров. Было условлено, что, подобно готовящейся к наступлению армии, эта машина должна немедленно быть пущена в ход по получении от правительства сигнала «к бою!».

Как это ни удивительно, однако со стороны тред-юнионов не проводилось никакой подготовки к предстоящей борьбе. Несмотря на своевременные предупреждения о необходимости подготовки, в профсоюзах проводилась линия, которую крупнейший историк всеобщей забастовки профессор Крук называл «позицией преднамеренной неподготовленности», влияние которой «на силы рабочего класса в развернувшейся борьбе имело катастрофические последствия». «Даже если бы не было опыта Бельгийской рабочей партии, приобретенного в ходе длительной подготовки всеобщей забастовки 1913 года, опыта, которым могли воспользоваться лидеры английских тред-

юнионов, то здравый смысл, — заключает Крук, — должен был бы подсказать им необходимость провести хотя бы некоторую подготовку»¹.

Причины этой поразительной бездеятельности надо искать в соотношении сил в составе руководства тред-юнионов. Состоявшийся в сентябре 1925 года в Скарборо конгресс тред-юнионов показал, что профсоюзное движение охвачено боевым духом, отвечающим требованиям предстоящей борьбы. Это был весьма показательный конгресс тред-юнионов, начиная с вызвавшего бурное одобрение выступления председателя конгресса А. Б. Суэлса (Объединенный профсоюз машиностроителей), решительно высказавшегося за «боевую прогрессивную политику, проводимую последовательно и неуклонно», и кончая сокрушительными итогами голосования, когда за революционную оппозицию английскому империализму было подано 3082 тысячи голосов против 79 тысяч. Конгресс решительно заявил, что целью профсоюзов является борьба «в союзе с партией рабочих... за свержение капитализма», обязался «развивать и укреплять цеховые организации профсоюзов», одобрил проводимую Генеральным советом кампанию за установление единства в международном рабочем движении и осудил план Дауэса (принятие которого было основным достижением правительства Макдональда) за то, что он направлен на более эффективное выжимание соков из германского народа. Но когда от слов потребовалось перейти к делу, картина оказалась совсем не такой уж оптимистической. Вопрос о вхождении Советов профсоюзов в Конгресс тред-юнионов был снят с рассмотрения. Основной вопрос о полномочиях Генерального совета был опять отложен. Дж. Х. Томас и Эрнест Бевин, ответственные за «черную пятницу», были избраны в Генеральный совет. Бевин, власть которого в его мощном профсоюзе усилилась, впервые был избран в руководство Конгресса тред-юнионов. Положение этих людей упрочилось, когда после безвременной кончины Фреда Бромли вскоре после конгресса в Скарборо секретарем Генерального совета стал заместитель секретаря, «темная лошадка» У. М. Ситрин, быстро показавший, что его взгляды резко отличаются от взглядов его стойкого, независимого предшественника.

¹ Wilfrid H. Crook. The General Strike, p. 369.

Соотношение сил в Генеральном совете, таким образом, резко изменилось в пользу правых элементов, в результате чего ослабло влияние так называемой «левой» группы Перселла — Хикса. В следующем месяце Томас и Бевин совместно с Макдональдом превратили конференцию лейбористской партии в Ливерпуле в контрдемонстрацию Конгрессу тред-юнионов в Скарборо. Профсоюзам было предложено воздерживаться от избрания коммунистов делегатами на конференции лейбористской партии, и борьба против коммунистов, таким образом, была развернута теперь и в тред-юнионах. Вместо «нового социального порядка», о котором шла речь в программе партии, принятой в 1918 году, теперь в партийной программе говорилось о «координированной политике национальной реконструкции и реформы». Как заявил председательствовавший на конференции С. Т. Крэмп (коллега Томаса по руководству Национальным союзом железнодорожников), «мы стали выше борьбы классов». Это было сигналом, в значении которого трудно было ошибиться. В течение ближайших двух недель правительство обрушилось на коммунистов, доказывавших необходимость подготовки к борьбе; двенадцать лидеров компартии были заключены в тюрьму после самого крупного со времени чартизма политического процесса в Англии. В начале ноября попытки в ту пору весьма активно настроенной Федерации горняков образовать Промышленный союз, в который вошли бы ведущие союзы, и тем самым подготовиться к решающему дню, потерпели крах в связи с отказом Национального союза железнодорожников, возглавлявшегося Томасом, войти в Промышленный союз¹.

В течение всех этих месяцев вела свою работу королевская комиссия по вопросам угольной промышленности, возглавлявшаяся сэром (впоследствии лордом) Гербертом Сэмюэлем. Идя по проторенной дорожке своих предшественниц, она в марте 1926 года представила доклад, в котором туманно говорилось о необходимости вмешательства государства в вопросы реорганизации угольной промышленности, но совершенно ясно утверждалось, что горняки должны согласиться либо на удлинение рабочего дня, либо на понижение заработной платы. Доклад Сэмюэля явился причиной раскола профсоюзного движе-

¹ Hutt, op. cit., pp. 121—122.

ния, по крайней мере его верхушки. С этого времени Генеральный совет, по существу, был убежден, что горняки должны согласиться на снижение заработной платы, при условии, что угольная промышленность будет «реорганизована», и считал, что требование Федерации горняков «ни одного пенса от заработной платы, ни одной секунды к рабочему дню» было, как они позднее цинично утверждали, «пустым лозунгом».

Конференция делегатов горняков, состоявшаяся 10 апреля, не испугалась признаков слабости, обнаружившихся в деятельности Генерального совета, и заняла твердую позицию. Конференция имела доказательства того, что рядовые тред-юнионисты не разделяли пораженческих взглядов Генерального совета. Об этом свидетельствовал выдающийся успех Движения меньшинства, создавшего в конце марта «конференцию действия», на которой присутствовало 883 делегата, представлявших почти миллион членов тред-юнионов. Шахтовладельцы немедленно ответили на это заявление, что они намереваются вести переговоры об условиях труда только в масштабе отдельных районов, и сообщили, что 20 апреля они объявят локаут, если горняки не согласятся на снижение заработной платы. Снижение заработной платы должно было быть настолько значительным, что даже президент объединения шахтовладельцев Эван Уильямс соглашался, что в результате этого заработная плата станет «жалкой».

Агрессивность предпринимателей вновь заставила Генеральный совет поддержать горняков. 27 апреля Генеральный совет впервые вынес решение наметить план развернутых действий, которые могут быть продиктованы сложившейся обстановкой. Через два дня исполкомы профсоюзов, входящих в Конгресс тред-юнионов, были вызваны в Лондон на конференцию.

Но уже из вступительного слова председательствующего Пью стало ясно, что Генеральный совет все еще находился под впечатлением доклада Сэмюэля: даже после того, как Совет повторил свои неоднократные заверения в якобы безоговорочной поддержке горняков, Пью доказывал, что шахтовладельцы и горняки должны начать переговоры на основе этого доклада. Эта противоречивость поведения Генсовета не была устранена и оказалась роковой. В самом деле, более чем сомнительно, что Генеральный совет начал бы всеобщую забастовку, если бы

правительство не навязало ее. Сложные и безуспешные переговоры, которые велись вечером 29 апреля и продолжались весь следующий день до 11 часов вечера, показали, что правительство, закончив все приготовления, прочно стояло заодно с шахтовладельцами, старалось настроить прессу против горняков и твердо решило вызвать конфликт.

Время приближалось к полуночи, когда эта новость была сообщена возмущенным и возбужденным делегатам конференции представителями Генерального совета, ведшими переговоры (так называемым Промышленным комитетом, в котором Томас был одним из ведущих членов). Делегаты конференции разошлись до утра, унося с собой меморандум, который фактически был призывом к всеобщей забастовке. Когда они снова собрались на заседание, было проведено голосование. Решение о забастовке было принято подавляющим большинством в 3600 тысяч членов, причем против голосовала лишь горстка делегатов, представлявших менее чем 50 тысяч человек. Было объявлено, что рабочие ряда отраслей промышленности начнут забастовку в полночь на понедельник 3 мая. Делегаты конференции стоя несли «Красное знамя» и, воодушевленные призывом к борьбе, разошлись, чтобы принять участие в первомайской демонстрации.

Решение о забастовке предусматривало прекращение работы двумя «очередями», или «линиями». В первую «очередь» намечалось прекращение работы всех видов транспорта, в типографиях (включая газетные типографии), в металлургической, металлообрабатывающей и основной химической промышленности, в строительной промышленности (за исключением строительства жилых домов и больниц). Во второй «очереди» важнейшими отраслями были машиностроение и судостроение. Организацию снабжения населения продовольствием и медицинской помощью должны были взять на себя профсоюзы. Ко всем профсоюзам, которые должны были участвовать в стачке, обратились с просьбой «передать свои полномочия в распоряжение Генерального совета», но объявить забастовку должны были сами профсоюзы, и поскольку их насчитывалось восемьдесят два, то в отдельных местах произошла большая путаница. Наконец, Генеральный совет заявил, «что в случае, если будут приняты какие-либо действия, ставящие под угрозу соглашения

трэд-юнионов с предпринимателями, работа не будет возобновлена вообще до тех пор, пока эти соглашения не будут признаны полностью».

Под влиянием момента лишь немногие учитывали, что роковое противоречие, о котором уже говорилось, продолжало существовать. И теперь Генеральный совет, взяв на себя общее руководство борьбой, считал себя вправе заняться урегулированием вопроса от имени горняков даже в том случае, если это повлечет за собой снижение заработной платы. Федерация горняков, в свою очередь, считала, что единственным полномочием, которое она дала Генеральному совету, было право действовать в духе неоднократно повторявшихся заявлений о солидарности в деле оказания сопротивления какому-либо снижению жизненного уровня горняков. Федерация, конечно, категорически протестовала против возобновления Промышленным комитетом переговоров с правительством через несколько часов после принятия решения о забастовке и после того, как представители Федерации горняков, присутствовавшие на конференции, выехали на места. Эти сложные переговоры, занявшие весь конец недели, не дали ничего нового и свелись лишь к вопросу о принятии доклада Сэмюэля, предусматривающего снижение заработной платы. В конце концов соглашение было достигнуто именно на этой основе, и Генеральному совету оставалось только поставить руководителей Федерации горняков, послешно вызванных телеграммой, перед совершившимся фактам.

В этот момент положение резко изменилось в связи с неожиданной забастовкой рабочих типографии, где печаталась газета «Дейли мейл». Забастовка, во главе которой находились работники Национального профсоюза печатников, возникла в связи с тем, что в набор была сдана передовая статья газеты «Дейли мейл», написанная в погромном, резко враждебном профсоюзам духе. Бойдушш немедленно заявил представителям Генерального совета, ведущим переговоры, что правительство рассматривает эту забастовку как «открытый акт войны», и потребовал безусловной отмены решения о всеобщей забастовке в качестве условия продолжения переговоров. Затем он отпирался спать, и когда члены Генерального совета явились на Даунинг-стрит, чтобы заявить о том, что Совет не причастен к действиям рабочих типографии

газеты «Дейли мейл» и отрицательно относится к ним, дверь была буквально захлопнута перед их носом. Таким образом, наконец «Конгресс тред-юнионов оказался участником войны, которая была навязана ему и которую он боялся выиграть»¹. Больше всего он боялся, как это стало ясно из позднейших заявлений Бевина, Томаса и Чарльза Дьюкса (из союза неквалифицированных рабочих), что забастовщики, рабочий класс могли выиграть эту войну революционным путем².

Едва ли многомиллионная армия, вступившая с небывалым подъемом в борьбу в ночь на вторник 4 мая, понимала, что в ее генеральном штабе сидели пораженцы. В коммюнике, опубликованном Конгрессом тред-юнионов 4 мая, говорилось: «Со всех концов страны мы получаем сообщения, превзошедшие все наши ожидания. Не только железнодорожники и транспортники, но и рабочие других профессий выступили настолько единодушно, что это трудно было заранее предполагать. Затруднения Генерального совета состоят в том, чтобы удерживать людей на так называемой второй линии обороны, а не в том, чтобы призывать их к забастовке». На протяжении последующих девяти апокалипсических дней не было никаких ощутимых признаков ослабления забастовки. Пропаганда правительства в этой части полностью расходилась с его собственными конфиденциальными докладами. В самом деле, в начале второй недели забастовки массы продолжали развертывать и углублять ее. Местные Советы действия укрепились, проводилось массовое пикетирование, вступили в действие отряды обороны. На местах велась пропаганда через бесчисленные бюллетени, выпускавшиеся стачечниками в огромном количестве экземпляров. Несмотря на отчаянные заверения Генерального совета о том, что забастовка является только экономическим конфликтом («Мы молим господина Болдуина верить этому»), она совершенно очевидно приобретала все более резко выраженный политический характер.

С самого начала Генеральный совет занял оборонческую позицию, предоставляя возможность противостоящим силам взять всю инициативу в свои руки. Он не

¹ Kingsley Martin, *The British Public and the General Strike*, p. 58.

² Hutt, *op. cit.*, pp. 134—135.

приступил к изданию своего собственного печатного органа «Бритиш уоркер» до тех пор, пока правительство не начало издавать свой официальный орган «Бритиш газет»¹, во главе которого был поставлен Черчилль — этот подлинный военачальник правительственного кабинета в этой борьбе. Черчилль был главным редактором этого листка, называвшего забастовщиков «врагами». А «Бритиш уоркер» в это время находился под гнетом жестокой цензуры Генерального совета и был столь же робким, сколь и строго сдержанным. На его страницах не было ничего, что переносило бы борьбу на территорию врага; казалось, что уроки пропаганды, развернутой в 1919 году во время забастовки железнодорожников, были совершенно забыты. Однако провокационные действия правительства — приведение в боевую готовность вооруженных сил, подавление примиренческих настроений в его собственных рядах, раздувание шумихи вокруг смехотворных угроз сэра Джона Саймона, доказывавшего «незаконность» забастовки, оргия полицейских избиений, поголовные аресты и заключения в тюрьму по любому поводу — свидетельствовали и о том, что позиции правительства были далеко не так прочны, как об этом беспрестанно и громко заявляла его пропаганда.

Фактически к концу первой недели внимание Генерального совета было обращено не столько на ведение забастовки, сколько на переговоры, которые привели бы к ее окончанию. «Казалось, — писал А. Дж. Кук, — что единственным желанием некоторых лидеров было желание прекратить всеобщую забастовку любой ценой, без каких бы то ни было гарантий для рабочих, горняков и т. д.» Это так именно и было, причем таково было желание не только некоторых лидеров, а всего Генерального совета, включая и «левую» группу Перселла — Хикса. Забастовка была прекращена на условиях, изложенных в меморандуме, подготовленном Гербертом Сэмюэлем, который по существу являлся перенесом доклада, представленного возглавлявшейся им комиссией. Несмотря на то, что Герберт Сэмюэль совершенно определенно заявил,

¹ Существенную помощь правительству оказал лорд Бивербрук, который предоставил в распоряжение правительства одного из инженерно-технических руководителей типографии газеты «Дейли экспресс», так как правительство не могло получить ни одного штрейкбрехера для работы на линотипе.

что он не может дать никаких завершений от имени правительства. Генеральный совет единогласно одобрил меморандум и, не получив каких-либо гарантий, решил, несмотря на возражения Федерации горняков, прекратить забастовку.

В соответствии с этим в среду, утром 12 мая, члены Генерального совета посетили премьер-министра и униженно объявили о своей безоговорочной капитуляции.

Члены совета были так растеряны, что всего лишь за несколько часов до этого, во исполнение зарнее разработанного плана, призвали к забастовке вторую «очередь»; так жаждали они прекращения забастовки, что некоторые из них даже послали членам своих профсоюзов поздравления с «победой»; так ясно понимали они свою вину, что «Бритиш уоркер» тщательно скрывал отказ Федерации горняков подчиниться этому капитулянтскому решению и даже пытался внушить, что горняки согласны с Генеральным советом. Предприниматели немедленно, в полном соответствии с планами правительства, нанесли удар, «полные решимости, если возможно, заставить рабочих отказаться от участия в профсоюзах, навязать пониженную заработную плату и рабские условия труда»¹. Но бастующие оставались достаточно сильными, и замечательное выступление рядовых рабочих без лидеров в четверг 13 мая предотвратило превращение капитуляции в полный разгром, несмотря на то, что новые соглашения были весьма неблагоприятными и открывали путь к многочисленным увольнениям рабочих за участие в забастовке.

Эти девять дней и в большей степени последующие дни арьергардных боев дали возможность рабочему классу почувствовать собственную силу, показали ему, что могут сделать единство и боевой дух. Как писал А. Дж. Кук, «они убедительно доказали, что в рабочем движении есть люди, которые способны в случае крайней необходимости обеспечить управление страной». Эти дни кое-чему научили также и лидеров, что пахло свое выражение в восклицании С. Т. Крэмпса: «Это никогда не повторится». Несомненно, лидеры почувствовали, что в эти майские дни они слишком близко видели то, что покойный Артур Гендерсон позже назвал «ужасной

¹ *The Scottish Worker*, May 14th, 1926.

перспективой» краха существующего социального и политического строя. Лидеры не даром совершили исторический поворот в 1914 году и пошли тогда на слияние антарата тред-юнионов с государственной машиной страны, о чем говорилось в одной из предыдущих глав. С тех пор они не сворачивали с пути приспособления к режиму монополистического капитала и сотрудничества с ним.

Прошло некоторое время, прежде чем эта политика нашла свое практическое выражение в новых формах. Всеобщая забастовка закончилась в середине мая, но горняки упорно продолжали бороться вплоть до декабря. Еще перед самым окончанием забастовки они большинством в 480 тысяч голосов против 313 тысяч отвергли капитуляцию, которая тогда означала ликвидацию их завоевания — семичасового рабочего дня — и снижение заработной платы. Ряды Федерации горняков стали более малочисленными в связи с тем, что некоторые союзы вышли из нее, особенно в Мидленде, где Дж. А. Спенсер, лидер Ассоциации горняков Поттингемшира, при поддержке шахтовладельцев образовал компанийский союз, который на протяжении ряда лет сбивал с толку горняков этого района. Члены Генерального совета Конгресса тред-юнионов и их коллеги из исполкома лейбористской партии разрушали существовавшую тогда всеобщую солидарность с горняками, выражавшуюся в повсеместном требовании профсоюзов взимать специальный взнос со всех членов тред-юнионов в пользу горняков и ввести эмбарго на ввоз угля. Путем отсрочки совещания представителей исполкомов профсоюзов о всеобщей забастовке, намеченного на конец июня, и путем запрещения обсуждать этот вопрос на конгрессе тред-юнионов в Борнемуте в сентябре лидерам Генсовета и лейбористской партии удалось помешать проведению в жизнь этого требования. Когда же, наконец, в январе 1927 года конференция состоялась, она прошла по намеченному руководством плану — вопрос был обсужден формально, а решение по нему было принято в духе, удобном для руководства.

При таком исходе всеобщей забастовки не было удивительно, что правительство, используя главным образом законодательный путь, смогло предпринять наступление на профсоюзное движение, причем Генеральный совет

противодействовал этому лишь путем организации агитационных митингов. В 1927 году был принят закон о промышленных конфликтах и тред-юнионах («хартия штрейкбрехеров»). Не только всеобщие забастовки, но и забастовки солидарности, даже если они преследовали чисто экономические цели, были объявлены незаконными. Беспрецедентной была одна из статей этого закона, согласно которой к уголовной ответственности могли быть привлечены те, кто, не имея работы, будет отказываться наниматься на условиях, предлагаемых им предпринимателем. Всякий, возглавляющий «нелегальную» забастовку или принимающий в ней участие, подвергался штрафу или тюремному заключению на срок до двух лет. Фонды профсоюзов подлежали использованию для покрытия ущерба, нанесенного предприятиям в связи с забастовкой, и, таким образом, неприкосновенность фондов, установленная Актом 1906 года, отменялась. Массовое пикетирование запрещалось, а обычное пикетирование делалось невозможным, так как могло быть подведено под общее определение «запугивания». Профсоюзам, объединявшим служащих государственных учреждений, было запрещено присоединяться к Конгрессу тред-юнионов или к лейбористской партии. Штрейкбрехеры — члены тред-юнионов брались под защиту: они были гарантированы от каких-либо дисциплинарных взысканий со стороны своих союзов. Политической деятельности профсоюзов был нанесен удар путем изменения существовавших законоположений относительно порядка сбора взносов на политические цели. Если раньше те члены профсоюзов, которые не желали платить такие взносы, должны были заявить об этом в письменной форме, то по новому закону письменное заявление требовалось от тех, кто желал платить взносы на политические цели. Этот закон справедливо был охарактеризован как «наиболее реакционный образец английского законодательства о труде, из всех принятых со времени злополучных Актов 1799 — 1800 годов о запрещении союзов... грубый образец ограничительного классового законодательства»¹.

Через месяц с небольшим после введения в действие этого закона, направленного на разоружение тред-юнионистского движения, председатель конгресса тред-юнио-

¹ Wilfrid H. Crook, op. cit., pp. 481, 484.

нов, происходившего в Эдинбурге, сделал в своем обращении к конгрессу предложение о сотрудничестве с предпринимателями «в общем стремлении повысить производительность промышленности и поднять жизненный уровень рабочих». Это заявление было сделано Джорджем Хиксом, одним из бывших руководителей «левых» в Генеральном совете. В ноябре эта инициатива была поддержана группой из двадцати ведущих предпринимателей, возглавлявшихся покойным лордом Мелчеттом (тогда сэр Альфред Монд), основателем гигантского треста «Империэл кэмикал индастриз». В январе 1928 года состоялось первое объединенное заседание этой группы и Генерального совета. Так родился мондизм, единственным противником которого в Генеральном совете был А. Дж. Кук.

В докладе Генерального совета конгрессу тред-юнионов, состоявшемуся в Суонси в сентябре 1928 года, были намечены три возможных пути дальнейшего развития профсоюзного движения. Политика активной борьбы рабочего класса отвергалась как «бесполезная, явно обреченная на неудачу, неизбежно ведущая к кровопролитию и несчастью». То обычное положение, при котором предприниматели управляют промышленностью, а профсоюзы борются за права и интересы своих членов, характеризовалось в докладе как «несовместимое с современным требованием полностью изменить роль рабочих в промышленности». Третья политическая линия, получившая к тому же одобрение в докладе, состояла в том, что «профсоюзное движение должно прямо заявить, что оно не только заинтересовано в процветании промышленности, но что оно намерено иметь свой голос в руководстве промышленностью... профсоюзы могут использовать свою мощь для того, чтобы содействовать реорганизации промышленности на научной основе и руководить этой реорганизацией». Из первого совместного доклада Генерального совета и группы Монда было ясно, что именно означала эта политическая линия. В нем говорилось, что тенденцию к рационализации и трестификации промышленности «следует приветствовать и поощрять». В докладе предлагалось создать Национальный промышленный совет из представителей Генерального совета тред-юнионов и предпринимателей (объединенных в Национальной конфедерации организаций предпринимателей и Федера-

ции британских промышленников), который должен был руководить системой принудительного примирения. Со своей стороны, предприниматели признавали некоторые права за профсоюзами, что напоминало универсализацию искусной системы замаскированных компанейских союзов, изобретенной Хавелоком Вильсоном с целью обеспечения больших прибылей судовладельцам и более легкой эксплуатации моряков. Эта система предусматривает, как сказал член парламента Э. Шинуэлл, «откровенную сделку», в соответствии с которой «тред-юнионы обязуются сдерживать своих членов, а предприниматели, в свою очередь, дают согласие принимать на работу только членов союза».

Вскоре обнаружилось, что политика мира с предпринимателями привела к войне внутри профсоюзов. Весьма значительная часть членов союзов, составлявшая 768 тысяч голосов (большинство составляло 2920 тысяч), на конгрессе тред-юнионов в Суонси высказалась против мондизма. Генеральный совет не мог выдвинуть сколько-нибудь убедительных доводов в пользу мондизма, и Бевин рычал на противников мондизма на конгрессе тред-юнионов в Белфасте в 1929 году, заявляя, что он «не согласен с теми, кто одержим чувством собственной неполноценности». В связи с этим руководство тред-юнионов прибегло к крутым мерам. Еще в 1926 году конгресс тред-юнионов в Борнмуте поддержал призыв Генерального совета к советам профсоюзов не примыкать к Движению меньшинства; представитель Генерального совета А. Конли (из профсоюза швейников) наивно заметил, что «если Совет согласится на такое слияние, то вскоре Движение меньшинства станет движением большинства»¹. Национальный союз чернорабочих и коммунальников явился инициатором возрождения старого оружия предпринимателей — «документа» — для устранения коммунистов или сторонников Движения меньшинства из профсоюзных органов. Его примеру, в различной степени, последовали профсоюзы железнодорожников, транспортников, приказчиков, печатников, электриков, обувщиков, пекарей, маляров и котельщиков, причем в последнем случае эта мера направлена непосредственно против Гарри Поллита. Самым сенсационным был раскол Союза

¹ *Daily Herald*, September 8th, 1926.

шотландских горняков в 1927—1928 годах, организованный старыми лидерами после того, как его члены законным образом проголосовали в пользу коммунистов и левых¹ и забаллотировали своих старых лидеров. Хаос, вызванный действиями последних, привел в конечном счете к тому, что боевые члены профсоюза организовали просуществовавший некоторое время новый союз — Объединенные горняки Шотландии.

Для того чтобы мондизм разоблачил сам себя, не понадобилось много времени. Во всех отраслях промышленности условия труда ухудшились, темпы работы резко повысились, размеры сдельной платы уменьшались, соглашения об условиях труда нарушались. Была снижена заработная плата железнодорожникам, среди шахтеров росла нищета. В среднем заработная плата горняков была лишь на 30 процентов выше уровня 1914 года, тогда как стоимость жизни за это время повысилась на 67 процентов. Количество членов профсоюзов сократилось. За период с 1926 по 1928 год число членов профсоюзов, примыкавших к Конгрессу тред-юнионов, уменьшилось на полмиллиона. Но уже в первые месяцы 1929 года начала подниматься новая волна возмущения, характеризовавшаяся ожесточенной стачечной борьбой местного характера, типичным образцом которой была десятидневная забастовка работниц швейной фабрики Рего в Лондоне, требовавших признания их профсоюза, и пятнадцатидневная стачка трех тысяч горняков в Даудоне (Дургам), выступивших против резкого снижения заработной платы.

Глава 9

ПУТЬ К КАТАСТРОФЕ

(1930—1939 гг.)

Следует отметить, что мондизм не был временным, связанным с именем того или иного профсоюзного деятеля изменением политики лидеров профсоюзов в результате всеобщей забастовки. Мондизм был выражением опреде-

¹ Подробности этих замечательных событий приведены в книге Nutt, *op. cit.*, pp. 183—187.

ленной последовательной политики, осуществлявшейся верхушкой руководства профсоюзным движением в течение последнего десятилетия перед войной и в непосредственно предшествующие ему годы. Об отличительных чертах и характере мондизма говорилось в предыдущей главе. Здесь, очевидно, уместно было бы разобрать более подробно существо этой политики, поскольку это даст ключ к пониманию периода, который рассматривается в данной главе. Для этой цели нужно только сослаться на статью Уолтера Ситрина, в которой развиваются его воззрения, являющиеся, мы бы сказали, введением в мондизм. Эта статья была написана в конце 1927 года, еще до того, как начались переговоры между Генеральным советом и группой лорда Мелчетта¹.

В этой статье, представлявшей собой программное заявление, содержались почти те же выражения, что и в последующих заявлениях Генерального совета. Так, например, и в статье Ситрина и в документах Генсовета одними и теми же словами характеризовались три возможных пути развития профсоюзного движения и развивались старые предложения Уитли о создании Национального промышленного совета и Объединенных советов в каждой отрасли промышленности. Касаясь сути дела, Ситрин в своей статье подчеркивает, что достигнут поворотный пункт в развитии профсоюзного движения и что «следующая стадия развития тред-юнионизма» означает также следующих два изменения. Во-первых, то, что политика борьбы, или же оппозиции, в отношении крупного современного капитализма должна быть отвергнута («переход к новому порядку в промышленности должен осуществляться не путем социального взрыва»; целью должно быть создание «таких отношений, которые обеспечили бы большую стабильность и гармонию в промышленности»). Во-вторых, то, что тред-юнионы — монополисты в отношении рабочей силы («тред-юнионизм... установил пикем не оспариваемый контроль над организованной рабочей силой») — должны вступить в сотрудничество с монополистами капитала с целью «поднять совместными усилиями производительность промышленности на самую

¹ Статья У. Ситрина в *Manchester Guardian Industrial Relations Supplement*, November 30th, 1927; приведена в W. Milne-Bailey, *Trade Union Documents*, pp. 431—438.

высшую ступень». В статье было откровенно заявлено, что в этом сотрудничестве с монополистическим капиталом профсоюзы будут играть роль младшего партнера. В связи с этим возражения Бевица против «тех, кто одержим чувством собственной неполноценности», звучали весьма парадоксально¹. Профсоюзные лидеры, отстаивавшие идею сотрудничества с капиталистами, надеялись лишь на «более значительное участие в осуществлении контроля над проведением изменений в промышленности», а для членов профсоюзов они просили лишь уделить «справедливую часть того, что будет выручено в результате увеличения выпуска продукции».

Была вытащена на свет старая лживая теория о том, что увеличение выпуска продукции в капиталистическом обществе является условием роста благосостояния рабочего класса («обеспечить наибольший возможный выпуск продукции, с тем чтобы тем самым обеспечить повышение жизненного уровня и непрерывное улучшение условий найма»). «Рационализация промышленности» изображалась не как интенсификация труда путем ускорения производственного процесса, механизации и т. п., а «как более эффективная, экономичная и гуманная система производства». Например, система Тэйлора могла бы вызывать «неизбежную психологическую реакцию», если бы «ее ввели автократическим путем, без согласования» с представителями профсоюзов. Однако все было бы в порядке, если бы ее вводили, установив предварительно сотрудничество между организованными предпринимателями и аппаратом профсоюзов. Открылись бы огромные возможности для достижения взаимно приемлемого соглашения... по вопросу о применении принципов научного управления производством». В то же время профсоюзам «не надо было бы бояться взаимной ответственности» за такие якобы ограничивающие производство вещи, как «работа по всем правилам», споры о разграничении функций, существующие уставы и обычаи профсоюзов. И, наконец, старые возражения против планов участия рабочих в прибылях и приобретения акций предприятий рабочими отпадут, если эти планы будут осуществляться

¹ См. выше, стр. 130.

на «основе содружества, причем профсоюзы будут выступать в качестве управляющих и попечителей».

Предлагая, таким образом, полное слияние профсоюзного аппарата с аппаратом капиталистической промышленности в интересах достижения «более высокой производительности» и «получения выгод от увеличения производительности», Уолтер Ситрин не был одиноким экстремистом. Политика, изложенная им с такой ясностью, была приемлема для большинства Генерального совета Конгресса тред-юнионов, и прежде всего для весьма влиятельного члена Генсовета Эрнеста Бевина, пользовавшегося неограниченной властью в Союзе транспортных и неквалифицированных рабочих. Для проведения в жизнь этих идей лидеры Генсовета могли пользоваться значительными изменениями в составе Конгресса тред-юнионов, происшедшими в 30-х годах. Эти изменения состояли в том, что численность входящих в Конгресс тред-юнионов профсоюзов горняков, машиностроителей, рабочих текстильной промышленности и ряда других сильно уменьшилась, тогда как Союз транспортных и неквалифицированных рабочих был в это время самым большим профсоюзом из всех, входивших в Конгресс. Кроме него был еще один большой общий профсоюз — Национальный союз чернорабочих и коммунальщиков, занимавший по количеству членов третье место в Конгрессе тред-юнионов¹. Голоса членов этих двух союзов на конгрессах давали солидную поддержку политике Ситрина. Поддержка оказывалась мондизму не только как экономической политике. Большой процент членов указанных союзов входил в лейбористскую партию (Союз транспортных и неквалифицированных рабочих — 301 тысяча человек и Национальный союз чернорабочих и коммунальщиков — 242 тысячи); таким образом, эти голоса использовались для проведения мондизма в более

¹ Численность профсоюзов в то время была: в Союзе транспортных и неквалифицированных рабочих — 523 тысячи, в Национальном союзе чернорабочих и коммунальщиков — 340 тысяч, в Федерации горняков — 518 тысяч, в Национальном союзе железнодорожников — 338 тысяч, в Объединенном профсоюзе машиностроителей — 250 тысяч (данные на 1936 год). Война принесла новые изменения, а именно: по количеству членов Объединенный профсоюз машиностроителей, ныне насчитывающий в своих рядах почти миллион человек, лишь незначительно отстает от Союза транспортных и неквалифицированных рабочих.

широком плане, а именно в области политики, что и стало характерной чертой этого периода¹.

Насажждение мондизма в политике было аккомпанементом к последнему акту трагикомического фарса макдональдизма во втором лейбористском правительстве и в то же время результатом макдональдизма. Лейбористская партия победила на всеобщих выборах 1929 года (вернее, консерваторы потерпели поражение) в условиях, когда достигла максимума волна возмущения рабочего класса политикой правительства Болдуина, тем, что последовало за всеобщей забастовкой, разгромом горняков и принятием карательного закона о тред-юнионах. Но вскоре обнаружилось, что новое лейбористское правительство было шагом назад даже по сравнению с правительством 1924 года. Оно «дрожало от страха, если богачи хмурились», и не проявляло ни малейшего желания защищать интересы тех, кого Макдональд издевательски называл «пустоголовыми ослиами». Обещания, данные на выборах, не были выполнены. Семичасовой рабочий день не был восстановлен на шахтах. Вместо этого правительство дало предписание об увеличении рабочего дня на один час и спровоцировало таким образом конфликт, приведший к забастовке горняков в Шотландии и к локауту в Южном Уэльсе. Закон 1927 года о тред-юнионах не был отменен, причем правительство так явно увиливало от отмены этого закона, что даже Бевину пришлось протестовать. Правительство вмешалось в ряд конфликтов, имевших место в текстильной промышленности, и потребовало решения споров путем арбитража или передачи их с целью расследования суду присяжных, что в конечном итоге привело к снижению заработной платы текстильщикам. Подобным образом оно действовало в 1929 году во время локаута в бумагопрядильной промышленности и в 1930 году во время локаута в шерстяной промышлен-

¹ Важным примером этого является передача «Дейли геральд» в 1930 году газетному концерну-миллионеру «Одхемс пресс», который получил контрольный пакет акций (51 процент). В то же время в редакционной коллегии «Дейли геральд» сохранялось объединенное представительство Конгресса тред-юнионов и лейбористской партии. Бевин играл выдающую роль в редакции «Дейли геральд». В то время как на конгрессах тред-юнионов стала раздаваться критика в адрес «Дейли геральд», Бевин выступил в качестве основного защитника идеи передачи газеты в руки лорда Саусвуда.

ности; последний случай приобрел скандальную известность в связи с тем, что полиция применила насилие против забастовщиков в Западном Райдинге во время упорной двухмесячной стачечной борьбы. В 1931 году в Ланкашире предприниматели объявили локаут для того, чтобы заставить ткачей согласиться на обслуживание большего числа станков каждым рабочим. В противоположность нерешительной позиции своих руководителей, ткачи боролись стойко и добились победы. Один из членов делегации, которую подвергнутые локауту ткачи послали в Лондон для изложения их позиции, откровенно охарактеризовал положение. «Ланкаширским ткачам, — сказал он, — пришлось бороться не только с панимателями, но и с Центральным комитетом их же собственного профсоюза и с самим лейбористским правительством»¹. Правительство оказалось абсолютно неспособным справиться с положением, которое сложилось в стране в результате роста безработицы в связи с началом мирового экономического кризиса. Все, что правительство смогло предложить, свелось к предложению «экономить» за счет безработных и всего рабочего класса в целом.

Между тем Генеральный совет продолжал свои мондистские изыскания, хотя полностью его организационные планы в жизнь проведены тогда не были. Федерация британских промышленников и Национальная конфедерация организаций предпринимателей обсуждали с Генеральным советом вопрос о методах сотрудничества, но предложение о создании Национального промышленного совета не было проведено в жизнь. Однако Федерация британской промышленности и Генеральный совет подготовили совместный меморандум для имперской конференции 1930 года. Это был знаменательный документ, который порывал с традиционной политикой свободной торговли и требовал введения таможенных тарифов и создания имперского экономического блока. Этот меморандум носил открыто империалистический характер, и поэтому он был одобрен конгрессом тред-юнионов в Ноттингеме лишь незначительным большинством голосов (1878 тысячами голосов против 1401 тысячи). Во время обсуждения меморандума Бевин произнес в его защиту

¹ Зеф Хатчинсон, секретарь Бейкешской ассоциации ткачей.

большую речь, насыщенную антисоветскими выпадами. В следующем году новые партнеры Конгресса тред-юнионов показали свое подлинное лицо; это проявилось, например, в яростных нападках Национальной конфедерации организаций предпринимателей, требовавшей сокращения пособий по безработице.

Полной противоположностью этой позиции профсоюзных верхов было боевое настроение рядовых членов профсоюзов. Так, две тысячи делегатов, присутствовавших на конференции, организованной Манчестерским советом профсоюзов в мае 1931 года, постановили потребовать введения сорокачасовой рабочей недели и решили оказать сопротивление всем попыткам снизить заработную плату и сократить расходы на социальные нужды. В апреле 1931 года в Лондоне состоялся конвент, одобривший Рабочую хартию, предложенную Движением меньшинства. Хартия представляла собой не что иное, как программу, включавшую требования увеличить пособия по безработице, улучшить социальное обеспечение, ввести семичасовой рабочий день и установить минимум заработной платы в 3 фунта стерлингов в неделю. На состав конвента наложили, однако, отпечаток преследования боевых элементов в профсоюзах; так, из 800 делегатов лишь одна шестая часть представляла членов тред-юнионов.

Эти симптомы ни в какой мере не испугали Генеральный совет. Он не свернул с избранного им пути ни после краха лейбористского правительства в августе 1931 года, ни после перебежки Макдональда, Томаса и Сноудена в новое «национальное» правительство, в котором руководящую роль играли консерваторы. Правда, среди высшего профсоюзного руководства возникли серьезные противоречия в оценке этого логического конца макдональдизма. На конгрессе тред-юнионов в Бристоле в сентябре 1931 года представитель профсоюза модельщиков Эллис Смит (в настоящее время член парламента от избирательного округа Стока) задал язвительный вопрос, как может конгресс «осуждать Макдональда, Сноудена и Томаса за сотрудничество с враждебными политическими партиями, если Генеральный совет делает то же самое в области промышленности?» Существовали ли в действительности такие противоречия? Казалось, что не было никаких принципиальных возражений против характера

коалиции, в которую вступил Макдональд и его последователи. Тот же самый конгресс выслушал без какой-либо критики заявление Артура Гендерсона о том, что он «предпочел бы, чтобы к вопросу о национальном правительстве подошли должным образом и серьезно обсудили его, чтобы выяснили по этому вопросу мнение рабочего движения, желательно путем постановки его на обсуждение специально созванной рабочей конференции». И хотя профсоюзное движение в целом прекрасно выдержало удар, который нанесен был ему дезертирством Макдональда, Томаса и Сноудена, его «разрыв с макдональдизмом», по словам Дж. Д. Х. Кола, «был скорее стихийным, чем сознательным»¹. Лидеры профсоюзного движения меньше всего были заинтересованы в том, чтобы этот разрыв был осуществлен «сознательно»; напротив, как уже говорилось выше, перенеся мондизм в область политики, они тем самым превратились в наследников, проводников и последователей макдональдизма. Новым явилось то, что с тех пор политическое руководство рабочим движением осуществлялось не лидерами лейбористской партии, а небольшой группой, возглавлявшей Генеральный совет Конгресса тред-юнионов.

«Национальное» правительство, состав которого впоследствии частично изменился, начиная с 1931 года проводило реакционную политику, как внутреннюю, так и внешнюю, политику лишения народа демократических свобод и понижения жизненного уровня народных масс, с одной стороны, и политику, которая неуклонно вела к войне, — с другой. При этом правительство не встречало никакого сопротивления со стороны лидеров рабочего движения. За это время не было организовано ни одной крупной официальной забастовки, за исключением стачки рабочих хлопчатобумажной промышленности, не было координированных наступательных действий. Первоначальная борьба против сокращения под предлогом «экономии» заработной платы, продолжительная борьба безработных против сокращения пособий по безработице и против «проверки нуждаемости» представляли собой войну рядовых. В тех случаях, когда выступления не были стихийными (как, например, волнения матросов Атлан-

¹ Cole, Short History of the British Working-Class Movement (1932 ed.), Foreword, p. X.

тического флота в Инвергордоне), они поддерживались и направлялись коммунистами, официально объявленными вне закона, или их сторонниками из числа левых элементов. Национальное движение безработных возглавляло непрекращавшиеся в те дни демонстрации безработных, голодные походы и сражения с полицией.

Отношение к проблеме безработицы сторонников мондизма может служить примером того, как эти политики придерживались макдональдовских традиций раскола и борьбы против революционных элементов в рабочем движении. В последовавший за всеобщей забастовкой год, когда реакция перешла в наступление, Генеральный совет прервал всякие отношения с Национальным движением безработных. В 1932 году, когда волнения безработных достигли наивысшей точки, он пошел еще дальше, потребовав от советов профсоюзов организовать местные ассоциации безработных. Национальные голодные походы безработных подвергались нападкам профсоюзных лидеров, однако им не удалось лишить это движение поддержки рядовых членов профсоюзов. Так, например, голодный поход 1932 года приветствовала в Гайд-Парке стотысячная толпа, а в следующее воскресенье на Трафальгарскую площадь вышло 150 тысяч жителей Лондона, чтобы выразить симпатии участникам этого похода¹. Но делегации от безработных, которые ежегодно направлялись Национальным движением безработных на конгрессы тред-юнионов, никогда не допускались туда, хотя

¹ Советы профсоюзов и местные отделения профсоюзов еще более широко откликнулись на голодный поход 1934 года, который закончился Конгрессом единства и действия, где собралось 1500 делегатов, в том числе представители 245 местных отделений 50 различных профсоюзов, включая 81 делегата от 43 отделений профсоюза Бевина. Конгресс вызвал большой интерес к проблеме безработицы, и вскоре правительство было вынуждено восстановить пособия по безработице, урезанные в 1931 году. Голодный поход 1936 года превзошел по своим последствиям поход 1934 года и привел к тому, что Эттан, лидер лейбористской партии, и Уол Ханнеллтон выступили с одной трибуны. В своем годовом отчете за 1936 год Лондонский совет профсоюзов отметил, что «самой отличительной чертой этого похода было то, что его поддерживали все слои населения, независимо от их религиозной и политической принадлежности... Эта волна сочувствия должна послужить стимулом к тому, чтобы рабочее движение искало пути и средства для использования великой силы общественного мнения в борьбе против системы так называемой проверки нуждаемости, что являлось одной из целей похода».

многие делегаты конгрессов и считали, что депутации следует выслушать. Эти отказы подкреплялись бесцеремонными демонстрациями силы местной полиции, как конной, так и пешей. Политический характер отказов даже не считали нужным маскировать. Так, например, секретарь Генсовета гред-юнионов Ситрин заявил в Ньюкасле в 1932 году, что Национальное движение безработных является «вспомогательной организацией коммунистической партии», которая стремится «сделать Генеральный совет посмешищем и нанести ему оскорбление»¹, а на конгрессе в Брайтоне (1933 год) Ситрин призывал «не разрешать протаскивать единый фронт через заднюю дверь».

Руководство, осуществляемое высшим командованием профсоюзов во главе с Бевином в роли главнокомандующего и Уолтером Ситрином в качестве начальника штаба, придерживалось в области политики тех же взглядов, что и в вопросах отношений в промышленности. Не оппозиция, а, наоборот, полное сотрудничество с правящим классом. Это четко определилось в связи с позицией, занятой профсоюзным руководством по основным политическим проблемам, которые привлекали внимание профсоюзного движения и заключались в двойной угрозе фашизма и войны, чрезвычайно возросшей в связи с приходом к власти Гитлера и нацистской партии в Германии в 1933 году.

Было совершенно очевидно, что существовали огромные потенциальные силы, которыми лидеры профсоюзов могли бы располагать, если бы заняли твердую позицию. В промышленности увеличивалось число выступлений, настроение рабочих становилось все более боевым. Забастовка ткачей летом 1932 года превзошла все забастовки, которые происходили в Ланкашире до нее. Сопутствовавшие ей горячие стычки между бастовавшими и штрейк-

¹ Типичным выражением совершенно иной точки зрения было заявление Даусона (Союз текстильщиков) о том, что он не коммунист, но «loyальный профсоюзный работник, всегда честно участвовавший в профсоюзном движении». Он говорил, что конгресс «не должен терять времени на выяснение того, кто стоит за этой организацией безработных». «Не поддавайтесь,— говорил он,— попыткам Ситрина завлечь вас с правильного пути... То, что он говорил, может быть, правильно. Я совершенно не собираюсь оспаривать его слова, но, поскольку мужчины и женщины стоят перед этой проблемой, мы должны быть в состоянии сотрудничать со всеми, будь то небесные ангелы или дьяволы из преисподней».

брехерами и массовые походы рабочих из города в город с целью остановить работу на всех текстильных фабриках напоминали бурные дни всеобщей забастовки 1842 года. Несмотря на насилие, совершаемые полицией, и непрерывные запугивания арестами на основании Акта 1927 года, ткачи продолжали борьбу до конца сентября, когда снижение заработной платы и введение системы обслуживания большего количества станков одним рабочим вызвало бурные волнения в хлопчатобумажной промышленности. Тем же летом лондонские водители автобусов успешно отбили ярые атаки хозяев на их заработную плату и условия труда, отбили, несмотря на канитулянтскую позицию Союза транспортных и неквалифицированных рабочих. Водителям автобусов удалось добиться победы благодаря созданию организации рядовых водителей автобусов Лондона, в которую вошло большинство их местных профорганизаций. В январе следующего года эта организация провела неофициальную забастовку против потогонной системы (осужденную совместно исполкомом профсоюза и хозяевами) и добилась некоторых уступок. В результате таких злобных мероприятий правительства, как проведение через парламент закона о подстрекательстве к недовольству, вновь усилились антифашистские настроения английского народа. Эта настороженность общественного мнения нашла свое отражение в организации Совета гражданских свобод. Провокационные демонстрации сторонников Мосли в зале Олимпия и в Гайд-парке были встречены мощными контрдemonстрациями, которые Генеральный совет безуспешно пытался бойкотировать.

К сожалению, эти факты, кажется, не были учтены, как и не были извлечены уроки из того, что отказ от единства, пассивность и политика капитуляции привели германскую социал-демократию к поражению. В марте 1933 года Генеральный совет Конгресса тред-юнионов и Исполком лейбористской партии отклонили предложение о совместных действиях, внесенное коммунистической партией и Независимой рабочей партией. Вместо принятия этого предложения, Национальный совет труда¹

¹ Национальный совет труда имеет своей целью координацию политики Конгресса тред-юнионов и лейбористской партии. В Совете представлены Генеральный совет тред-юнионов, национальный исполком (National Executive) лейбористской партии и административ-

издал манифест, который назывался «Демократия против диктатуры». Этот документ не делал различия между диктатурой фашизма и диктатурой рабочего класса (называя ее «реакцией слева»), характеризовал лейбористскую партию как «острие политической силы, направленное против диктаторов, будь они фашисты или коммунисты», и заявлял рабочим, что «их исторической задачей в настоящее время является поддержание принципов социал-демократии». На Брайтонском конгрессе тред-юнионов в сентябре 1933 года Уолтер Ситрин, выступая от имени Генсовета, вновь допустил клеветнические выпады, поставив на одну доску фашизм и советскую систему. Это заявление представляло собой беспомощное обозрение, в котором фашизм изображался как автоматически и неизбежно образующийся продукт углубления кризиса и роста безработицы. «В Англии, так же как и в Германии,— сказал Уолтер Ситрин,— проблема безработицы весьма серьезна. Если безработица еще более увеличится, ни я, ни члены Генерального совета не смогут поручиться за последствия». Говоря о крахе лидеров германской социал-демократии, сэр Уолтер ограничился восклицанием: «Я надеюсь, что бог никогда не поставит нас в такое положение».

Эволюция политики профсоюзных лидеров по вопросу о войне носила еще более странный характер. То, что рабочее движение было едино в своем безоговорочно отрицательном отношении к войне, стало ясно на осенних конференциях 1933 года. Конференция лейбористской партии в Гастингсе единодушно, не прибегая даже к голосованию, одобрила принятую Исполкомом резолюцию, содержащую торжественное обязательство партии «не принимать участия в войне и бороться против нее всеми средствами, которыми располагает рабочее движение... включая всеобщую забастовку». Эти же положения содержались в резолюции, предложенной Объединенным обществом паровозных машинистов и кочегаров на конгрессе тред-юнионов в Брайтоне. Весь вопрос был передан Генеральному совету, которому было поручено представить по нему доклад специальному конгрессу тред-юнионов или специальной конференции представителей

ный комитет парламентской фракции лейбористской партии. Совет собирается, как правило, раз в месяц, накануне очередных еженедельных сессий Генсовета и исполкома партии. — *Прим. ред.*

исполкомов профсоюзов. Затем события начали разворачиваться весьма странным образом. Никакой специальной конференции не было созвано. Объединенный комитет, созданный Национальным советом труда, заседал на протяжении ряда месяцев, причем в результате этих заседаний «выяснилось, что невозможно наметить определенный план, который предусматривал бы необходимые действия на случай всех чрезвычайных событий, могущих произойти в будущем». Уолтер Ситрин сделал сенсационное открытие, заявив, что всеобщая забастовка против войны была бы незаконной, хотя еще конгресс тред-юнионов в Гастингсе полностью отдавал себе в этом отчет. Высказывались взгляды, очень напоминавшие точку зрения Бевина. Например, утверждалось, что профсоюзы не должны нести всей ответственности за борьбу против войны, что нельзя отказываться от работы по выполнению военных заказов, ибо это также привело бы к всеобщей забастовке.

В июне 1934 года эти признаки в политике тред-юнионистского руководства проявились в заявлении Национального совета труда, в котором говорилось «об обязанности неуклонно поддерживать наше правительство» в случае войны, которая квалифицировалась как военная «помощь Лиге наций в деле сдерживания агрессора». Но такая формулировка была лишь сладкой облачкой горькой пилюли, ибо борьба против войны была превращена в поддержку войны. Роулэндс, представитель союза маляров, выразил мысли многих членов профсоюзов, когда заявил на следующем конгрессе тред-юнионов, состоявшемся в Уэймуте, что «в 1914 году лейбористские лидеры перешли к поддержке своего правительства лишь после того, как война началась. Доклад Генсовета означает, что теперь лидеры перешли на сторону правительства еще до начала войны». Тем не менее Конгресс тред-юнионов одобрил эту новую политику по вопросу о войне, так же поступила и конференция лейбористской партии в Саутпорте. Бевин неуклюже доказывал, что «они держат в резерве оружие всеобщей забастовки». (Это было последнее упоминание лейбористских лидеров о всеобщей забастовке.)

Однако, несмотря на все это, активность рядовых членов профсоюзов не ослабевала. Состоялся целый ряд забастовок на больших фабриках в «новых» отраслях

промышленности, где рабочие слабо были охвачены профсоюзами и где работа производилась чрезвычайно быстрыми темпами. Одновременно боролись за повышение заработной платы железнодорожники, машиностроители и горняки. Структура Федерации горняков Южного Уэльса была изменена в сторону ее демократизации, возглавляло ее боевое руководство во главе с Артуром Хорнером, председателем Федерации, и число членов Федерации, одно время сильно сократившееся, снова быстро возросло. А. Конли, представитель рабочих швейной промышленности, в своей речи, которую он произнес в качестве председателя конгресса тред-юнионов, состоявшегося в Уэймуте, характеризуя создавшееся положение, отметил, что «ведется разрозненная борьба за повышение заработной платы», и заявил, что «эти спорадические и неkoordinированные выступления надо объединить и в организованном порядке повести профсоюзы как сплоченную организацию вперед». Это предложение не было поддержано. Подводя итоги Уэймутского конгресса тред-юнионов, лондонское Сити с удовлетворением отмечало, что «тред-юнионистское крыло лейбористской партии в действительности не заинтересовано... в уничтожении так называемой капиталистической системы»¹. Не было в этом заинтересовано и лейбористское крыло тред-юнионов. Конференция лейбористской партии в Саутпорте приняла новую программу — «За социализм и мир», — заменившую макдональдовскую программу — «Труд и нация». Социалистическая лига, оппозиционно настроенная по отношению к новой программе, охарактеризовала ее «не как программу социализма, а как повторение попытки 1929 года работать в условиях гибнущего капитализма», как программу, фактически «ведущую к корпоративному государству».

В 1935 году положение изменилось. В этом году впервые за все время после 1920 года с большой силой была продемонстрирована способность объединенного рабочего класса противостоять наступлению правительства независимо от позиции большинства в парламенте. Поводом для выступления послужило введение в действие 7 января второй части нового акта о безработице, который делал еще более жестокими ограничения при проверке нужда-

¹ *The Economist*, September 8th, 1934.

емости и в приложении к которому имелись шкалы выплаты пособий, резко сократившие размеры пособия по безработице. Основными центрами возникшего возмущения рабочего класса были Южный Уэльс и Шеффилд. Исполком Федерации горняков Южного Уэльса взял на себя инициативу созвать конференцию всех тред-юнионов и других организаций рабочего класса независимо от их политической программы. В созданном таким образом едином фронте объединились массы, и 3 февраля в угольных районах состоялись выступления трудящихся, в которых приняло участие не менее 300 тысяч человек. Горняки взяли штурмом и разрушили помещение Бюро по выплате пособий безработным. Правящий класс, как говорил премьер-министр Болдуин, переживал «состояние истерии и паники», и правительство поспешно отказалось от сокращения пособий.

Как же действовало руководство профсоюзного движения в создавшихся условиях, когда, по определению газеты «Таймс», «снова начали появляться настроения 1926 года, вызвавшие всеобщую забастовку»? Как и раньше, призывы левого крыла рабочего движения к единству были отвергнуты Генеральным советом и Исполкомом лейбористской партии. Когда назревало объединение всего рабочего движения, Национальный совет труда выпустил «обращение к совести нации», призывавшее «всех общественных деятелей... беспристрастно» заинтересоваться «прискорбным состоянием дел». На обращения профсоюзов, входящих в Конгресс тред-юнионов, Генеральный совет давал надменные и враждебные ответы¹.

¹ В письме Совета профсоюзов города Абертиллери Генеральному совету утверждалось, что Конгресс тред-юнионов «никогда не руководил борьбой и сопротивлением рабочих наступлению правительства... Рассмотрим положение дел у нас. Прежде чем Совет принял официальное участие в этом движении, 7 тысяч рабочих и безработных организовали по этому поводу демонстрацию перед Бюро по выплате пособий безработным. Инициатором этого движения, пользовавшегося поддержкой масс, выступило Национальное движение безработных. После этого Совет профсоюзов присоединился к создававшемуся единому фронту, в который входили различные организации, а также священнослужители и лавочники. Это движение охватило весь район... Мы призываем Конгресс тред-юнионов одобрить эту борьбу. Единственно, чего мы просим, так это действия». Организационный отдел Генерального совета в резкой форме ответил на это обращение: «...создается такое впечатление, что действия, предпринятые несколькими коммунистами в Юж-

И все же общий подъем, явившийся результатом победы объединенных действий, вскоре проявился в быстром увеличении количества голосов, поданных за лейбористов на дополнительных выборах в парламент, в многочисленных местных, успешно закончившихся забастовках и в успешном национальном движении горняков. Федерация горняков решила провести кампанию за повышение заработной платы и заключение с предпринимателями соглашения об условиях труда в общенациональном масштабе. 93 процента членов Федерации проголосовали за объявление забастовки с целью добиться принятия этих требований. Успешная забастовка в Найн Майл Пойнт в Монмутшире привлекла внимание всей страны.

Историческим фактом является то, что Генеральный совет вместо того, чтобы превратить успешные действия против закона о безработице в контрнаступление рабочего класса по всему фронту, направил все свои усилия на борьбу против единства. В марте он разослал два циркуляра, № 16 и 17 (известные под названием «черный циркуляр»), в которых советам профсоюзов предписывалось запретить избрание коммунистов или лиц, каким-либо образом связанных с коммунистами, в качестве делегатов на профсоюзные конференции и конгрессы. Кроме того, в «черном циркуляре» содержалось требование к профсоюзам пересмотреть свои уставы, с тем чтобы в них было предусмотрено запрещение для коммунистов занимать любые посты в профсоюзных органах...¹ Против этой меры Генсовета были многочислен-

ном Уэльсе, по мнению вашего Совета, более важны, чем делегация к министру труда и дебаты в палате общин. Такая точка зрения меня просто удивляет... О том факте, что ваш Совет связан с единым фронтом, будет доложено соответствующему комитету Генерального совета на его ближайшем заседании». (Прочитовано в книге Wal Hannington, *Unemployed Struggles*, 1919—1936, p. 311).

¹ Отвечая на традиционное обвинение в «разрушении» профсоюзов, коммунисты позднее заявили, что «единственное разрушение, в котором мы повинны, это окончательное разрушение компанейских тред-юнионов». Дж. Р. Кэмпбелл сказал: «В течение восьми лет, прошедших с 1926 года, правое руководство профсоюзов горняков отказывалось заниматься как следует компанейскими профсоюзами как в Южном Уэльсе, так и в Ноттингемшире. И только когда коммунистическое влияние начало преобладать в руководстве профсоюзами горняков на антрацитовых шахтах и повело борьбу против компанейского профсоюза в Эмлин Коллиери, тогда горняки Южного Уэльса, воодушевленные этими успехами, выступи-

ные возражения. Федерация горняков, три союза железнодорожников, союз транспортных рабочих, деревообделочников, машиностроителей, рабочих торговых предприятий, маляров, электриков и многие другие более мелкие профсоюзные организации выступили против «черного циркуляра». В сентябре 1935 года на конгрессе тред-юнионов в Маргете «черный циркуляр» был одобрен большинством в 1869 тысяч голосов против 1274 тысяч лишь благодаря тому, что союз транспортных рабочих в последнюю минуту изменил свою позицию и голосовал за его одобрение. Обратная сторона медали обнаружилась в связи с принятием профсоюзными лидерами наград, несмотря на бурные возражения в профсоюзных кругах. Самую большую награду — звезду и пурпурную ленту кавалера ордена Британской империи 2-й степени (высший орден Британской империи) — получил Уолтер Ситрин. Это было «великодушное признание, — мурлыкала «Дейли телеграф», — того, что приносят пользу даже те, кто выступает против теперешнего правительства».

Год закончился первым проявлением на практике новой политики рабочего движения по вопросу о войне. Совершенно не выдерживающая никакой критики поддержка была оказана правительству во время кризиса, вызванного вопросом о санкциях в связи с абиссинской войной. Премьер-министр Болдуин провел во время этого кризиса ловкий и весьма успешно закончившийся для него маневр, поставив в парламенте вопрос о доверии. Болдуин использовал этот кризис также для того, чтобы подрезать крылья оппозиции на парламентских выборах, проходивших в ноябре. После выборов премьер-министр заявил, что «настоящее дело» — всеобщее перевооружение — начнется немедленно.

В связи с перевооружением начался период «бума»; безработица в 1937 году уменьшилась до «незначительной» цифры в 1,5 миллиона человек, по сравнению с 2750 тысячами безработных в 1932 году. В этот период наиболее наглядно проявились практические результаты

ли под руководством коммунистов в Тафф Мартере и атаковали цитадель компанейских союзов в Южном Уэльсе, в Бэдвасе. Если бы не было побед в Южном Уэльсе, Федерация горняков никогда не поддержала бы Харуорт, когда Харуорт, опять-таки под руководством коммунистов, вступил в борьбу с компанейским тред-юнионизмом» (Report of the Fourteenth Congress of the C. P. G. B. 1937, p. 112.)

промышленной политики руководства Генерального совета. Намеченный уровень выпуска промышленной продукции, о котором тосковал Уолтер Ситрин в своем заявлении, сделанном в 1927 году, был, несомненно, достигнут. Но так же несомненно было и то, что этот рост продукции не привел к какому-либо «повышению жизненного уровня трудящихся и непрерывному улучшению условий наемного труда». Индекс производительности труда показывает, что за пять лет, с 1932 по 1937 год, производительность труда увеличилась на 20 процентов¹. В то же время чистая реальная заработная плата не увеличилась и даже уменьшилась, а доля заработной платы в национальном доходе очень сильно упала. За время «бума», с 1935 по 1937 год, заработная плата в среднем поднялась на 7,6 процента, а стоимость жизни — на 8,2 процента, тогда как прибыли промышленников увеличились на 25 процентов. В одном только 1937 году прибыли выросли на 17 процентов, достигнув рекордной высоты, тогда как увеличение заработной платы на 4 процента не могло компенсировать увеличения стоимости жизни на 6 процентов². Ухудшение положения рабочего класса по сравнению с положением буржуазии можно показать при помощи индекса: взяв 1932 год за 100, мы увидим, что в 1937 году индекс равняется 84³.

В 1927 году Ситрин мимоходом отметил необходимость установления «соответствующей заработной платы», политика же сэра Уолтера и его коллег привела к вопиющему несоответствию. Простое сравнение размера заработной платы 1920 года с заработной платой 1934 года достаточно красноречиво. В среднем заработная плата снизилась на 40 процентов, но заработная плата квалифицированных рабочих в основных отраслях промышленности снизилась гораздо больше, например у горняков на 58 процентов, у рабочих железодельательной и сталелитейной промышленности на 57,5 процента, у текстильных рабочих почти на 50 процентов. В денежном выражении это выглядело так: в 1936 году заработная плата квалифицированных рабочих составляла в среднем от 3 фунтов стерлингов до 3 фунтов 10 шиллингов в неделю,

¹ Jurgен Kuczynski, "The Condition of the Workers in Great Britain, Germany and the Soviet Union, 1932—1938, p. 59.

² *The Economist*, May 14th, 1938.

³ Jurgен Kuczynski, *op. cit.*, p. 43.

заработная плата неквалифицированных рабочих — от 2 фунтов до 2 фунтов 10 шиллингов, женщин — от 27 до 28 шиллингов в неделю¹.

О каком же жизненном уровне говорят эти цифры? Он был так низок, что, «даже исходя из нищенского минимума Боули, материалы недавних обследований социальных условий констатировали, что большая часть рабочего класса жила в нищете»; так было, например, в промышленном районе реки Мерсей, в Саутгемптоне, в Лондоне². Если взять минимум, высчитанный Роунтри, необходимый для «удовлетворения нужд человека», который всеми считался весьма низким, вместо «достаточного для существования» минимума профессора Боули, то количество лиц, влачивших нищенское существование, значительно увеличивается и оказывается, что в Лондоне одна треть всех семей располагала средствами, обеспечивающими лишь нищенский или почти нищенский уровень жизни, а условия другой трети семей были не намного выше этого уровня. Применение минимума Роунтри к различным отраслям промышленности дает возможность показать, что в условиях нищеты жили 80 процентов горняков, 57 процентов рабочих, занятых на предприятиях общественного пользования, 50 процентов строителей, 46 процентов текстильщиков³. Влияние нищеты на состояние здоровья народных масс в общих чертах было изучено известными специалистами по вопросам питания, такими, как сэр Джон Орт и покойный д-р Макгонигл. Их исследования показали, что не менее половины всего населения не получало удовлетворительного питания. Другими словами, определенное число людей не имело средств для того, чтобы покупать продукты питания в количестве, необходимом для поддержания своего здоровья.

В свете этих данных особенно заметно, что «бум» не принес никакого улучшения положения рабочего класса. Такой почтенный авторитет, как Дж. Д. Х. Кол, писал:

«Несомненно, сейчас именно такое время, когда, с одной стороны, организованные рабочие должны добиваться улучшения своего положения путем

¹ G. D. H. and M. I. Cole, *The Condition of Britain*, pp. 244, 249—252.

² *Ibid.*, pp. 260—261.

³ Jurgен Kuczynski, *op. cit.*, p. 26.

боевых действий, а с другой—профсоюзное движение должно вовлекать в свои ряды массы неорганизованных рабочих в быстро развивающихся новых отраслях промышленности и учреждениях. Но старые профсоюзные лидеры восприняли «бум» лишь как новое оправдание политики бездействия. Всякое проявление боевого духа в тред-юнионах могло теперь приписываться махинациям горстки коммунистов, которые каким-то образом овладели искусством паходиться одновременно в сотне мест. Если коммунисты вовлекают неорганизованных рабочих в тред-юнионы или заявляют рабочим, что они должны действовать активнее, пока прибыли находятся на высоком уровне, а не сидеть спокойно до тех пор, пока этот случай будет упущен, то это рассматривается как преступление»¹.

Такая упорная пассивность верхушки руководства профсоюзов привела к неизбежному результату: множились неофициальные забастовки. Состоялись забастовки на заводах многих крупнейших авиационных компаний. Участники этих забастовок часто выдвигали требования признания цеховых старост; последние своей активной работой превратили эту быстро развивающуюся отрасль промышленности в оплот тред-юнионизма и вскоре создали совместными усилиями Национальный совет цеховых старост авиационной промышленности, явившийся предшественником аналогичных организаций в других отраслях промышленности. Борьба горняков против компанейских тред-юнионов приняла форму бурных забастовок в Тафф Мартере (Южный Уэльс) и в Харуорте (Ноттингемшир), где на основании закона о тред-юнионах и нового закона об общественном порядке было арестовано много профсоюзных активистов. В конечном итоге борьба против компанейских союзов утихла, а союз, во главе которого стоял Спенсер, вновь объединился с Ассоциацией горняков Ноттингемшира².

Происходили волнения среди железнодорожников, работников почты, водителей автобусов. Своего рода сенсацией была забастовка водителей лондонских автобусов, состоявшаяся во время коронационных торжеств в

¹ G. D. H. Cole and others, *British Trade Unionism Today*, p. 540.

² См. сноску выше, на стр. 146—147.

1937 году; не меньшей сенсацией было решение исполкома профсоюза запретить трамвайщикам присоединяться к забастовке. Забастовка привела к временному исключению боевых элементов из Союза транспортных и неквалифицированных рабочих, в результате чего впоследствии был создан, несмотря на сильные возражения коммунистов и их сторонников, отдельный профсоюз. Чрезвычайно важное значение имело движение среди учеников-машиностроителей, в результате которого на Клайде в апреле 1937 года бастовало 13 тысяч подростков, а в сентябре — почти 20 тысяч в Ланкашире и Мидленде. Национальная конференция учеников, состоявшаяся в Манчестере с участием представителей от 84 тысяч подростков из примерно двух десятков промышленных центров, призвала провести национальную забастовку с целью добиться удовлетворения требований учеников об увеличении заработной платы, об улучшении обучения и т. д. Впервые предприниматели были вынуждены признать право Объединенного профсоюза машиностроителей вести переговоры от имени учеников.

Пассивность руководства тред-юнионов проявилась также и в отношении основной организационной проблемы, стоявшей перед тред-юнионами, а именно — укрепления позиции профсоюзов в тех новых отраслях промышленности с предприятиями массового производства, где рабочие почти совершенно не были организованы в профсоюзы. О важности этой проблемы можно судить по следующим примерам: на различных предприятиях металлопромышленности было организовано лишь 5 процентов рабочих, в пищевой и табачной промышленности и на предприятиях, производящих напитки, — столько же, в автомобильной промышленности — 15 процентов, среди рабочих торговой сети — 11 процентов, всего же в этих отраслях промышленности работало около 4 миллионов рабочих. Ясно, что разрешить проблему объединения этих рабочих нельзя было путем традиционных и спорадических кампаний по распространению листовок, призывающих вступать в профсоюзы. Нужно было, как указывали коммунисты, «чтобы руководство тред-юнионов прекратило борьбу против боевых элементов внутри профсоюзов и мобилизовало бы рабочий класс на штурм Бастилии неорганизованного труда» путем проведения общенациональной кампании за повышение заработной

платы, за сорокачасовую рабочую неделю, за новое промышленное законодательство, а также путем объединенных действий тред-юнионов и создания единства между ними, уделяя при этом особое внимание вопросам условий труда женщин и подростков¹. Благодушное созерцание постепенного роста количества членов профсоюзов, начавшееся в 1935 году, означало несерьезное отношение к этой проблеме. И поскольку только «вследствие массового движения низов тред-юнионизм достиг теперешней мощи и признания», было ясно, что сейчас необходимо «новое массовое движение аналогичного характера»².

Изложенные выше факты ясно показывают, что всякое оживление и развитие тред-юнионистского движения должно было неизбежно вызвать острый конфликт с руководством тред-юнионов. Это вытекало из официально проводившейся линии по наиболее важным политическим вопросам. Методы, которыми руководители профсоюзного аппарата поддерживали политику правящего класса, были поистине феноменальны.

На конференции лейбористской партии и конгрессе тред-юнионов в 1937 году правые добились одобрения политики перевооружения. Хотя в официальном заявлении «Международная политика и оборона» на первый взгляд по форме одобрялась политика коллективной безопасности, было совершенно ясно, что смысл этого документа заключался в поддержке перевооружения, осуществлявшегося реакционным правительством Невилля Чемберлена, проводившим политику умиротворения агрессоров. «Переворужение не может ждать прихода к власти лейбористского правительства», — заявил Уолтер Ситрин на конгрессе тред-юнионов в Норидже. В то же время на конференции лейбористской партии в Борнмуте Джеймс Уокер, представитель Союза рабочих металлургической промышленности, произнес речь, которую «Манчестер гардиан» оценила как «самую выдающуюся речь

¹ Report of the Fourteenth Congress of the C. P. G. B., 1937, pp. 96--116.

² См. I e. op. cit., pp. 525—526, 534. В 1935 году Конгресс тред-юнионов сообщил об увеличении числа членов во входящих в него профсоюзах на 94 тысячи человек. Это было первое увеличение с 1930 года. Позднее имел место следующий рост: в 1936 году в Конгрессе тред-юнионов вступило 225 тысяч новых членов, в 1937 году — 400 тысяч, в 1938 году — 452 тысячи, в 1939 году — 208 тысяч, в 1940 году — 198 тысяч, в 1941 году — 212 тысяч.

из всех произносившихся в течение жизни нашего поколения на лейбористских конференциях — речь подлинно патристическую».

Когда в Испании начался фашистский мятеж, правительство Чемберлена оказалось на стороне генерала Франко и его нацистских и итальянских пособников, разыграв бесчестный фарс «невмешательства». Хотя профсоюзное движение и демократическое общественное мнение в Англии в целом было возбуждено борьбой в Испании больше, чем когда бы то ни было со времен Советов действия, Бевин и Уолтер Ситрин выбивались из сил, чтобы профсоюзы оставались «спокойным партнером» «дьявольской двуличности» правительства¹. И все это они проделывали путем самых невероятных махинаций в течение первого, самого критического периода войны в Испании. Их поведение на конгрессе тред-юнионов в Плимуте в 1936 году было одобрено Сэмюэлем Хором на конференции консервативной партии, где Хор сказал, что «мудрое отношение Конгресса тред-юнионов к испанскому кризису показало, что в его рядах есть люди, являющиеся значительной силой и обладающие чувством ответственности перед родиной». И даже когда впоследствии эта губительная политика тред-юнионов была пересмотрена, руководство их никогда не проводило кампании по оказанию помощи Испании в таком масштабе, как этого требовали обстоятельства².

Когда фашистская экспансия повернула на восток и в марте 1938 года гитлеровцы захватили Австрию, лидеры тред-юнионов опять дали возможность Чемберлену уйти от ответственности за такой оборот событий. Наступил сильнейший политический кризис, и позиции правительства были очень непрочными, однако Национальный совет труда ничего не предпринял для того, чтобы заставить правительство подать в отставку. Вместо этого Совет невразумительно объявил, что будет ждать заявления премьер-министра о правительственной политике. На следующий день члены Генерального совета Конгресса тред-

¹ Выражение Джона Хилла, бывшего секретаря Союза котельщиков, являвшегося в разное время членом Генерального совета. (*Daily Herald*, January 8th, 1937.)

² Подробное и документированное описание этой губительной политики, проводившейся в отношении испанской войны, можно найти в книге H u t t, *Post-War History*, Chap. XI.

юнионов были вызваны на Даунинг-стрит, где они покорно выслушали призыв Чемберлена к «доброй воле» и «помощи» правительству со стороны рабочего движения. «Архимиротворец» был спасен и мог шествовать к своему последнему триумфу в Мюнхене и к ликвидации независимости Чехословакии. Сделанные впоследствии и одобренные на конгрессе тред-юнионов в Блэкпуле в сентябре 1938 года заявления о солидарности с Чехословацкой республикой остались пустым звуком. Именно на этом конгрессе Уолтер Ситрин виртуозно защищал политику Генерального совета — политику бездействия, которая была на руку Чемберлену. Возникновение в то время критического положения в республиканской Испании вызвало общее стремление к эффективным проявлениям солидарности, и в связи с этим было внесено предложение о введении эмбарго на экспорт во франкистскую Испанию. Уолтер Ситрин, однако, заявил, что движение солидарности с республиканской Испанией было бы нарушением закона о тред-юнионах и повлекло бы за собой конфискацию фондов профсоюзов. Далее он сказал, что это невозможно также и потому, что Союз транспортных и неквалифицированных рабочих (имелся в виду, конечно, Бевин) возражает против данного предложения. Излишне комментировать эти приведенные в новых условиях старые (упоминавшиеся выше) аргументы, выдвигавшиеся сэр Уолтером еще в 1934 году против предложений об организации борьбы рабочего класса против войны¹.

Не было никаких оснований считать, что руководство Генерального совета, безоговорочно поддерживая правительство, отражает точку зрения профсоюзов, входящих в Конгресс. Это обнаружилось при встрече представителей крупнейшего союза, действующего в военной промышленности, — Объединенного профсоюза машиностроителей — с членами правительства в 1938 году, на

¹ Уолтер Ситрин возражал также против всеобщего требования подчинить государственному контролю доходную военную промышленность, утверждая, что это якобы повлекло бы за собой установление контроля государства над рабочей силой. Вся несостоятельность этого «аргумента» вскрылась во время второй мировой войны, когда сам же Уолтер Ситрин и министр труда и национальной повинности Эрнест Бевин содействовали проведению закона о контроле государства над рабочей силой и введении обязательной трудовой повинности.

которой обсуждались вопросы промышленной политики, замены квалифицированных рабочих неквалифицированными и т. п. в свете проводившегося перевооружения. Курс, взятый машиностроителями, был противоположен курсу, проводившемуся Генеральным советом: они сразу же подняли щекотливые «политические вопросы», такие, как вооружение для Испании, поощрение английским правительством фашистских государств. Аналогичным образом, когда в начале 1939 года Генеральный совет без колебания ответил согласием на предложение правительства о сотрудничестве при осуществлении планов национальной повинности, его позиция была осуждена такими организациями, как профсоюз работников распределительной сети и профсоюз приказчиков.

Вообще, на протяжении этих роковых предвоенных лет деятельность Бевина и Уолтера Ситрина была направлена на то, чтобы путем срыва единства рабочего класса, единства народа, единства демократических сил парализовать эффективную оппозицию чудовищной политике Чемберлена. Предложение коммунистической партии о вступлении в лейбористскую партию было отклонено в 1935—1936 годах, причем вновь были вытащены на свет пугало «насилия», употреблявшееся еще Макдональдом в 1920—1925 годах, и измышления о «московском золоте». Начатая в 1937 году коммунистами, Социалистической лигой и Независимой рабочей партией кампания за установление единства рабочего движения на основе программы, очень мало отличавшейся от сокращенной программы, принятой лейбористской партией, была проклята Бевином, причем он сравнивал Стаффорда Криппса с Мосли. Кампании за создание народного фронта (призыв «Рейнольдс ньюс» к созданию Объединенного альянса мира в 1938 году, меморандум и петиция Криппса в 1939 году) были заглушены криками о «чистом социализме», о «социализме или капитуляции». В первой брошюре, изданной Комитетом петиции Криппса, говорилось:

«Поскольку диктаторы настаивают на своих требованиях колоний, империалистический правящий класс, возможно, будет вынужден вести войну... не за демократию, а за империю, и он вступит в борьбу без стратегических преимуществ и без союзников, которых он предал. Откажется ли лейбористская

партия во имя социализма от политического сотрудничества с правящим классом в этой отчаянной борьбе? Есть основания предполагать, что она снова вступит в национальную коалицию, в которой руководство будет принадлежать на этот раз консерваторам. В условиях, когда наши гражданские свободы будут временно отменены, а победа далека и сомнительна, вероятно, что все это приведет скорее к фашизму, чем к социализму.

Эта точка зрения не была одобрена конференцией лейбористской партии, состоявшейся в 1939 году в Саутпорте. «Мы сейчас так близки к власти, как никогда прежде», — кричал Бевин, возглавивший борьбу против «этого юриста» (Криппса), который хотел тогда бороться и победить Чемберлена. Одновременно было внесено знаменательное предложение о слиянии мировых колониальных ресурсов для того, чтобы удовлетворить притязания Германии, Японии и Италии. Это было новое проявление «политики умиротворения». Конференция закончилась призывом Гринвуда: «Солдаты, по местам!». Эта фраза была сказана более к месту, чем мог предположить ее автор. Тред-юнионы провели свою последнюю предвоенную конференцию.

Глава 10

ТРЕД-ЮНИОНЫ И ВОЙНА

(1939—1942 гг.)

Еще за два года до начала войны официальная политика тред-юнионов была уже сформулирована в таких выражениях, которые заставляли вспомнить слова супругов Уэбб о событиях 1914 года¹. На конгрессе тред-юнионов в Норидже в 1937 году Уолтер Ситрин сказал: «Я уверен, что ни одно правительство не может вести какую-либо войну без поддержки со стороны рабочего движения». Эрнест Бевин заявил, в свою очередь, что Конгресс тред-юнионов (под которым он, очевидно, подразумевал олигархическую машину «Транспорт Хауза») «теперь фактически стал составной частью государства».

¹ См. стр. 83.

Значение этого заявления стало ясно в сентябрьские дни 1939 года.

С самого начала войны Генеральный совет настаивал на том, чтобы правительство консультировалось с ним по всем касающимся Генсовета вопросам. И Чемберлен и Черчилль согласились с этим. Представители Конгресса тред-юнионов были введены в состав всех правительственных комитетов военного времени, ведавших вопросами снабжения, топлива, продовольствия, пропаганды (информации) и т. п.

«Безраздельное» сотрудничество Конгресса тред-юнионов с государством сочегалось с сотрудничеством и с хозяином государства — организованным крупным капиталом. В октябре 1939 года был создан Объединенный совещательный совет. В него вошло равное число представителей от Конфедерации брйганских предпринимателей и от Генерального совета Конгресса тред-юнионов; председателем этого совета был министр труда. В мае следующего года Объединенный консультативный комитет, орган, аналогичный Объединенному совещательному совету, но более узкого состава, приступил к практическому выполнению задач последнего.

Естественным следствием этого двоякого сотрудничества явилось установление так называемого «перемирия» в промышленности и в политике, которое правильнее было бы назвать попыткой разоружить рабочее движение. Деятельность местных отделений тред-юнионов была свернута в первый же год войны.

Когда на следующий день после объявления войны Конгресс тред-юнионов собрался в Бридлингтоне (сентябрь 1939 г.), он не услышал от Генерального совета ни объективного анализа причин и характера войны, ни политических установок для защиты экономических и социальных интересов рабочего класса. Следующий конгресс собрался в 1940 году в Саутпорте, уже после начала воздушного «бомбдрилга». Делегаты подвергли критике организацию такого злободневного и важного дела, как гражданская противовоздушная оборона. Отвечая на критику, Уолтер Ситрин повторил только избитые официальные объяснения о том, что якобы сейчас нет времени для постройки глубоких бомбоубежищ. Симптоматичным для конгресса в Саутпорте было то, что он отложил принятие резолюций по таким вопросам, как

восстановление соглашений между тред-юнионами и предпринимателями об условиях труда и общий налог на капитал; резолюцию, требовавшую удаления мюнхенцев из правительства, было решено «предварительно изучить»; резолюция Национального союза железнодорожников, в которой предлагалось в интересах профсоюзной демократии заносить в протокол результаты голосований в Генеральном совете, была отклонена.

Война, естественно, внесла огромные изменения в отношения между классами и политическими силами. Постановления военного времени 18Б (право министра внутренних дел заключать в тюрьму без суда и предъявления обвинения) и 2Д (право запрещать газеты без объявления причин и без права на апелляцию) являются образчиками новой диктаторской власти правительственных органов. Представители «большого бизнеса» подчинили себе все органы государственного контроля промышленности, и поэтому-то «военный социализм», о котором говорили некоторые непосвященные, оказался не чем иным, как «ублюдочным социализмом крупного капитала», по выражению Артура Солтера. Процветала спекуляция и множились беспорядки в административном аппарате. Правительственные обследования показали, что положение рабочих резко ухудшилось в первый же год войны. Так, например, оказалось, что в таком большом районе Лондона, как Айзлингтон, жизненный уровень шести семей из семи был ниже, чем в мирное время, а в Ковентри, центре военной промышленности, где доходы почти половины семей возросли, 20 процентов семей жили хуже, чем до войны¹.

В начале 1940 года рабочие, в частности горняки, машиностроители и железнодорожники, с трудом добились некоторого повышения заработной платы. Но в среднем это повышение не составляло и половины того, что вполне обоснованно требовали рабочие. Объединенный совещательный совет, о котором говорилось выше, подготовил меморандум о вреде «чрезмерно высокой заработной платы». Правда, по этому вопросу так и не пришли ни к какому согласованному решению. Когда в июле 1940 года по приказу № 1305 был введен принудительный арбитраж и запрещены забастовки, Национальный арбитраж-

¹ *Economic Journal*, July 1940.

ный трибунал¹ проявил себя самой скаредной организацией (так, например, машиностроители, которые добились прибавки в 10 шиллингов в неделю, получили лишь 3 шиллинга 6 пенсов).

В самом профсоюзном движении политика лидеров тред-юнионов сводилась к резким нападкам на левые элементы и оппозицию, прежде всего и больше всего на коммунистов. В первый год войны не менее двух десятков советов профсоюзов подверглись нападкам Генерального совета². Национальный совет труда играл ведущую роль в разнузданной антисоветской кампании во время финско-советской войны. Это его представители заседали в одном комитете с друзьями Франко. Лидеры Конгресса тред-юнионов были также в первых рядах тех, кто напал на «Дейли уоркер»: сначала Уолтер Ситрин и его друзья выдвинули против газеты обвинение в клевете, а затем, выиграв процесс, прибегли к беспрецедентной мере — не допустили репортеров «Дейли уоркер» на заседания Конгресса тред-юнионов в 1940 году³.

Совсем иную позицию занимали рядовые члены профсоюзов. За первые три месяца войны было проведено

¹ Национальный арбитражный трибунал был создан министерством труда (приказ № 1305) в 1940 году для рассмотрения трудовых конфликтов в военное время и предотвращения забастовок и локаутов путем принудительного арбитража. Трибунал состоял из 5 лиц: троих назначенных правительством чиновников, представителя предпринимателей и представителя рабочих. В 1951 году по приказу министра труда № 1376 Национальный арбитражный трибунал стал называться Трибуналом по рассмотрению конфликтов в промышленности, но его основные функции и полномочия остались неизменными. — *Прим. ред.*

² Советы профсоюзов выражали критические настроения рабочих. Например, Совет профсоюзов Глазго вызвал большое возмущение созывом широкой антивоенной конференции, а Совет профсоюзов Кардиффа призвал начать кампанию за свержение правительства Чемберлена — «правительства правящего класса промышленников и банкиров, враждебного интересам рабочих».

³ Запрещение газеты в январе 1941 года показало всю правоту делегата У. Смарта (профсоюз строительных рабочих), когда он сказал, что «действия Генерального совета... не только явились гнусным покушением на свободу печати, но и сигналом для правительства к дальнейшему наступлению на рабочий класс, на его печать, на его организации. Через Генеральный совет Конгрессу предлагают стать орудием в руках правительства, орудием, с помощью которого Моррисон смог бы сделать то, что не удалось Джону Андерсону, а именно — повести наступление на газету рабочего класса».

сорок местных забастовок. Несмотря на то, что общая продолжительность конфликтов в промышленности в 1940 году была сравнительно невелика, этот год был третьим за десятилетие по числу конфликтов; забастовки были, правда, небольшие и кратковременные, но их было много. Многие местные отделения тред-юнионов принимали резкие резолюции протеста против разнузданной антисоветской кампании во время финско-советской войны. Вскоре поднялась волна протеста против запрещения «Дейли уоркер». Что касается политической борьбы рабочего класса, то весьма знаменательно, что из двухсот резолюций, стоявших на повестке дня конференции лейбористской партии, состоявшейся весной 1940 года в Борнмуте, в пятидесяти говорилось о политическом перемирии, причем огромное большинство резолюций требовало его окончания. Однако обсуждение этих вопросов было отложено под тем предлогом, что накануне конференции лидеры лейбористской партии вошли в правительство Черчилля.

Постепенно, по мере того как становилось все яснее, что борьба рабочих на предприятиях является основой движения вперед, эта борьба приобретала все большее значение. Первая национальная конференция цеховых старост состоялась в апреле 1940 года в Бирмингеме. На ней присутствовало 282 делегата от 107 предприятий. Они представляли более 217 тысяч рабочих машиностроения и смежных отраслей промышленности. Было решено принять меры для организации координированного национального движения цеховых старост. В пространной резолюции конференции излагалась политика на будущее, предусматривавшая стопроцентное вовлечение рабочих (в том числе и женщин) в тред-юнионы, увеличение размеров заработной платы, улучшение условий труда, защита демократии в профсоюзах¹.

В январе 1941 года в Лондоне состоялся Народный съезд. Характерной особенностью его было большое количество представителей от профсоюзов и заводов. Из более чем 2 тысяч делегатов 665 являлись представителями

¹ Полный текст резолюции можно найти в книге Wai Han-nington, *Industrial History in Wartime*, стр. 118-119. На конференции был создан Национальный совет цеховых старост машиностроительной и смежных отраслей промышленности.

497 профсоюзных организаций и 471 — делегатами 239 предприятий. Была принята программа борьбы за народное правительство, состоявшая из 8 пунктов. В программе говорилось о необходимости борьбы с фашизмом как внутри страны, так и вне ее в теснейшем союзе с СССР, а также борьбы за повышение жизненного уровня, за защиту и расширение прав профсоюзов и за демократические свободы. Несколько месяцев спустя заседания Национального комитета Объединенного профсоюза машиностроителей показали, что эта программа встречает все более широкую поддержку. После долгих и страстных споров этот «большой совет» машиностроителей большинством в 29 голосов против 21 одобрил программу, принятую Народным съездом. Эта новость была сенсацией для газет, сообщивших о ней 21 июня 1941 года.

На следующий день фашисты вероломно напали на Советский Союз. Вечером того же дня Черчилль сделал свое «историческое выступление»¹, в котором он обещал Советскому Союзу полную поддержку Великобритании. И в тот самый момент, когда мюнхенцы увидели осуществление цели своей политики «умиротворения» — войну гитлеровцев против СССР, — они с величайшей досадой вынуждены были констатировать, что Великобритания воюет на стороне Советского Союза. Изменилось не направление войны, на что они надеялись, изменился ее характер. Вступление СССР в войну было поворотным историческим моментом для профсоюзного движения, как и для всего человечества. Было очевидно, что вслед за боевым союзом между Великобританией и СССР, о котором говорилось в соглашении от 12 июля 1941 года, должно последовать установление связей между профсоюзами обеих стран, так как новая обстановка ставила перед ними новые задачи и выдвигала новые обязанности. Была достигнута договоренность об организации Англо-Советского профсоюзного комитета. Предложение о его организации было встречено с большим одобрением конгрессом в Эдинбурге в сентябре 1941 года. В следующем месяце в Москве состоялось первое совещание Комитета. Председателем делегации Конгресса тред-юнио-

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, М., 1952, стр. 16.

нов был Фрэнк Уолстенкрофт (союз деревообделочников), а секретарем Уолтер Ситрин. На совещании в Москве было единодушно одобрено и подписано следующее соглашение.

1. Объединение тред-юнионов Великобритании и профсоюзов Советского Союза для организации взаимной помощи в войне против гитлеровской Германии.

2. Всемирная поддержка правительствам СССР и Великобритании в их совместной войне за разгром гитлеровской Германии.

3. Укрепление промышленных усилий обеих стран с целью максимального повышения производства танков, самолетов, пушек, снарядов и другого вооружения.

4. Содействие делу оказания максимальной помощи вооружением Советскому Союзу со стороны Великобритании.

5. Использование всех средств агитации и пропаганды — печать, радио, кино, рабочие собрания и т. д. — для борьбы против гитлеризма.

6. Всемирная поддержка народам оккупированных гитлеровской Германией стран, борющимся за освобождение от гитлеровского гнета, за свою независимость и восстановление демократических свобод.

7. Организация взаимной помощи тред-юнионов Великобритании и советских профсоюзов и взаимная информация.

8. Укрепление личного контакта между представителями профсоюзного движения СССР и Великобритании¹.

Это историческое соглашение было ратифицировано Генеральным советом Конгресса тред-юнионов и Президиумом ВЦСПС. Однако английская сторона не приступила к немедленному претворению соглашения в жизнь, что многие предсказывали заранее. Кое-что для выполнения этого соглашения было предпринято в Англии только после того, как туда накануне Нового года прибыла делегация советских профсоюзов во главе с Н. М. Шверником и К. И. Николаевой.

¹ См. «Правду» за 26 октября 1941 года.

Можно смело сказать, что Шверник и другие члены советской делегации по-братски показали английским рабочим пример того, как должно действовать профсоюзное руководство в условиях войны против фашизма. В своей речи на заседании Генерального совета 2 января 1942 года Н. М. Шверник прежде всего подчеркнул необходимость «повседневно укреплять» единство и дружбу между английскими и советскими профсоюзами. Он подчеркнул также, что все рабочее движение и весь профсоюзный аппарат должны быть полностью приведены в действие, особенно в деле организации рабочих для выполнения всех военных мероприятий.

Перед рабочими стояла «основная и важнейшая проблема» — увеличить выпуск вооружения. Нужно было так организовать дело, чтобы каждый рабочий мог бы увеличить производительность своего труда.

Советская делегация совершила поездку по стране, которая быстро превратилась в триумфальное шествие. Делегаты посетили примерно шестьдесят военных заводов, шахт и верфей. С огромным энтузиазмом их приветствовали рабочие на предприятиях, а также на митингах в крупных промышленных городах, где выступали советские делегаты. Подводя итог поездке, Н. М. Шверник отметил «прекрасное состояние морального духа» английских рабочих и работниц. А это было особенно ценно, так как необходимо было повысить темпы работы военной промышленности страны. Касаясь этой проблемы, советская делегация обратила особое внимание на «немалые неиспользованные резервы» в промышленности. Если какое-либо предприятие пожелало бы узнать, где оно имеет неиспользованные резервы и как их использовать, достаточно было «поговорить с рабочими и работницами» этого предприятия¹.

Действительно, начиная с 22 июня рабочие и работницы активно выступали — и не только выступали, но и действовали. Еще задолго до этого рабочие приводили множество примеров плохого управления, непроизводительных потерь и полного беспорядка на очень многих заводах. Все это стало широко известно после расследований, проведенных профсоюзами, после собраний цеховых старост и посылки депутатий к министрам. Если до

¹ См. «Правду» за 10 февраля 1942 года.

22 июня рабочие ограничивались разоблачением отдельных недостатков, то после нападения Германии на Советский Союз рабочее движение приобрело совершенно новые черты. Рабочие стали выдвигать предложения, направленные на максимальный рост производства. В данном случае именно цеховые старосты и рабочие — младшие командиры и рядовые производственного фронта — возглавили это движение.

Выдающуюся роль в этом движении играл Национальный совет цеховых старост машиностроительной и смежных отраслей промышленности и его печатный орган «Нью пропеллер». Эта организация созвала 23 августа 1941 года общелондонскую производственную конференцию, а вслед за ней, 19 октября, и национальную конференцию. Никто из присутствовавших на этом замечательном собрании в лондонском театре Столл-Пик, я полагаю, не станет отрицать того, что это было самое замечательное собрание представителей рабочего класса и тред-юнионов за весь период войны¹. От 300 фабрик, заводов и верфей, занятых военным производством, присутствовало на конференции 1 237 делегатов, представлявших полмиллиона человек, которые строили и ремонтировали суда, танки и самолеты, делали орудия и снаряды. Если сравнить это совещание с первой национальной конференцией цеховых старост весной 1940 года, то теперь делегатов было в четыре раза больше, число представленных предприятий увеличилось в три раза, а рабочих — более чем вдвое. Знаменательным был и состав делегатов конференции. Делегаты, имевшие соответствующие полномочия, выступали здесь от имени рабочих огромных военных предприятий, известных всей стране: «Виккерс Армстронг», «Джон Браун», «Хамбер-Хиллмен», «Фэрфилдс», «Кэмел Лэрд», «Торникрофт», «Харленд энд Волфф», «Метрополитэн-Виккерс», «Бристол энд Глоустер Эркафт», «Де Хевилленд», «Пэшпер».

Может быть, самым примечательным в работе конференции 19 ноября было то, что она рассматривала вопрос о производстве как неотъемлемую часть проб-

¹ Можно указать читателю на мой отчет об этой конференции «Производство — ключ к победе», опубликованный в *Labour Monthly* в ноябре 1941 года.

лемы ведения войны. Основной лозунг, выдвинутый конференцией, можно сформулировать в следующих словах: «работа и борьба». И на то и другое обращалось одинаковое внимание. *Борьба*: конференция громкими аплодисментами приветствовала требование об открытии второго фронта в Европе. *Работа*: конференция одобрила конкретные предложения по увеличению производства путем отказа от устаревших методов работы и правил, закрепляющих право на выполнение той или иной производственной операции исключительно за представителями определенных профсоюзов; указывалось также на необходимость подготовки женщин для выполнения работ, требовавших высокой квалификации, а также вовлечение женщин в профессиональные союзы. Исключительно важным было предложение о создании на каждом заводе Объединенных производственных комитетов, в работе которых приняли бы участие цеховые старосты. На конференции говорилось о том, какие огромные скрытые возможности промышленности можно будет использовать благодаря этому новому курсу, который высвободит из-под спуда неисчерпаемые созидательные силы рабочего класса. Делегаты выступали как представители стахановского движения: один рассказывал о том, что их предприятие выпустило оружейных частей в три раза больше, чем это предусматривалось, другой — о выполнении рабочими нормы за 12 часов вместо 40, третий — о выполнении заказов для СССР за два дня вместо семи.

В последующие месяцы цеховые старосты принимали самое активное участие в проведении в жизнь политики, выработанной конференцией. Число Объединенных производственных комитетов росло. В феврале 1942 года было объявлено, что правительство решило создать такие комитеты на всех государственных артиллерийских заводах, а министр труда приступил к обсуждению с предпринимателями и Конгрессом тред-юнионов вопроса об организации производственных комитетов на всех предприятиях, подпадающих под закон о порядке важнейших работ. Наконец, был создан Национальный совещательный комитет из представителей профсоюзов машиностроителей и Генерального совета Конгресса тред-юнионов для координации работы производственных комитетов в машиностроении.

В разных районах Объединенные окружные комитеты получали списки кандидатов в производственные комитеты от рабочих и сотрудничавших с ними предпринимателей, совместно с которыми рабочие наблюдали за ходом выборов¹.

Таким образом, в 1941 - 1942 годах, которые принесли великие перемены, перед профсоюзами стояла важнейшая задача увеличить производство и объединить всех рабочих для трудной, но высокой цели — выиграть войну за правое дело.

Для достижения этой цели необходимо было прежде всего объединить все силы рабочего класса, но, к сожалению, руководящая группа в Генеральном совете Конгресса тред-юнионов продолжала резко отрицательно относиться к единству с коммунистами. 31 июля 1941 года Генеральный совет совместно с исполкомом лейбористской партии заявил, что хотя были сделаны новые предложения о необходимости установления совместных действий с коммунистической партией, «они не видят ничего, что оправдывало бы такое сотрудничество». В сентябре на Эдинбургском конгрессе тред-юнионов его председатель Джордж Гибсон, приветствуя в лице СССР союзника Англии, одновременно же позволил себе клеветнический выпад против английской компартии². В декабре «Транспорт-хаузу» удалось, наконец, после продолжительной кампании протащить через крупнейший в стране Лондонский совет профсоюзов антикоммунистический «черный циркуляр» 1935 года.

Однако изменившаяся обстановка вынуждала маневрировать Уолтера Ситрина и его коллег. Об этом ярко свидетельствовал Эдинбургский конгресс. Выше уже говорилось о предложении об англо-советском профсоюзном единстве и о важных последствиях этой инициа-

¹ Это касалось Объединенного профсоюза машиностроителей, Конфедерации профсоюзов судостроителей и машиностроителей, представляющей около 40 отдельных союзов, Национального союза литейщиков и Профсоюза чертежников машиностроения и судостроения. В 1944 году было уже 82 таких Объединенных окружных комитетов, тогда как Объединенных производственных комитетов насчитывалось 4500, из которых 1600 функционировали на предприятиях с количеством рабочих менее 150.

² Гибсону было бы трудно объяснить, как же случилось, что число членов компартии возросло с 19 с лишним тысяч в ноябре 1941 года до 53 тысяч в мае 1942 года.

тивы. Прекратились разговоры об «опасности чрезмерно высокой заработной платы». Сам Ситрин развеял миф об обогащении рабочих во время войны, приведя простой факт: стоимость жизни возросла на 30 процентов, а заработная плата рабочих — на 20 процентов. Конгресс одобрил отказ Генерального совета согласиться с политикой «замораживания» заработной платы.

Но еще более интересным был выявившийся на Эдинбургском конгрессе рост разногласий внутри пятерки крупнейших союзов, которая имеет доминирующее влияние в Конгрессе. По двум вопросам крупные союзы не квалифицированных рабочих (Союз транспортных и не квалифицированных рабочих и Национальный союз чернорабочих и коммунальщиков) оказались изолированными; они с трудом наскребли большинство, да и то лишь благодаря голосованию по мандатам. Так, резолюция Национального союза работников коммунального хозяйства, предлагавшая Генеральному совету изучить структуру профсоюза с целью выяснения, не будет ли производственный принцип организации более эффективным, была отклонена лишь незначительным большинством: 2548 тысяч голосов против 2384 тысяч. Предложение вновь принять в Конгресс тред-юнионов Профсоюз рабочих химической промышленности (к которому особенно враждебно относились Союз транспортных и не квалифицированных рабочих и Национальный союз чернорабочих и коммунальщиков) было отклонено лишь незначительным большинством в 2404 тысячи голосов против 2333 тысяч. Такое незначительное большинство при голосовании по мандатам спорного вопроса было необычным.

В отдельных профсоюзах также появились новые тенденции, к руководству приходили новые силы. Едва ли было случайностью, что Объединенный профсоюз машиностроителей опять шел в авангарде, что эти в прошлом «чванливые механики» голосовали за допуск женщин в профсоюз (О, тени отцов — основателей союза в 1851 году!) и что они избрали таких деятелей, известных своими левыми взглядами, как Джо Скотт и Уол Ханнингтон, первого — членом исполнительного совета, а второго — национальным организатором. Не был случайностью также и тот факт, что обострение разногласий между профсоюзами, о котором говорилось выше, сказа-

лось и в кампании за отмену запрещения «Дейли уоркер». К весне 1942 года тридцать национальных профсоюзов, входящих в Конгресс тред-юнионов, выступили за отмену этого чудовищного запрета. Они объединяли почти 2 300 тысяч членов и включали три союза из большой пятерки — Объединенный профсоюз машиностроителей, Федерацию горняков и Национальный профсоюз железнодорожников. В свете всего этого казалось странным заявление Генерального совета о том, что он не может присоединиться к требованию об отмене запрещения. Это выглядело еще более странным после дебатов на майской конференции лейбористской партии, когда руководство потерпело провал и делегаты большинством в 1 244 тысячи голосов против 1 231 тысячи высказались в пользу «Дейли уоркер». Буквально миллионы членов профсоюзов выступали с требованием снять запрет с «Дейли уоркер», рассматривая это не как вопрос партийной политики, а как необходимую предпосылку успешной мобилизации английского рабочего класса на активное участие в войне и скорейшего достижения победы.

Накануне конгресса тред-юнионов в 1942 году в Блэкуэле запрет с «Дейли уоркер» был, наконец, снят, так как стало очевидным, что конгресс поддержал бы это требование подавляющим большинством голосов. После возобновления ее издания газета приобрела небывалую популярность. Ее тираж быстро достиг разрешенного максимума — 100 тысяч экземпляров в день (число желающих подписаться на газету превысило полмиллиона) и она стала значительной силой, с которой нельзя было не считаться на предприятиях и особенно в рабочем и профсоюзном движении. Профсоюзы, в том числе и их руководство, оказывали все более энергичную поддержку газете. Достаточно сказать, что даже Союз транспортных и неквалифицированных рабочих, до сих пор неизменно враждебно относившийся к «Дейли уоркер», присоединился к другим союзам из большой пятерки, оказавшей поддержку газете. Это произошло в 1944 году, когда военному корреспонденту «Дейли уоркер» было запрещено выехать на фронт¹.

¹ В 1944 году Конгресс тред-юнионов единогласно поддержал резолюцию протеста против этого запрещения, внесенную Нацио-

Конгресс в Блэкпуле показал, что изменения и сдвиги, наметившиеся еще на конгрессе в Эдинбурге, не были преходящим явлением. Основные проблемы войны были в центре внимания работы конгресса. Все единодушно соглашались с необходимостью открытия второго фронта на континенте Европы, хотя в официальной резолюции смысл этого требования оказался выхолощенным, поскольку определение даты и места высадки войск было предоставлено «компетентным властям». Объединенный профсоюз машиностроителей внес поправку, требующую немедленного открытия второго фронта, за нее было подано 1 526 тысяч голосов, против — 3 584 тысячи. Был принят ряд положительных решений по производственным вопросам: о включении рабочих представителей в руководящие органы предприятий, о централизованном планировании научно-исследовательских работ и об обязательном повсеместном создании Объединенных производственных комитетов с непременным участием в них инженерно-технического персонала и администрации.

Страстному и подробному обсуждению подверглись на конгрессе вопросы образования. Несмотря на опасения потерять голоса католиков (в некоторых союзах католики имели серьезное влияние), конгресс решительно отверг претензии сектантов на особые привилегии, осудив самый принцип создания специальных церковных школ.

Лучше всего характеризовала передовые настроения рабочих позиция их представителей в Блэкпуле при обсуждении различных сторон проблемы единства. Так, несмотря на то, что выдвинутая Национальным союзом железнодорожников резолюция — в которой Генсовету предлагалось изучить структуру профсоюзов и предложить произвести соответствующие изменения в интересах установления более тесного единства — была провалена Генсоветом, она собрала свыше 2 миллионов голосов. По вопросу о международном рабочем единстве на конгрессе проявилось заметное недовольство «одинобками», как выражались делегаты, переговорами, которые

нальным профсоюзом журналистов, и затем направил к премьер-министру делегацию во главе с Уолтером Ситрипом. Отказ кабинета согласиться с просьбой делегации побудил конференцию Национального профсоюза журналистов, собравшуюся в пасхальные дни 1945 года, принять решение о начале кампании протеста по всей стране.

Уолтер Ситрин вел с твердолобыми главарями Американской федерации труда, и пренебрежительным отношением к прогрессивному Конгрессу производственных профсоюзов США¹. Была принята резолюция, в которой Генеральному совету предлагалось развивать дружественные отношения, установленные в годы войны со всеми профсоюзами стран Объединенных наций, как основу для создания всемирной федерации профсоюзов. Наиболее знаменательным было то, что по такому орудию реакции, как «черный циркуляр», был нанесен сильнейший удар. Предложенная Объединенным профсоюзом машиностроителей резолюция об аннулировании циркуляра была отклонена лишь крайне незначительным большинством. Против аннулирования было подано 2 550 тысяч голосов, за — 2 151 тысяча. Из восьми выступавших ораторов только один — представитель Генсовета — высказался за продление действия циркуляра.

Глава 11

НА ПУТИ К ПОБЕДЕ И МИРУ

(1943—1945 гг.)

Мы отметили большие изменения, происшедшие в профсоюзном движении в течение полутора лет, за период между вступлением СССР в войну и концом 1942 года. С наступлением 1943 года перед профсоюзами встали еще не вполне определившиеся задачи, продиктованные приближением мира. Хотя тесные дела, связанные с ведением войны, продолжали доминировать, профсоюзы стали заниматься новыми проблемами — определением места профсоюзного движения в послевоенном мире и его отношения к различным вопросам послевоенного периода. Это было естественно в год, который начался победой под Сталинградом, ознаменовавшей поворотный момент в войне, а завершился

¹ В первые годы существования КПП его лидеры проводили относительно более гибкую политику, чем лидеры АФТ. После второй мировой войны руководители КПП так же, как и лидеры АФТ, официально одобрили политику Уолл-стрита — политику установления мирового господства империализма США, — выступив в поддержку плана Маршалла и т. д. — *Прим. ред.*

совещанием между Черчиллем, Сталиным и Рузвельтом в Тегеране и декларацией трех держав.

Английское профсоюзное движение создавало, что оно сильнее, чем когда-либо прежде, и что силы его растут с каждым днем. Число членов профсоюзов в 1920 году, считавшееся ранее рекордным, в 1944 году было уже значительно превзойдено, и численность организаций, входящих в Конгресс тред-юнионов, приближалась к 7 миллионам¹. Были разрешены организационные вопросы, с которыми не могло справиться целое поколение профсоюзных деятелей. Так, например, горняки, наконец, сделали исторический шаг по превращению своей федерации — федерации автономных местных профсоюзов — в единый Национальный профсоюз горняков, начавший функционировать с 1 января 1945 года; 430 630 голосов, поданных за эту реорганизацию (только 39 464 голоса было подано против), показали, насколько беспочвенными оказались опасения тех, кто считал, что в горнопромышленных районах все еще преобладают узкие местные интересы. Преодолев традиционные разногласия, пришли, наконец, к согласию профсоюзы, объединяющие работников железнодорожного транспорта. Все три основных железнодорожных профсоюза — Национальный союз железнодорожников, Объединенное общество паровозных машинистов и кочегаров и Союз железнодорожных конторских служащих — учредили в 1943 году постоянный объединенный комитет, обязавшись совместно обсуждать все требования, касающиеся заработной платы, и координировать свою деятельность. Длительные переговоры об условиях объединения Союза работников распределительной сети и Союза работников торговли завершились, наконец, соглашением, и Союз работников торговой и распределительной сети и смежных профессий насчитывал в 1950 году более 340 тысяч членов.

Профсоюзы придерживались твердой позиции в вопросах заработной платы, и их выступления по этим

¹ Численность ведущих профсоюзов выражалась семизначными числами; так, Союз транспортных и неквалифицированных рабочих насчитывал в конце 1943 года 1 122 180 членов, а Объединенный профсоюз машиностроителей, насчитывавший 923 тысячи человек, развернул летом 1944 года кампанию за доведение своей численности до миллиона.

вопросам отличались энергией и упорством. В этой области были достигнуты существенные успехи. Был, например, установлен минимум заработной платы для горняков, работающих под землей, в пять фунтов стерлингов в неделю со значительной добавочной оплатой за сверхурочную работу. Для сельскохозяйственных рабочих минимум заработной платы был установлен в 3 фунта 5 шиллингов в неделю. Важную роль сыграло быстрое распространение Объединенных промышленных советов, особенно в отраслях промышленности с низкой оплатой труда. С 1940 года было учреждено 40 новых советов, причем наибольшее распространение они приобрели среди работников торговой сети. Следует сослаться также на проведенный Бевином закон о Советах по вопросам заработной платы, затронувший интересы 15,5 миллиона рабочих. Советы по вопросам заработной платы, как и Промышленные бюро, которым они пришили на смелу, также были паритетными организациями, но с более широкими полномочиями. По существу, они следили за соблюдением промышленниками «статьи о справедливой заработной плате» и поощряли переговоры о заключении коллективных договоров там, где такого рода практика была наиболее слабо развита¹.

На обоих состоявшихся в этот период конгрессах тред-юнионов — в Саутпорте в 1943 году и Блэкпуле в 1944 году — проявились те тенденции, которые развивались в профсоюзном движении по мере того, как приближались победа и мир. Оба этих конгресса были свидетелями того, как новые силы прокладывали себе путь к участию в руководстве тред-юнионами. Господство генеральных секретарей крупнейших профсоюзов и Генерального совета перестало быть характерным явлением. На передний план выдвигались молодые и свежие силы — работники из исполнительных органов отраслевых профсоюзов и их местных организаций, более непосредственно отражавшие настроения и волю рядовых членов.

Выдающуюся роль сыграли представители быстро растущих профсоюзов — Ассоциации научных работни-

¹ Анализ закона и его происхождения имеется в *Labour Research*, February 1945, pp. 24 - 25.

ков, Профсоюза банковских служащих, Профсоюза работников страховых компаний, Профсоюза чертежников машиностроения и судостроения. Именно они выдвинули на конгрессе в Саутпорте резолюцию, требовавшую закрепления законом прав профсоюзов и принятую вопреки возражениям Генсовета. Именно им удалось добиться на конгрессе в Блэкпуле отклонения той части доклада Генерального совета, в которой содержалось замаскированное одобрение подозрительной организации, именовавшей себя Всемирным производственным альянсом и объединявшей некоторых видных профсоюзных лидеров и видных промышленников.

Оба конгресса продемонстрировали независимость профсоюзного движения, выразив недовольство по поводу упрямого отказа правительства внести изменения в «мстительный, незаконный и несправедливый» Акт 1927 года о конфликтах в промышленности¹; требование полной отмены закона 1927 года выдвигалось в качестве одного из лозунгов ближайших парламентских выборов. На конгрессе в Блэкпуле негодование по поводу поддержки Генеральным советом антистачечного декрета военного времени IAA отразилось на результатах голосования. Позиция Генсовета была осуждена 2 802 тысячами голосов при 3 686 тысячах, поданных за ее одобрение².

На конгрессе в Саутпорте были достигнуты исключительно важные успехи. Затянувшиеся споры по поводу положения Профсоюза рабочих химической промышленности были, наконец, урегулированы, когда в Саутпорте большинством в 3 258 тысяч голосов против 2 451 тысячи

¹ Центральное место занимало при этом требование об отмене статьи 5-й закона, запрещавшей профсоюзам государственных служащих входить в Конгресс тред-юнионов. Генеральный совет сам резко поставил этот вопрос в 1943 году, когда принял в предварительном порядке заявление Союза почтово-телеграфных служащих о присоединении к Конгрессу.

² Независимость профсоюзного движения проявилась в Блэкпуле также в единодушном подтверждении принятой на предыдущем конгрессе резолюции, разрешавшей допускать на заседания профсоюзного конгресса в качестве представителей прессы только тех журналистов, которые состояли в Национальном профсоюзе журналистов. Последовавший за этим «бойкот» конгресса со стороны газетных магнатов, объявленный во имя «свободы печати», вызвал невероятное возбуждение, но был успешно обращен против его инициаторов.

было принято решение о возвращении Союза в Конгресс тред-юнионов. Генеральный совет сам выступил на конгрессе в Саутпорте с предложением об отмене «черного циркуляра». Правда, он сопровождал свое предложение оговоркой, что попрежнему считает коммунистов «раскольниками» и не поколеблется просить конгресс о восстановлении запретительных мер в отношении их, если найдет это необходимым. Но это ни в какой мере не умаляло значения решения, встретившего единодушную поддержку делегатов, об отмене «черного циркуляра». Настроения делегатов были удачно выражены ораторами, выступившими от имени Профсоюза приказчиков и Профсоюза паровозных машинистов. Они предупредили конгресс о реальной опасности раскола, выражавшейся в травле «еретиков», которая за восемь лет перед этим породила «черный циркуляр».

Ликвидация «черного циркуляра» в Саутпорте затрагивала проблемы значительно более важные, чем вопрос о праве местных профсоюзных организаций избирать коммунистов своими представителями в советы профсоюзов¹. Борьба вокруг «черного циркуляра» была самым суровым испытанием важнейшего принципа рабочего движения — принципа единства. Отмена циркуляра была победой принципа единства. Однако более широкие политические аспекты единства оставались еще неосуществленными. Не был еще разрешен вопрос о политическом единстве рабочего движения, взятого в целом, и его роли как руководителя объединенных прогрессивных сил страны. В этом отношении признаки серьезных сдвигов в настроениях, господствовавших в профсоюзах, пришел 1944 год. Так, в марте исполнительный совет Объединенного профсоюза машиностроителей (поддержанный позднее Национальным комитетом профсоюза) призвал Исполком лейбористской партии созвать всеобщую рабочую конференцию, чтобы в порядке подготовки к парламентским выборам выработать единую политическую линию рабочего движения. Ком-

¹ Интересно отметить, что в 1941—1942 годах, после того как «черный циркуляр» был окончательно навязан Лондонскому совету профсоюзов, численность входящих в него организаций возросла лишь примерно на 16 тысяч человек; в 1943—1944 годах после отмены циркуляра число членов в этих организациях увеличилось на 170 тысяч человек.

мунистическая партия обратилась к лейбористской с предложением начать переговоры с целью обеспечить победу лейбористской партии и прогрессивных сил на выборах в парламент. Это предложение встретило поддержку со стороны ряда национальных профсоюзов, и обращение, призывавшее провести это предложение в жизнь, было подписано 131 членом исполкомов профсоюзов, входящих в лейбористскую партию¹.

На обоих конгрессах тред-юнионов — в 1943 и 1944 годах — рассматривались три важнейших политических вопроса: о Германии и мирном урегулировании, о структуре профсоюзов, о послевоенном восстановлении экономики. Генеральный совет, которому в Саутпорте было поручено подготовить предварительные доклады по двум последним вопросам, представил конгрессу в Блэкпуле документы первостепенной важности. Обращает на себя внимание тот факт, что принятое единогласно в 1943 году требование об изучении структуры профсоюзов в значительной мере походило на предложения, которые, как мы уже отмечали, были отвергнуты двумя предыдущими конгрессами. Что касается вопроса о Германии, то, хотя в Саутпорте Конгресс тред-юнионов резко отмежевался от ванситтартовских деклараций, которые некоторые профлидеры пытались протащить в своей резолюции, конгресс в Блэкпуле дал даже еще более резкий отпор сторонникам мягких условий мира с Германией.

В Блэкпуле возникла дискуссия по докладу Англо-Советского профсоюзного комитета, важнейшие пункты которого были позже развиты Генеральным советом в чрезвычайной резолюции о тред-юнионах и войне. Основной вывод доклада сводился к тому, что «немецкий народ не может быть освобожден от всей ответственности за преступления, совершенные во время войны», репарации должны быть уплачены в товарах и в труде, а военные преступники должны быть преданы суду. Указывалось, что профсоюзам следует принять на себя «долю ответственности» в деле выработки условий мира, который должен быть прочным, так же как и справедливым, и обеспечить возрождение демократического профсоюзного движения в Германии. Некоторые профсоюзные деятели, испытанные антифашисты, сби-

¹ *Daily Worker*, October 16th, 1944.

тые с толку воспоминаниями о трагикомедии с репарациями после первой мировой войны, высказались против одобрения этого доклада, так же как и пацифистско-троцкистские элементы. Но после всестороннего обмена мнениями и горячих споров доклад был одобрен подавляющим большинством в 5 056 тысяч голосов против 1 350 тысяч.

Под заголовком «Структура профсоюзов и более тесное единство» Генеральный совет представил объемистый доклад, состоящий из 35 разделов. Конгресс в Блэкпуле одобрил доклад единогласно, но, к сожалению, без обсуждения, что вызвало даже тревогу. Важнейшие выводы этого тщательно разработанного доклада могут быть резюмированы следующим образом:

1. Коренные изменения структуры профсоюзов неосуществимы вследствие различия их интересов и различия тех принципов, на основе которых они организованы (на цеховой основе, на производственной основе и т. д.).

2. Наиболее эффективным методом объединения родственных профсоюзов остается их слияние, но оно возможно только на основе добровольности и взаимных уступок. Его нельзя осуществить с помощью принуждения, да Конгресс тред-юнионов и не имеет на это права, хотя Генеральный совет всегда стремился поощрять слияние профсоюзов.

3. В тех случаях, когда слияние еще невозможно, делу единства может способствовать создание федерации профсоюзов данной отрасли производства. Для этого необходимо усилить уже существующие федерации и создать федерации там, где их нет. Федерации, в том числе и те, которые только будут созданы, должны, как правило, вести всеми экономическими вопросами, включая ведение переговоров о заключении коллективных договоров и формулирование политической линии, а также заниматься привлечением новых членов в ряды профсоюзов. Федерации наладят квалифицированную исследовательскую работу и обеспечат входящим в них профсоюзам техническую помощь для разработки их требований, для опровержения аргументов, выдвигаемых предпринимателями, и т. д.

4. В то же время Конгресс тред-юнионов должен усовершенствовать свой собственный аппарат для помощи производственным федерациям и координации их работы. Выдвигалось предложение, чтобы существующая система совещательных комитетов Конгресса тред-юнионов была бы распространена на все отрасли промышленности таким образом, чтобы каждая федерация была тесно связана с соответствующим совещательным комитетом.

5. Хотя входящие в федерации профсоюзы должны будут сохранить полную автономию в том, что касается осуществления их обычных внутренних функций руководства, включая повседневную защиту интересов их членов, контроль за проведением в жизнь соглашений, сбор членских взносов, просветительную работу и т. д., необходимо уделить внимание постоянному повышению эффективности руководства внутренними делами профсоюзов, делая упор на обучение профсоюзных работников технике профсоюзной работы.

6. Во избежание соперничества между профсоюзами при привлечении новых членов следует продолжать установившуюся во время войны практику взаимного признания членских билетов, заключения соглашений о порядке перехода из одного профсоюза в другой, создания межсоюзных органов для согласования работы различных профсоюзов по привлечению новых членов и т. д.

Доклад подчеркивал, что изменившиеся времена уже не позволяют профсоюзам довольствоваться довоенными организационными принципами. Равным образом нельзя считать, что необходимые изменения будут осуществлены в ходе длительного и неактивного процесса; «в будущем профсоюзы не могут позволить себе сохранять те же темпы развития, которые характерны были для них за последние 20 лет».

Наконец, конгресс профсоюзов в Блэкпуле единодушно одобрил предварительный доклад Генерального совета о послевоенном восстановлении экономики. Этот документ на 52 страницах — едва ли не самая значительная и внушительная из современных политических деклараций, сделанных от имени английского рабочего движения, — четко излагал реалистическую и гибкую

программу создания плановой экономики и обеспечения полной занятости в послевоенной Англии. Следует отметить, что программа эта выдвигалась как выражение воли не только тред-юнионов, но и всего английского народа, за исключением незначительного меньшинства монополистической буржуазии. Здесь нет возможности изложить с достаточной полнотой содержание столь обстоятельного документа, и для ознакомления с ним читателю следует обратиться к самому докладу или его изложению, опубликованному в английских газетах 3 октября 1944 года¹. Но важнейшие положения программы, в которой центральное место занимал общественный контроль над всей экономической жизнью и ее демократизация, заключались в следующем:

а) *общественная собственность* на предприятия основных отраслей промышленности: топливной, энергетической, транспорта, черной металлургии и сталелитейной;

б) *общественный контроль* через посредство совместных Промышленных советов над другими отраслями крупной промышленности, особенно над наиболее монополизированными;

в) *учреждение Национального промышленного совета* в качестве верховного и центрального координирующего органа с участием в нем представителей профсоюзов, организация совместных Производственных комитетов (или Советов предприятий) на местах;

г) *в отношении потребительских товаров*: контроль над ценами и качеством, сохранение налоговых льгот для ряда товаров широкого потребления, оптовая закупка и распределение товаров правительственными агентствами, учреждение представительного и эффективно работающего Совета потребителей;

д) *финансы и капиталовложения* должны планироваться Национальным советом по вопросам инвестиций с учетом национальных и социальных нужд. Английский банк должен быть подчинен контролю по меньшей мере путем назначения пра-

¹ Например, *Daily Worker* за этот день; в *Labour Research* также помещен хороший отчет (ноябрь 1944 г., стр. 166--169).

вительством управляющего банком; должен быть создан Координационный комитет для руководства операциями частных банков.

Заключительный момент этого этапа нашей истории имел весьма большое значение. Именно тогда был подведен итог основным проблемам этого периода, были подняты на высший уровень вопросы, касавшиеся профсоюзов и войны, мирного урегулирования и единства. Я имею в виду Всемирную конференцию профсоюзов, которая заседала в Лондоне 6—17 февраля 1945 года.

Первоначально созыв конференции намечался по предложению Британского Конгресса тред-юнионов на лето 1944 года. Это соответствовало резолюции, принятой в 1943 году конгрессом в Саутпорте после того, как выяснилось, что Генеральный совет не расположен в пользу советского предложения о расширении Англо-Советского профсоюзного комитета и включении в него представителей профсоюзов других стран Объединенных наций. Созывая конференцию, Конгресс тред-юнионов подчеркивал, что она будет носить совещательный и исследовательский характер.

Когда конференция собралась, стало ясно, что это было событие подлинно мирового значения, невиданное доселе собрание делегатов рабочего класса, представлявшее не менее 60 миллионов организованных рабочих. Наряду с делегациями Великобритании, СССР и США¹ здесь были представители Франции и других освобожденных европейских стран, Китая и Индии, Латинской Америки, Австралии и Океании, Африки, Палестины.

Не секрет, что некоторые из наиболее влиятельных элементов в английском профсоюзном руководстве не питали симпатии к конференции. Они не хотели, чтобы конференция стала чем-то большим, нежели собранием братских делегатов, и имела бы серьезные конкретные последствия; они цеплялись за довоенную Международную федерацию профессиональных союзов², допус-

¹ Американская федерация труда, хотя она и была приглашена в Лондон, отказалась присутствовать на конференции. Председатель АФТ Грин назвал ее «конференцией, на которой господствуют коммунисты». США были представлены на Лондонской конференции делегатами Конгресса производственных профсоюзов.

² Так называемый желтый Амстердамский интернационал профсоюзов.— *Прим. ред.*

кая лишь неопределенную возможность ее частичной реконструкции в будущем. Но этих сторонников политики саботажа и выжидания буквально захлестнул мощный вал непреодолимого стремления конференции к единству и действиям.

Английский председатель конференции член парламента Джордж Айзекс сказал подлинную правду в своей заключительной речи: «Конференция означает поворотный момент в истории рабочего класса. Здесь были кое-какие разногласия, но они незначительны в сравнении с тем великим единством, которое продемонстрировала конференция».

Поскольку речь шла о важнейших вопросах, касавшихся активизации военных усилий союзников (включая помощь и обеспечение свободы освобожденным странам), мирного урегулирования и отношений с Германией (в том числе и требование, чтобы профсоюзы были представлены на конференции Объединенных наций в Сан-Франциско), равно как и послевоенной реконструкции, конференция представляла собой знаменательную параллель состоявшемуся почти в те же дни совещанию Большой тройки в Крыму. В Лондоне организованные рабочие стран Объединенных наций были заняты мобилизацией своих сил для проведения в жизнь генеральной линии этого союза.

То обстоятельство, что по отмеченным выше вопросам проявилось самое искреннее единство, было, конечно, вполне закономерным; единство в сложном, дискуссионном вопросе о новом всеобъемлющем профсоюзном интернационале было подлинно выдающимся достижением конференции. Эту победу предвещала решимость и способность конференции устранять резкие расхождения.

На второй день работы конференции английская делегация выступила с категорическим, носившим даже характер угрозы возражением против рекомендаций мандатной комиссии пригласить на конференцию представителей бывших вражеских стран (Италии, Финляндии, Болгарии, Румынии) и считать, что конференция обладает полномочиями решать большинством голосов жизненно важные вопросы, если она того пожелает. Но воля конференции к единству проявилась с исключительной силой, и рекомендации были приняты.

Предложение об основании новой Всемирной федерации профсоюзов, которое должно было быть немедленно подготовлено специальным органом, учрежденным лондонской конференцией, выдвинул в своем выступлении глава делегации КПП Сидней Хиллмэн. После этого оставался лишь вопрос о характере и уточнении полномочий этого органа или «постоянного комитета», как назвал его Хиллмэн. Английская делегация предложила, чтобы в комитет входило небольшое число представителей, но в конечном счете было достигнуто общее соглашение о создании большого и широко представленного комитета в составе 50 человек.

Собравшись немедленно после окончания конференции, комитет постановил вновь созвать Всемирную конференцию профсоюзов в Париже осенью 1945 года. 3 октября 1945 года на Первом Всемирном конгрессе профсоюзов делегаты 56 стран приняли Устав Всемирной федерации профсоюзов. Так родилась Всемирная федерация профсоюзов, которой предстояло вскоре охватить 70 миллионов членов профсоюзов 71 страны. Это было величайшим достижением, самым крупным в истории профсоюзного движения. Среди задач, поставленных перед ВФП, первое место заняли «уничтожение любого проявления фашизма, в какой бы форме это ни выражалось и каким бы именем это ни называлось», и «борьба против войны и причин, порождающих войну, за обеспечение прочного и продолжительного мира, так же как и борьба против реакции, за полное осуществление демократических прав и свобод всех народов»¹.

Глава 12

ПОСЛЕВОЕННЫЙ КРИЗИС

(1945—1951 гг.)

В 1945 году, когда все ярче занималась заря победы, рабочее движение вообще и профсоюзное в частности быстро развивалось и достигло небывалого прежде успеха. За различными войнами следуют различные победы. В 1945 году рабочее движение занимало несравненно

¹ Betty Wallace, *World Labour Comes of Age*, pp. 156—162

более прочные и более передовые позиции, чем это было в 1918 году. Черчилль и консерваторы пытались повторить стремительный маневр того года — «выборы хаки». Однако маневр обернулся против тех, кто его задумал. «Человек, выигравший войну»¹, апеллировал к людям, выигравшим войну, и когда 26 июля 1945 года были объявлены итоги выборов, он получил их ответ. Против консерваторов голосовало не только подавляющее большинство военнослужащих (именно солдат подсказал «Дейли уоркер» выдвинутый ею пакатуне выборов лозунг: «Голосуйте за наиболее левых из тех, за кого вы можете голосовать»). Дух боевого единства, господствовавший в рядах организованных рабочих, привлек и неорганизованного, колеблющегося избирателя на сторону лейбористской партии в масштабах, невиданных раньше. Из самых глубин профсоюзного движения прозвучало требование об обеспечении политического единства всех прогрессивных сил, включая и коммунистов. Это предложение было выдвинуто председателем Объединенного профсоюза машиностроителей Джеком Таннером на конференции лейбористской партии в 1945 году, через несколько дней после того, как Черчилль, объявив выборы, бросил вызов лейбористам. Знаменательно, что число голосов, поданных за предложение Таннера, было максимальным по сравнению со всеми предшествовавшими голосованиями по этому вопросу. При голосовании по мандатам партийная машина Моррисона смогла наскреести большинство менее чем в 100 тысяч голосов, собрав 1 314 тысяч голосов против 1 219 тысяч.

Именно эти настроения в рабочем движении привели к тому, что парламентские выборы 1945 года стали катастрофическим, неслыханным с 1906 года поражением партии привилегий и денежного мешка и впервые обеспечили лейбористской партии абсолютное большинство. Число представителей коммунистической партии увеличилось до двух: помимо Уильяма Галлахера (от Уэст Файфа) был избран и Филип Пирэтин (от Майл Энда). Располагая в парламенте 390 депутатскими местами против 211, доставшихся консерваторам (численность мест, полученных либералами и независимыми,

¹ Так величала в то время Черчилля английская буржуазная печать. — *Прим. ред.*

составляло едва десяток для каждой из этих групп), третье лейбористское правительство во главе с Эттли в качестве премьер-министра обладало на этот раз не только министерскими портфелями, но и — в значительно большей мере, чем первое и второе лейбористское правительство, — властью.

Начался период высокой активности и достижений. Состоявшийся в сентябре 1945 года в Блэмпле конгресс тред-юнионов продолжил деятельность предшествовавшего ему конгресса 1944 года по конструктивной разработке политики, касавшейся вопросов послевоенной реконструкции промышленности, улучшения организационной структуры тред-юнионов и т. д. Конгресс взял верный тон в отношении лейбористского правительства, заявив, что это будет позиция «полной поддержки, сочетающейся с бесстрашной критикой». В этом же месяце представители Конгресса тред-юнионов сыграли важную роль в историческом событии — учреждении Всемирной федерации профсоюзов.

В начальный период пребывания у власти правительства Эттли профсоюзное движение добилось ряда значительных практических успехов. Хартия штрейкбрехеров 1927 года была отменена, и в результате возвращения профсоюзов государственных служащих в ряды Конгресса тред-юнионов — которое сочеталось с общим подъемом движения, обусловленным продолжавшейся полной занятостью рабочих, — общая численность организаций, входящих в Конгресс, достигла в 1947 году небывалого уровня — превысила 7,5 миллиона членов. Социальные реформы, такие, как реформа о государственной медицинской помощи и об установлении широкой системы государственного социального страхования, поднимали благосостояние членов профсоюзов.

Эффект от проведенных широких мероприятий по национализации экономики был менее определенным. Несомненно, когда голубой с белым флаг Национального угольного управления впервые взвился над всеми шахтами страны, в этом было нечто символическое и волнующее; осуществлялось, наконец, выдвинутое почти 30 лет назад историческое требование английских рабочих. Но проведенная лейбористским правительством национализация — сначала угольных шахт, затем транспорта и коммунальных предприятий, снабжающих насе-

ление газом и электричеством,— была национализацией государственно-капиталистического типа. Она предусматривала выплату бывшим владельцам предприятий такой компенсации, которая вваливала на национализированные отрасли экономики чудовищное финансовое бремя; для управления национализированными отраслями промышленности был создан громоздкий, чрезмерно централизованный административный аппарат. Для профсоюзных чиновников национализация обеспечивала значительное количество высокооплачиваемых должностей¹, но массы членов профсоюзов очень скоро поняли, что она отнюдь не то социалистическое по своему характеру мероприятие, осуществления которого из поколения в поколение добивалось рабочее движение. Слишком распространёнными и слишком сильными были в новых органах управления старые капиталистические черты, да и в самом деле, в них продолжали работать многие из прежнего руководящего персонала. Жалобы по этому поводу и требования действительного участия профсоюзов в управлении промышленностью, находящейся в руках государства, становились все более и более настойчивыми.

Одним из первых последствий прихода к власти лейбористского правительства были некоторые изменения в составе высшего профсоюзного руководства. Ситрин, получивший титул лорда, подал в отставку с поста секретаря Конгресса тред-юнионов, который он занимал восемнадцать лет; сначала он стал членом Угольного управления, а затем возглавил Управление электроэнергетической промышленности. Пост секретаря Конгресса тред-юнионов занял бывший помощник Ситрина (ныне сэр) Уинсент Тьюсон. Ситрин был крупным теоретиком реформизма и с большим искусством выступал в защиту этого течения в профдвижении; будучи членом цехового профсоюза, он работал на производстве и достиг поста профсоюзного руководителя обычным путем, путем избрания. Тьюсон же — типичный представитель

¹ Обратная сторона этой системы обеспечения теплых местечек для избранных была вскрыта во время следствия, проведенного судьей Лински в 1948 году, когда были разоблачены связи некоего Сиднея Стэнли, космополитического «посредника», с лейбористскими министрами и крупными чиновниками.

профсоюзной «государственной службы»; он начал свою карьеру в качестве конторщика в одном профсоюзном бюро в Бадфорде и никогда не работал на производстве. В огромном Союзе транспортных и неквалифицированных рабочих ушел, наконец, в отставку Эрнест Бевин, и его преемником был утвержден Артур Дикин, который исполнял в этом союзе обязанности генерального секретаря с 1940 года. И на этот раз новый «номер первый» является лишь бледной копией прежнего. Хвастливая напыщенность Бевина скрывала за собой известную ловкость, а у Дикина и этого нет. Когда, после непродолжительной игры в единство во время пребывания его на посту председателя Всемирной федерации профсоюзов, Дикин стал самым активным участником бешеной травли коммунистов, он специализировался на таких глупых бреднях, какие несравнимы даже с затасканным «красным пугалом» времен Бевина. Некоторые из этих бредней были настолько нелепы, что их не могла поместить на своих страницах даже обычно падкая на них пресса миллионеров.

Отставка Бевина, его уход из профсоюзного руководства отнюдь не означали, что он перестал играть какую-либо роль в профсоюзном движении. Именно потому, что он был крупнейшей фигурой правого крыла профсоюзного движения, именно потому, что он создал могущественную машину «Транспорт-хауза» и был главным ее руководителем, премьер-министр Эттли рассчитывал на Бевина как на своего важнейшего помощника и назначил его на ведущий пост министра иностранных дел. Эти расчеты Эттли объяснялись и тем, что Бевин вплоть до своей смерти в начале 1951 года олицетворял те силы в реформистском руководстве тред-юнионов, которые, несмотря на критику широкими слоями трудящихся внутренней политики правительства, в общем сумели впрямь профсоюзное движение в колесницу черчиллевской внешней политики. Точно так же, как Рамзей Макдональд двадцать лет назад, Бевин стоял за «преимущество» внешней политики — неизменно проамериканской, неизменно антисоветской и активно враждебной в отношении новых народных движений, развертывающихся повсюду против обанкротившегося старого порядка. Самым чудовищным примером этой «преимущества» является продолжение черчиллевской политики интер-

венции в Греции с целью поддержки монархо-фашистского режима. Бевин положил начало реакционному курсу в отношении центральной проблемы послевоенного времени — германской проблемы. Он воспользовался первым же представившимся предлогом для того, чтобы с шумом заявить — в одном из своих характерных выступлений, полных воинственной риторики, — что Россия «становится поперек горла Британской империи». Бевин сыграл ведущую роль в срыве сессии Совета министров иностранных дел в октябре 1945 года в Лондоне.

Лишь наиболее дальновидные и боевые деятели профсоюзов понимали, что реакционная политика бевинизма в международных вопросах не могла не оказать глубокого влияния на политическое и экономическое положение внутри страны. Интервенции в Индонезии, Греции, Палестине требовали сохранения тяжкого бремени военных расходов. Прекращение действия ленд-лиза вскрыло в высшей степени критическое положение экономики Англии и огромный дефицит ее внешней торговли, а переговоры о получении займа в Соединенных Штатах, симптоматичные для усиливающейся проамериканской ориентации, которую отстаивал бевинизм, не были выходом из положения, тем более, что президент Трумэн отменил контроль над ценами.

По мере того, как приближался конец 1946 года, все яснее можно было видеть начало конца того периода, который следовало бы охарактеризовать как «медовый месяц» лейбористского правительства, и все те последствия, которые это имело для профсоюзного движения. Поскольку правительство старательно избегало встречи лицом к лицу с магнатами сталелитейной индустрии и не решилось поднять вопрос о национализации их предприятий, этой основы основ экономики, то убывали надежды на коренную реорганизацию промышленности и радикальное разрешение жилищного вопроса — самой неотложной проблемы внутренней политики. На конгрессе тред-юнионов в Брайтоне в октябре 1946 года Эттли посвятил значительную часть своей приветственной речи нападкам на коммунистическую партию; как раз в это время избрание Артура Хорнера секретарем Национального союза горняков засвидетельствовало рост влияния компартии в профсоюзах. Он предпринял также необыч-

ный для оратора, выступающего в качестве гостя, шаг, обрушившись на одну из резолюций, включенных в повестку дня конгресса. Эта резолюция, критикующая внешнюю политику правительства, была предложена профсоюзом электриков; она была отвергнута большинством в 3 557 тысяч голосов против 2 440 тысяч при голосовании по мандатам. Выражением растущего расхождения между правительством и массами членов профсоюзов было выступление в октябре 1946 года Стаффорда Криппса, выдвинувшего новый вариант традиционных злобных насмешек консерваторов, утверждавших, что рабочие якобы «неспособны управлять». «Пока еще,— сказал он,— в Англии нет достаточно большого числа рабочих, способных взять на себя руководство крупными предприятиями».

1947 год был годом решающего поворота в послевоенной ситуации как внутри страны, так и в международном масштабе. Наступившие в январе-марте сильные морозы вскрыли не только топливный кризис, но и общий кризис правительственной экономической политики, для устранения которого ничего не могла, по существу, предложить выпущенная правительством «Белая книга» с ее жалкими выпадами против того, что она называла «тоталитарным» планированием (то есть против сколько-нибудь серьезного планирования вообще). Американский империализм начал навязывать всему миру свою волю. В результате давления доллара изменился характер правительств во Франции, Италии, Бельгии, коммунисты были вытеснены из правительственных коалиций, созданных в этих странах после их освобождения. В июне появился план Маршалла. Бевин с особым энтузиазмом приветствовал его и настаивал на его осуществлении. Это был план капиталистической реконструкции Западной Европы — план превращения ее в придаток Соединенных Штатов, в частности план восстановления реакционных сил Западной Германии и промышленности Рура как фундамента той европейской базы, в которой нуждался Уолл-стрит для осуществления своих замыслов установления господства над миром. В Великобритании, являющейся составной частью этого мира, такой поворот событий немедленно повлек за собой серьезные экономические последствия, глубоко затронувшие и профсоюзное движение.

Так, когда в июле 1947 года английские долларовые резервы начали таять с вызывающей тревогой быстротой, вновь обнаружилось то самое отсутствие какой-либо позитивной и смелой политики у правительства, которое проявилось еще во время зимних морозов в начале года. Правительство могло лишь отступать и урезать расходы. Введенный в сентябре «спартаанский» план сэра Стаффорда Криппса преградил дорогу сколько-нибудь серьезной коренной реконструкции промышленности; этот план предусматривал в то же время существенное повышение выработки рабочих и дальнейшее расширение экспорта. В том же самом месяце на конгрессе тред-юнионов в Саутпорте требование о немедленном внесении в парламент законопроекта о национализации сталелитейной промышленности, хотя и не было одобрено, собрало внушительное число голосов. Конгресс бурно приветствовал делегатов, заявлявших, что страна должна стоять на своих собственных ногах и не отдавать себя в заклад Америке, а еще более, чем обычно, реакционное выступление представителя Американской федерации труда было заглушено возгласами протеста против его раздраженной и злобной антисоветской брани и его клеветы на Всемирную федерацию профсоюзов. Но, хотя резолюция профсоюза литейщиков, требующая национализации сталелитейной промышленности, собрала 2 360 тысяч голосов, 4 857 тысяч голосов, поданных против нее, показали, что правительство все еще могло рассчитывать на поддержку значительных сил в Конгрессе тред-юнионов.

Одной из главных характерных черт периода, начало которому положил 1947 год, была политика замораживания заработной платы. Инициатором этой политики было правительство, поддержанное правым большинством в руководстве тред-юнионов. В феврале 1948 года премьер-министр огласил в парламенте «Заявление о личных доходах, издержках производства и ценах», которое было затем издано в форме «Белой книги». Даже Генеральный совет Конгресса тред-юнионов был сначала поражен «ограниченным и крайне умеренным характером рекомендаций «Белой книги» в отношении прибылей». Но в конечном счете он предложил конференции представителей руководящих органов тред-юнионов одобрить сформулированную в «Белой книге» политику

«общей стабилизации» (то есть замораживания заработной платы) «при условии, что правительство будет решительно и твердо проводить политику, рассчитанную не только на стабилизацию, но и на снижение прибылей и цен». Однако исход этой конференции, собравшейся в Лондоне в конце марта 1948 года, еще не означал для Генерального совета легко достигнутого успеха, хотя рекомендации совета и были приняты большинством в 5 421 тысячу голосов против 2 032 тысяч. Меньшинство оказалось куда более сильным, чем это можно было предполагать, и честь победы в дебатах принадлежала, несомненно, представителям меньшинства. Вопрос о заработной плате вновь детально обсуждался на конгрессе тред-юнионов в Маргете. Исход голосования, завершившего упорную борьбу, был примерно тем же — резолюция, критиковавшая политику замораживания заработной платы, была отвергнута большинством 5 207 тысяч голосов против 2 184 тысяч.

Неверно, что большинство профсоюзов действительно поддерживало политику замораживания заработной платы. Среди профсоюзов, обеспечивших большое число голосов в пользу этой меры, некоторые (как, например, горняки) сами не были затронуты ею. Существовал ряд оговорок, допускавших повышение заработной платы, когда возрастала выработка, или когда заработная плата была «ниже необходимой для поддержания умеренного уровня существования», или когда это было нужно для привлечения рабочей силы в страдавшие от ее недостатка важные отрасли производства, или когда в интересах повышения выработки было важно поддерживать разницу в оплате в зависимости от квалификации рабочего.

Было ясно, что до тех пор, пока в руководстве тред-юнионами будут коммунисты и их сторонники, политику замораживания зарплаты нельзя будет проводить. Призыв к антикоммунистической «охоте на ведьм» прозвучал сначала со стороны политических деятелей в форме заявления, сделанного секретарем лейбористской партии Морганом Филипсом; затем в октябре 1948 года Генеральный совет Конгресса тред-юнионов возродил дух прежнего «черного циркуляра», запретив коммунистам занимать руководящие посты в профсоюзах и угрожая местным советам профсоюзов исключением из официаль-

ного регистрационного списка Конгресса, если они не будут следовать линии «Транспорт-хауза». Некоторые советы профсоюзов были из списка исключены. В 1950 году исключением пригрозили и самому Лондонскому совету профсоюзов, хотя в виду той массовой поддержки, которой пользовался этот совет в столице, «Транспорт-хауз» безоговорочно отказался от применения этой угрозы¹. Примечательно, однако, что на этот раз «охота на ведьм» была провозглашена в значительно более общих (и в гораздо большей мере, так сказать, рекомендательных по своему характеру) выражениях, чем в пресловутых циркулярах 16 и 17². В заявлении Генерального совета несколько зловеще говорилось лишь, что совет «убежден», что члены профсоюзов и их исполнительные органы «не будут долго церемониться» с коммунистами (и даже в характеристике, которая была дана коммунистам в этом заявлении, обычные злобные выпады и мелодраматическая крикливость были облечены в более «абстрактные» формы). Эта тема была должным образом развита в брошюрах «Защищай демократию» и «Тактика раскола», которые распространялись во всех профсоюзах и советах профсоюзов.

Призывы Генерального совета были поддержаны на конгрессе тред-юнионов в Саутпорте в 1949 году обманчиво значительным большинством в 6 746 тысяч голосов против 760 тысяч, но это ни в какой степени не отражало подлинного отношения профсоюзов к «охоте на ведьм». Важнейшие профсоюзы отказались лишать рабочих прав члена профсоюза за их политические убеждения, делегатские конференции в ряде случаев внушительным большинством высказывались против «охоты на ведьм». Единственным существующим, но не вызывающим удивления исключением явился Союз транспортных и неквалифицированных рабочих, который использовал старый способ — подписание «документа», — чтобы заставить таких выдающихся лидеров, как А. Ф. Папуорт, Сэм Гендерсон, и целую группу выборных членов Исполкома

¹ В 1952 году эта угроза была все же приведена в исполнение. Генеральный совет Конгресса тред-юнионов отказал прогрессивному Лондонскому совету профсоюзов в праве на дальнейшую регистрацию, то есть отказался признавать его, и создал новый параллельный совет профсоюзов в Лондоне. — *Прим. ред.*

² См. стр. 146.

и других профсоюзных работников «добровольно» покинуть профсоюз¹. В профсоюзах, где сохранялись нормальные демократические порядки, руководители правого крыла проводили столь тщательную предвыборную «организационную подготовку», что в ходе последовавших периодических выборов должностных лиц (например, в Объединенном профсоюзе машиностроителей) некоторые видные коммунисты были забаллотированы незначительным большинством. Но в целом «охота на ведьм» далеко не оправдала надежд своих инициаторов.

Тактика раскола, применяемая, таким образом, руководством Конгресса тред-юнионов внутри страны, была, естественно, увенчана его раскольническим выступлением на международной арене. Холодная война, развернутая американцами и их сателлитами из западного блока, оказалась бы перед перспективой немедленного провала, если бы недавно выкованное международное единство организованного рабочего класса, воплощенное во Всемирной федерации профсоюзов, оставалось ненарушенным. И тот самый Генеральный совет английских тред-юнионов, который в 1947 году в Саутпорте отмежевался от злобных выпадов представителя Американской федерации труда против Всемирной федерации профсоюзов, сейчас повернул в сторону дезорганизующей политики профессиональных раскольников из АФТ, к которым вскоре присоединились их прежние противники из Конгресса производственных профсоюзов, создав новоявленное «братство» заокеанских профсоюзных агентов уолл-стритовского империализма.

Начиная с 1945 года Американская федерация труда, не жалевшая денег для финансирования раскольнических интриг в Европе, добилась откола от французской Всеобщей конфедерации труда так называемой «Форс увриер». Теперь агенты АФТ пытались заставить европейские профсоюзы одобрить план Маршалла в надежде, что это позволит расколоть Всемирную федерацию профсоюзов.

¹ Так же как в XIX веке предприниматели требовали, чтобы рабочие подписали «документ» о своей непричастности к профсоюзам, точно так же правые лидеры Союза транспортных и неквалифицированных рабочих пытались заставить левые элементы в профсоюзном руководстве дать подписку о «непричастности» к коммунистической партии.— *Прим. ред.*

В марте и в июле 1948 года в Лондоне состоялись конференции представителей профсоюзов маршаллизованных стран, созванные Британским конгрессом тред-юнионов и Американской федерацией труда. Был учрежден Профсоюзный консультативный комитет по вопросам восстановления Европы. Но с большинством Всемирной федерации профсоюзов было не так-то легко справиться; в апреле — мае 1948 года сессия ее Исполкома в Риме постановила считать вопрос об отношении к помощи по плану Маршалла частным делом входящих в ВФП национальных профцентров и приняла состоящую из шести пунктов декларацию, имевшую целью предупреждение конфликтов между национальными центрами и Федерацией. Американская федерация труда была взбешена тем, что ей не удалось добиться раскола. Она сосредоточила свое внимание на английских профлидерах. «Как только Британский конгресс тред-юнионов освободится от парализующих его связей со Всемирной федерацией, — писал лидер АФТ Давид Дубинский, — Профсоюзный консультативный комитет по вопросам восстановления Европы сможет двинуть вперед свою работу».

На конгрессе тред-юнионов в Маргете Генеральный совет перешел на сторону АФТ. Дикин, председатель Всемирной федерации профсоюзов, который лишь за семь недель до того публично отрицал, что Федерация «функционирует как орудие советского империализма»¹, заявил на конгрессе в Маргете, что она является «не более чем еще одной организацией и орудием для проведения в жизнь советской политики». Дикин говорил от имени Генерального совета, и после непродолжительных прений конгресс отклонил резолюцию, требовавшую сохранения единства Всемирной федерации профсоюзов. Хотя эта резолюция не уполномочивала Генеральный совет ни на какие решительные шаги, для него она оказалась достаточной, чтобы совместно со своими американскими союзниками сделать следующий шаг и предъявить Всемирной федерации профсоюзов ультиматум. По существу, этой организации было предложено совершить самоубийство

¹ «Вчера в Осло, на конгрессе Интернационала транспортников, г-н Артур Дикин категорически опроверг утверждение, что Всемирная федерация профсоюзов функционирует как орудие советского империализма» (*Daily Herald*, July 21st, 1948).

(приостановить свою деятельность на год) под угрозой выхода из нее английских и американских профсоюзов. Ультиматум был отвергнут, и 19 января 1949 года представители Англии, США и Голландии покинули заседание Исполнительного бюро Всемирной федерации профсоюзов в Париже, заявив одновременно о выходе представляемых ими организаций из ВФП. Через несколько недель Дикин уже приветствовал предложения Американской федерации труда об учреждении расколынического антикоммунистического интернационала, и в декабре 1949 года в Лондоне была проведена учредительная конференция Международной конфедерации свободных профсоюзов¹.

На протяжении двенадцати месяцев, начиная с середины 1948 года до середины 1949 года, борьба рядовых членов профсоюзов против предпринимавшихся сверху попыток провести в жизнь официальную политику замораживания заработной платы проявилась в общем оживлении рабочего движения на главных участках промышленного фронта, независимо от того, были ли поднимавшиеся при этом вопросы прямо связаны с заработной платой, или нет. Массовые волнения происходили среди железнодорожников, этой наиболее близко оплачиваемой категории рабочих по сравнению с остальными важнейшими отраслями экономики. Выдвинутое ими в 1947 году требование о повышении заработной платы на один

¹ Луи Сайян, генеральный секретарь Всемирной федерации профсоюзов, позже характеризовал раскол 1949 года как событие, «выкрывшее узко националистический характер и дискриминационные тенденции тех американских и английских профлидеров, которые, вопреки всякой логике, хотели превратить международное профсоюзное движение в нечто такое, что было бы не только ограничено, но и полностью бы определялось требованиями внешней политики их соответствующих правительств» («Всемирное профсоюзное движение», английское издание. № 20, 20 октября 1951 года, стр. 3).

В июле 1951 года сессия Исполнительного бюро Всемирной федерации профсоюзов в Вене обратилась к Международной конфедерации свободных профсоюзов и к Международной конфедерации христианских профсоюзов с призывом об организации совместных действий для поддержки непосредственных требований рабочих. Последняя вежливо ответила, что рассмотрит предложение. Международная же конфедерация свободных профсоюзов отклонила на это предложение лишь полемическими замечаниями оскорбительного характера.

фунт стерлингов¹ и сокращении рабочего дня было отклонено. В 1948 году они требовали прибавки всего в 12 шиллингов 6 пенсов (а позднее — установления минимума зарплаты в 5 фунтов стерлингов). Оба эти требования также были отклонены. Летом 1949 года по всей стране возникли стихийные выступления железнодорожников, которые решили «работать по правилам»², причем недовольство было столь велико, что в одном месте делегатское собрание членов Национального союза железнодорожников высказалось в пользу этого требования большинством в 71 голос против 8. В то же время буквально по всему северо-востоку страны паровозные машинисты и кочегары стали бастовать в конце каждой недели, протестуя против удлинения продолжительности их рабочих смен.

Осенью 1948 года основные профсоюзы строительных рабочих выступили против каких бы то ни было попыток заморозить их заработную плату и потребовали ее повышения на 3 пенса в час. В следующем году стали еще настойчивее их требования отменить новую систему выплаты поощрительных надбавок. Возмущение среди рабочих машиностроительных предприятий, вызванное контрастом между низкой заработной платой рабочих и растущими прибылями предпринимателей этой отрасли промышленности, оказалось настолько сильным, что на заседании Национального комитета Объединенного профсоюза машиностроителей в июне 1948 года требование о немедленном проведении голосования их вопроса о стачке было отклонено лишь весьма незначительным большинством — 28 голосов против 23. На ряде ведущих машиностроительных заводов, таких, как предприятия фирм Остин и Де Хевилленд, вспыхнули короткие, но бурные стачки, а осенью 1949 года Конфедерация профсоюзов судостроителей и машиностроителей выступила с требованием об общем повышении заработной платы на один

¹ Здесь и ниже речь идет о недельной заработной плате. — *Прим. ред.*

² То есть так тщательно, и главное не спеша, следить за соблюдением всех мельчайших и даже устаревших правил и инструкций, регулирующих железнодорожное движение, что это неизбежно должно было бы привести сначала к замедлению, а затем и к остановке движения. Впервые примененная в Италии эта форма борьбы против капиталистической эксплуатации обычно называется итальянской забастовкой. — *Прим. ред.*

фунт стерлингов. О недовольстве среди рабочих угле-промышленных районов свидетельствовала стачка, охватившая Ланкашир в первой половине мая 1949 года; более шестидесяти шахт было закрыто и почти 50 тысяч углекопов покинули забои в результате конфликта, возникшего из-за вопроса местного значения — о снабжении семей шахтеров углем на льготных условиях.

Однако наиболее примечательные события, помогающие понять суть основных профсоюзных проблем того времени, развертывались в доках. Здесь оторванная от масс машина высоко централизованного Союза транспортных и неквалифицированных рабочих сомкнулась со столь же далеким от рабочих административным аппаратом национализированной промышленности. Это обстоятельство и вызвало стачку докеров в Лондоне в июне 1948 года. Разбиравшийся в обычном порядке местный конфликт по вопросу об оплате труда докеров, имеющих дело с грузом окиси цинка, привел к увольнению некоторых рабочих. Вспыхнула стачка. Это был стихийный и «неофициальный» протест против того, что рабочие называли произвольным использованием дисциплинарных прав, присвоенных Национальному управлению по вопросам труда в доках. Стачка распространилась на устье реки Мерсей, охватив примерно 30 тысяч докеров; правительство направило в доки войска и объявило чрезвычайное положение. Стали раздаваться неистовые крики, что это выступление, предпринятое в силу обстоятельств вопреки воле руководства профсоюза, было результатом коммунистического заговора. На самом же деле руководивший забастовкой выборный стачечный комитет, который стал предшественником возникших вскоре Комитетов портовых рабочих, насчитывал только пятерых коммунистов среди сорока двух своих членов.

В апреле 1949 года короткая, но жаркая забастовочная схватка вспыхнула в лондонских доках. 15 тысяч докеров бросили работу в знак протеста против исключения из регистрационного списка портовых рабочих группы пожилых грузчиков¹. Следующая крупная битва началась в мае и продолжалась до июля. Это была одна из наиболее значительных в истории Англии стачечных битв, которые вели когда-либо докеры или любые другие слои

¹ Это означало лишение их права на работу.— *Прим. ред.*

английских рабочих. Начало ей положил не конфликт по вопросу о заработной плате или условиях труда: она была актом международной солидарности рабочего класса. Канадские моряки бастовали, протестуя против снижения заработной платы. Судовладельцы Канады совместно с профсоюзом, примыкающим к Американской федерации труда и враждебным Канадскому союзу моряков, который руководил стачкой, делали все возможное, чтобы разгромить забастовку и возглавлявший ее профсоюз. Когда первое канадское судно «Монреаль сити» с командой из штрейкбрехеров прибыло 14 мая в английский порт Эйвонмут, докеры отказались разгрузить его. Вторичная попытка разгрузить его привела к тому, что рабочие всех доков Эйвонмута бросили работу. Тогда администрация порта объявила локаут, отказываясь допустить рабочих к разгрузке любых других судов, пока «Монреаль сити» не будет разгружен. Командиры буксиров и рабочие пилотов присоединились к докерам. Правительство направило в доки войска, после чего забастовали и рабочие, обслуживающие подъемные краны. В знак протеста против того, что солдаты стали обслуживать пилотовые ворота, команды нескольких находившихся в порту английских судов отказались выйти в море. Переброска тайком канадского грузового судна из Эйвонмута в Ливерпуль привела к выступлению рабочих Ливерпуля, где в начале июня бастовало 11 тысяч докеров. Когда провалилась попытка разгрузить два канадских судна в Лондоне и Лондон также оказался вовлеченным в борьбу, правительство объявило 11 июля чрезвычайное положение. Единственным результатом этой меры было увеличение числа бастовавших лондонских докеров с 14 тысяч до 15,5 тысяч. Борьба окончилась только после того, как Канадский союз моряков сообщил, что он добился известного соглашения с судовладельцами, и сам просил прекратить действия, предпринятые в порядке международной солидарности.

Даже в этих условиях все умножавшихся признаков боевых построений рабочих Генеральный совет, отстаивавший политику «умеренности», занимал, казалось, если судить по конгрессу тред-юнионов в Бридлингтоне в сентябре 1949 года (когда, между прочим, была отмечена пиковая, достигавшая почти 8 миллионов численность организаций, входящих в Конгресс тред-юнионов), чрез-

вычайно сильные позиции. Политика Генсовета была поддержана большинством в 6485 тысяч голосов против 1038 тысяч. Но десять дней спустя взорвалась бомба — была произведена девальвация фунта стерлингов, которая положила конец какой-либо возможности ссылаться на то, что цены на внутреннем рынке страны могут быть стабилизированы. Генеральный совет, хотя и был вынужден выразить тревогу по поводу положения с ценами и роста прибылей, все еще отчаянно цеплялся за политику замораживания заработной платы. В одном циркуляре, опубликованном в ноябре 1949 года, Генеральный совет указывал профсоюзам самым безапелляционным тоном, что они должны считаться с «реальным экономическим положением» и «действовать лояльно, в соответствии» с политикой Генерального совета. Но «реальное экономическое положение» быстро склоняло мнение профсоюзных масс к прямо противоположным выводам; даже кривое зеркало подтасованного официального индекса стоимости жизни отражало эту действительность в форме неумолимого роста индекса, поднявшегося к декабрю 1949 года до 113 при уровне сентября 1947 года, принятом за 100. Когда 12 января 1950 года снова собралась конференция представителей руководящих органов профсоюзов, Генеральному совету пришлось столкнуться с острой критикой в ходе дебатов, и ему едва удалось отстоять свои позиции. Он был поддержан 4263 тысячами голосов против 3606 тысяч, то есть большинством всего в 657 тысяч голосов. Свыше 2 миллионов из числа голосов, поданных в поддержку Генерального совета, принадлежали двум крупным профсоюзам вспомогательных рабочих — Союзу транспортных и неквалифицированных рабочих и Национальному союзу чернорабочих и коммунальников.

На махинации, которые проделывались с голосами рядовых членов, может пролить свет изучение результатов голосования среди горячков. В то время как делегатская конференция Национального союза горячков поддержала политику Генерального совета, причем практически на каждые два голоса, поданные за нее, приходился лишь один, поданный против, голосование, проведенное местными организациями союза, дало в большинстве углепромышленных районов прямо противоположные результаты. В итоге же голоса всех членов Национального

союза горняков были на январской конференции 1950 года засчитаны как поданные в поддержку Генсовета.

Истекал срок пребывания лейбористского правительства у власти. Последним крупным законодательным актом лейбористского правительства был проведенный слишком поздно и слишком робко компромиссный и выхолощенный закон о национализации сталелитейных заводов. Это был один из тех вопросов, вокруг которых развернулась борьба во время парламентских выборов в феврале 1950 года. Результаты выборов были отчетливо выраженным предупреждением для всего рабочего движения: значительный численный перевес лейбористов в парламенте был ликвидирован, консерваторы в значительной степени восстановили утраченные позиции, и лейбористская партия, сохранив лишь 315 парламентских мест против 299, полученных консерваторами (общее число мест, полученных либералами и независимыми, снизилось до 11), едва удерживала власть слабеющей рукой. Коммунистическая партия утратила оба своих парламентских мандата.

Между тем общая обстановка становилась все более напряженной. Летом началась американская интервенция в Корею, в которую затем были вовлечены Великобритания и другие страны, и над человечеством нависла зловещая тень третьей мировой войны. Английское правительство, теперь целиком поглощенное трудами над сколачиванием американской «атлантической» военной организации, раболепно взвалило на плечи страны программу перевооружения в 4700 миллионов фунтов стерлингов — астрономическая цифра! — со всем тем дополнительным бременем, которое она означала для масс трудящегося населения. Политику замораживания заработной платы уже явно невозможно было поддерживать. В апреле 1950 года Шотландский конгресс тред-юнионов высказался за изменение политики замораживания заработной платы большинством 242 голосов против 67 (он одновременно засвидетельствовал силу антивоенных настроений, единодушно потребовав запрещения атомного оружия всех видов). В июне Генеральный совет сделал последнее усилие спасти свой престиж, допуская в выпущенном им циркуляре, что должно быть «больше гибкости в вопросе о заработной плате». Но в сентябре конгресс тред-юнионов в Брайтоне отклонил этот циркуляр большинством

3898 тысяч голосов против 3521 тысячи и 3949 тысяч голосов против 3727 тысяч принял предложенную Союзом электриков и поддержанную Ассоциацией конторских служащих государственных учреждений резолюцию, открыто отвергающую политику замораживания заработной платы¹.

Среди увеличивавшегося количества требований о повышении заработной платы особенно выделялись требования машиностроителей и железнодорожников. Требование машиностроителей о прибавке в один фунт стерлингов, которое они выдвигали через Конфедерацию профсоюзов судостроителей и машиностроителей, в конечном счете было передано в ноябре 1950 года на суд Национального арбитражного трибунала. Трибунал предпринял необычный шаг. Он воздержался от принятия решения и вместо этого предложил основу для соглашения. Вкратце его рекомендации предусматривали повышение заработной платы на 11 шиллингов для квалифицированных рабочих (оплачиваемых повременно) и на 8 шиллингов для неквалифицированных. Соответствующий процент повышения был предложен для рабочих, находящихся на сдельной работе, но по отношению к общему уровню заработков сдельщиков рекомендованное повышение было столь ничтожным, что в важнейших центрах машиностроительной промышленности немедленно возник целый ряд местных конфликтов. В большинстве случаев рабочие — участники этих конфликтов следовали обычной практике отказа от сдельной и сверхурочной работы до тех пор, пока рабочим, оплачиваемым сдельно, не будет сделано уступок. В ряде случаев предприниматели отвечали локаутами, но они оказались неспособными устоять перед солидарностью рабочих и силой профсоюзов. Машиностроители одержали ряд побед на таких крупных и известных предприятиях, как заводы «Туиддл энд Смолли» в Рочдейле, «Эмброс Шэдлоу» в Шеффилде.

¹ Брайтонский конгресс не только отменил решение Генерального совета по важнейшему вопросу о замораживании заработной платы. Генсовет встретил еще более резкий отпор по вопросу о давно выдвигавшемся требовании равной с мужчинами оплаты труда женщин, работающих в правительственных учреждениях. Выдвинутое Ассоциацией конторских служащих государственных учреждений предложение об установлении равной оплаты, которое Генеральный совет всячески пытался отложить, было принято большинством 4490 тысяч голосов против 2367 тысяч.

«Фэйрбэри, Лоусон энд Джон Фоулер» в Лидсе, «Кирнс» в Манчестере. Выдающимся был успех, достигнутый рабочими знаменитых станкостроительных заводов «Крэвен бразерс» в Стокпорте, администрация которых приобрела известность по всей стране сделанным ею во время конфликта заявлением, что она никогда не примет обратно «активных коммунистов». Конфедерация профсоюзов судостроителей и машиностроителей объявила всеобщий бойкот отливок и другой продукции заводов «Крэвен бразерс», и фирма сдалась.

В течение всего этого периода отмечался целый ряд забастовок — слишком многочисленных для того, чтобы останавливаться на отдельных из них, — вызванных использованием предпринимателями традиционного предложения о «наличии излишков» рабочей силы для увольнения настроенных по-боевому цеховых старост. Эти стачки, большая часть которых получила официальное одобрение со стороны соответствующих профсоюзов, были также в основном успешными, хотя борьба часто оказывалась продолжительной. Крупнейшей среди них была девятидневная забастовка на предприятиях авиастроительной фирмы «Шорт Бразерс энд Харлэнд» (в Белфасте), в которой участвовало 8 тысяч рабочих. Особенно значительной была победа, достигнутая в результате двухмесячной стачки, в которой участвовала тысяча рабочих завода «Дэплз мотор бодиз» в Хэпдоне.

В сентябре 1950 года Управление железных дорог отвергло требование трех профсоюзов железнодорожников об общем повышении заработной платы на 7,5—15 процентов в зависимости от занимаемой должности. В феврале 1951 года трибунал по расследованию поддержал предложение администрации об общей прибавке в 5 процентов, с тем чтобы заработная плата рабочих, оплачиваемых по самым низким ставкам, была повышена лишь на 1 шиллинг 6 пенсов. Руководящие органы Национального союза железнодорожников и Объединенного общества паровозных машинистов и кочегаров отвергли это предложение, а затем исследовали повсеместные выступления за «работу по правилам» и забастовки рабочих паровозных депо. Национальный союз железнодорожников отклонил требование министра труда, настаивавшего, чтобы союз предложил своим членам не «работать по правилам». Железнодорожная администрация

согласилась тогда на незначительное повышение заработной платы, но профсоюзы держались твердо, и переговоры провалились. Забастовки и выступления рабочих быстро распространялись по железным дорогам, и администрация поспешно пошла на дальнейшие уступки. На этот раз она предлагала общее повышение заработной платы на 7,5 процента, а для наиболее низкооплачиваемых рабочих — повышение на 6 шиллингов 6 пенсов, что должно было поднять их минимальные ставки выше 5 фунтов стерлингов. Профсоюзы приняли это предложение так же, как и предложение о сотрудничестве с администрацией в деле повышения выработки рабочих. Но к лету 1951 года эти скромные достижения были уже недостаточны, чтобы справиться с быстро растущей стоимостью жизни, и три профсоюза железнодорожников предъявили новое требование об общем повышении заработной платы на 10 процентов. В ноябре ими было предложено повышение на 8 процентов, которое и было принято.

Если не считать отдельных забастовок в Шотландии и Южном Уэльсе, в течение этого периода не было значительного стачечного движения среди горняков. Дважды проведенное повышение заработной платы хотя и не удовлетворило требований рабочих, оплачиваемых поденно по низшим ставкам, все же подняло минимальные ставки горняков до 6 фунтов 7 шиллингов для работающих под землей и 5 фунтов 10 шиллингов для работающих на поверхности. Администрация согласилась также на удлинение оплачиваемого отпуска с одной недели до двух. Хотя пятидневная рабочая неделя номинально сохранялась, Национальный союз горняков вопреки воле шахтеров согласился на возобновление «в добровольном порядке» работы по субботам или на введение сверхурочных рабочих часов. В декабре 1951 года последовало новое повышение минимальных ставок заработной платы на шахтах до 7 фунтов 6 пенсов для работающих под землей и 6 фунтов 1 шиллинга 6 пенсов для работающих на поверхности.

Из менее значительных выступлений, затрагивавших отношения между трудом и капиталом, самым интересным был конфликт между лондонскими наборщиками и их хозяевами, во время которого предприниматели пытались при помощи локаута заставить наборщиков отка-

заться от требований об увеличении зарплаты; этот конфликт парализовал осенью 1950 года все типографии столицы. Кос-кто даже язвительно спрашивал, почему против хозяев типографий не были применены карательные статьи декрета 1305 об арбитраже. Профсоюзы печатников заключили в масштабе всей страны соглашение нового типа, которое послужило образцом для соглашений, заключенных затем в других отраслях производства. Оно предусматривало изменение ставок заработной платы в зависимости от изменений индекса стоимости жизни. Один шиллинг повышения или понижения заработной платы соответствовал одному пункту повышения или понижения официального индекса, который в сентябре 1950 года составлял 114; поскольку летом 1951 года он был на уровне 124, это означало повышение недельной заработной платы на 10 шиллингов.

После победы над политикой замораживания заработной платы наибольшим успехом современного профдвижения была, несомненно, отмена декрета 1305. В течение 1950—1951 годов этот декрет, дававший правительству право запрещать забастовки, использовался наиболее наглым за все время его существования образом — в качестве орудия запугивания стачечников в ведущих отраслях промышленности. Когда на газовых заводах в Лондоне ремонтно-обслуживающий персонал потребовал добавочной оплаты в 4,5 пенса в час, то рабочим предложили прибавку лишь в 1,5 пенса. В середине сентября 1950 года рабочие Бектона забастовали, причем в течение нескольких дней их примеру последовали рабочие тринадцати других газовых заводов столицы, и стачкой было охвачено примерно полторы тысячи рабочих, труд которых имел решающее значение для обеспечения непрерывной работы предприятий. Тогда десять руководящих участников стачки были преданы трибуналу на Боу-стрит на основе закона о заговорах и защите собственности, изданного в 1875 году, и декрета 1305. Их присудили к месяцу тюрьмы каждого; причем тюремное заключение могло быть заменено в случае просьбы об этом штрафом в 50 фунтов стерлингов. Все профсоюзное движение было потрясено судом и приговором. Стачка на газовых заводах закончилась соглашением, предусматривавшим отказ администрации от преследования участников забастовок, и обязательством

приступить к пересговорам о добавочной оплате рабочих. Но главным ее результатом было учреждение — после массового митинга протеста в Гайд-парке и прошедшей с успехом специальной конференции, на которой присутствовали 389 делегатов, представлявших 194 тысячи членов профсоюзов Лондона, — Объединенного профсоюзного комитета защиты для руководства национальной кампанией за отмену декрета 1305.

Эта кампания начинала разворачиваться, когда последовало новое применение декрета 1305, применение еще более скандальное, ускорившее его отмену. Среди докеров страны продолжительное время существовало недовольство по поводу того, что им не удалось добиться реализации требований докерской хартии, принятой профсоюзами в 1945 году и предусматривающей установление минимума заработной платы в 25 шиллингов в день, двухнедельный отпуск и пенсии для престарелых портовых грузчиков. В феврале 1951 года национальная конференция представителей докеров приняла предложение предпринимателей о прибавке в 2 шиллинга, что доводило минимальную заработную плату портовых грузчиков до 21 шиллинга в день. За это предложение голосовало 46 делегатов против 23, но было так много воздержавшихся, что, как утверждали докеры, принятое решение нельзя было рассматривать как подлинное решение большинства. На следующий же день после окончания конференции забастовка протеста началась среди докеров Ливерпуля и распространилась на Манчестер. В Лондоне только немногие докеры бросили работу. 9 февраля семеро представителей докеров Лондона и Ливерпуля в руководстве неофициального Комитета портовых рабочих были неожиданно арестованы по обвинению в нарушении декрета 1305¹. Тысячи лондонских докеров немедленно забастовали. Когда в марте 1951 года дело арестованных разбиралось в главном полицейском суде на Боу-стрит, а в апреле в центральном уголовном суде на Олд Бейли, то состоялись новые забастовки, в которых каждый раз участвовало до 9 тысяч человек. Обвинителем выступал сам генеральный прокурор Хартли Шоукросс. То, что

¹ Арестованным было предъявлено обвинение в «подстрекательстве рабочих к участию в нелегальной забастовке». — *Прим. ред.*

лейбористское правительство, восягнуло на право рабочих на забастовку, организовав уголовный процесс, напоминающий недобрые старые дни судебных преследований профсоюзного движения, поистине решило судьбу декрета 1305. В то время как перед зданием суда на улице Олд-Бейли состоялась внушительная демонстрация, во время которой полиция совершила несколько нападений на демонстрантов и произвела ряд арестов среди ее участников, в самом здании суда были продемонстрированы лучшие традиции независимости английских присяжных. По одной из важнейших статей обвинительного заключения присяжные вынесли решение: «Не виновны». После этого глубоко огорченному сэру Хартли не оставалось ничего другого, как самому отказаться от остальных обвинений, и все семеро обвиняемых были оправданы. Среди еще бурного ликования, охватившего рабочих доков, эти семеро — Тед Диккенс, Гарри Констэбл, Альберт Тимоти, Боб Кросби, Уилл Джонсон, Джо Гаррисон и Джо Коулей — вошли в историю профсоюзного движения как те, кто добился отмены декрета 1305. В августе 1951 года министерство труда объявило об его отмене и издании нового декрета о промышленных конфликтах, который вводил добровольный арбитраж вместо принудительного. Хотя новый декрет содержал некоторые положения и оговорки (например, запрещение забастовок протеста против увольнений), которые могли предвещать конфликты в будущем, декрет 1305 с его категорическим запретом забастовок и локаутов был аннулирован¹.

Уже в начале 1951 года нетрудно было убедиться в том, что усиление повсеместной борьбы за повышение

¹ Прошедшая в сентябре 1951 года двухнедельная забастовка 440 продавцов Южного Уэльса, требовавших признания их профсоюза и заключения коллективного договора, предусматривающего повышение заработной платы, увенчалась полным успехом. Бастующие были работниками фирмы «Чарльз Мэзон», одного из дочерних предприятий «Интернэшнл ти компани». Продавцы в лондонских и бирмингемских филиалах компании, обескураживаясь в общей сложности 1400 продовольственных магазинов, решили объявить стачку солидарности, но предприниматели согласились заключить соглашение с Союзом работников торговой и распределительной сети и смежных профессий. Позже значительным выступлением была «сидячая» стачка пожарных, объявленная в поддержку требований Союза пожарных о прибавках к заработной плате, равных тем, которые были получены полицейскими.

заработной платы и против декрета 1305, распространение критических и оппозиционных настроений в отношении основных вопросов правительственной политики, в частности в отношении решающих вопросов внешней политики, требовали ясной и четкой программы. Это назревшее требование было удовлетворено в феврале 1951 года, когда коммунистическая партия опубликовала свою программу «Путь Британии к социализму» — документ, излагавший ее политические задачи применительно к конкретной внутренней обстановке в Англии и ее международному положению. К лету было продано уже 200 тысяч экземпляров программы «Путь Британии к социализму». За послевоенное время ни один важнейший политический документ этого рода не пользовался столь большим спросом. Притом программа коммунистической партии пользовалась спросом главным образом среди активных рядовых участников организованного рабочего движения.

Очевидные признаки перемены обстановки проявились на состоявшемся в пасхальные дни 1951 года Шотландском конгрессе тред-юнионов. Хотя политика перевооружения и была одобрена большинством в $\frac{2}{3}$ голосов, тем не менее значительно возросло число ее противников, которые решительно выступили против правого руководства и провели резолюции, которые одобрили все текущие требования относительно заработной платы, бурно протестовали против зависимости Англии от Соединенных Штатов, призывали к развитию торговли и дружественных отношений со странами лагеря социализма. Ближайший месяц принес новые признаки того, что недовольство рабочих и огор по политике лейбористов со стороны рабочих привели к изменениям, хотя и несколько своеобразным, в верхушке лейбористской партии. Об этом убедительно свидетельствовала отставка министров Эньюриана Бивена и Гарольда Вильсона и последовавшее за этим появление критической политической декларации «Только один путь», опубликованной от имени их парламентской группы.

В течение лета два из пяти крупнейших профсоюзов, входящих в Конгресс тред-юнионов, — Объединенный профсоюз машиностроителей и Национальный союз железнодорожников — солидаризировались с возглавляемыми боевым руководством союзами электриков и литей-

щиков, которые являются пионерами в борьбе за новый курс в области внешней политики. Это означало значительное укрепление лагеря сторонников политики заключения Пакта Мира между пятью великими державами, противодействия перевооружению Германии и Японии, предоставления народному Китаю его места в Организации Объединенных наций, установления мира в Корее и вывода из нее иностранных войск, независимости от США.

Симптомы острого беспокойства чувствовались даже в тщательно «очищенной» атмосфере конференции обоих крупных профсоюзов вспомогательных рабочих, изгнанных коммунистов из своих руководящих органов. Национальный союз чернорабочих и коммунальщиков, этот бастион крайне правой политики, услышал из уст одного из своих лидеров Дэвисона обращенный к правительству призыв быть более независимым в международных вопросах. Хотя Дэвисон выступал с нападками на Советский Союз, он критиковал также «воинственную позицию Америки и ее огромные по своим масштабам военные приготовления на всем земном шаре. Он никогда не наблюдал до сих пор намерений более черных и более подлых, чем те, которые питает Америка в отношении Китая»¹.

На конгрессе труд-юнионов в Блэкпуле в сентябре 1951 года уже сказалось общее усиление критических настроений в рабочем движении. На конгрессе в Брайтоне в 1950 году при обсуждении вопросов внешней политики Генеральный совет сумел провести свою политику и добился одобрения своего отчета, в котором поддерживалась война в Корее, резко осуждалось всемирное движение сторонников мира и содержались исключительно злобные нападки на левых; резолюция оппозиции собралась тогда лишь 600 тысяч голосов, то есть на каждый голос оппозиции приходилось 11 голосов сторонников Генсовета. В Блэкпуле число голосов, собранных оппози-

¹ *Daily Worker*, June 22nd, 1951. Конференция Национального союза чернорабочих и коммунальщиков не поддержала Дэвисона, но она единогласно приняла резолюцию, «приветствующую любые переговоры», которые ослабили бы опасность третьей мировой войны, и «выражающую горячую надежду» на скорейшее прекращение войны в Корее и установление большего взаимопонимания с Китаем.

цией, приближалось при голосовании по мандатам к 2 миллионам, колеблясь от 1 795 тысяч, полученных ею при обсуждении вопроса о торговле между Востоком и Западом (и независимости от США), до 2 608 тысяч по вопросу о перевооружении Германии и Японии. Таким образом, за год большинство, которым располагал Генеральный совет, сократилось в среднем до уровня, немногим превышавшего два голоса на каждый голос оппозиции, и это несмотря на то, что были предприняты все меры для разжигания предрассудков путем использования всякого рода затасканных антисоветских и антикоммунистических слухов, инспирированных США. Примечательно при этом, что оппозиция в Блэкпуле была представлена примерно в одинаковой степени как коммунистами, так и прогрессивными элементами лейбористской партии¹.

Под тем предлогом, что начиналась как раз кампания по подготовке к парламентским выборам, на конференции лейбористской партии в Скарборо в начале октября ее руководителям удалось искусно избежать острой полемики, которая явно назревала, что ощущалось уже в повестке дня, включавшей в себя резкие критические резолюции местных организаций. Но настроения, преобладавшие среди рядовых участников рабочего движения, нашли свое отражение в избрании сторонников Бивена в качестве представителей от местных организаций лейбористской партии в ее исполком и скандальном поражении Шинуэллы.

Этот этап нашей истории завершается парламентскими выборами в октябре 1951 года. Выборы были битвой, в которой прежде всего участвовали рядовые рабочие на предприятиях, рядовые члены профсоюзов. Распространившиеся было сначала в рядах рабочего движения пораженческие настроения были рассеяны в результате активной деятельности цеховых старост и местных организаций профсоюзов, вдохновляемых и руководимых коммунистами и активистами из рабочего класса. Продиктованное интересами единства решение коммунистической партии сократить число выставляемых ею кандидатов до символического десятка освободило мощный отряд лучших бойцов армии рабочего класса для борьбы

¹ *Labour Monthly*, October, 1951, pp. 467—474.

вместе со своими товарищами по оружию из лейбористской партии против натиска консерваторов. Таким образом, несмотря на крайне неутешительный для лейбористского правительства итог его пребывания у власти, несмотря на надвигающуюся катастрофу, вызванную политикой гонки вооружений, и неспособность лейбористского руководства предложить какую-либо положительную политическую программу, надежды консерваторов на легкую победу оказались разбиты. Окончательные итоги выборов были следующие: консерваторы получили в парламенте 321 место, лейбористы — 296, либералы — 6, ирландские националисты — 2. Кандидаты — сторонники Бивена выступали с заметным успехом. Все они удержали те парламентские места, вокруг которых шла упорная борьба, получив больше голосов, чем на предшествовавших выборах. Черчилль в конечном счете обеспечил себе в парламенте большинство лишь в 17 депутатов. К тому же это консервативное большинство было избрано меньшинством голосов. Общее количество голосов, полученных лейбористами, достигло наивысшего уровня за все время существования их партии. Оно составляло 13 952 105. Общее же количество голосов, поданных за консерваторов, было 13 718 069.

На своем первом заседании после сформирования правительства Черчилля Генеральный совет Конгресса тред-юнионов в нарушение обычного порядка работы выступил с декларацией об отношении к правительству. Подчеркнув, что он остается на прежних позициях, он заявил, что надеется поддерживать «дружественные отношения» с министрами-консерваторами. Несколько дней спустя Том Уильямсон, генеральный секретарь Национального союза чернорабочих и коммунальчиков, один из правых лидеров Генерального совета, сделал примечательное заявление на конференции, которая была созвана Конфедерацией британских предпринимателей и на которой присутствовал новый министр труда и представитель американской Администрации экономического сотрудничества¹. Уильямсон подчеркнул «необходимость реалистической оценки как профсоюзами, так и администрацией предприятий затруднений национальной экономики Англии». Он заявил далее:

¹ Администрация паши Маршалла. — *Прим. ред.*

Непосредственная задача заключается не столько в повышении нашего уровня жизни, сколько в сохранении того уровня, которого мы достигли. Самый гениальный план раздела пирога не сделал бы его больше. «Мы стоим перед лицом неумолимой необходимости исследовать любую возможность для расширения выпуска продукции либо примириться с неизбежными последствиями снижения нашего уровня жизни и ослабления нашего национального престижа». Многие из затруднений, мешающих введению новой техники, возникли вследствие того, что профсоюзы «не располагали людьми, способными как следует понять, что делается, или что происходит».

Но значение этих проявлений монизма нового типа было резко ослаблено событиями иного порядка. Предложение Гарри Поллита созвать конференцию лейбористской партии для разработки новой политики вызвало немедленный отклик. Резолюция с этим требованием была подписана всеми пятьюдесятью делегатами, представлявшими сорок местных организаций на неофициальной конференции Объединенного профсоюза машиностроителей в Шеффилде, на которой выступил Гарольд Вильсон, главный помощник Бивена. Общее отрицательное отношение рядовых членов профсоюзов к «дружественной» в отношении правительства линии Генерального совета было засвидетельствовано прежде всего местными и областными организациями машиностроителей и горняков и такими ведущими советами профсоюзов, как Лондонский.

О растущих боевых настроениях масс красноречиво свидетельствовала охватившая всю страну кампания, организованная в первой половине ноября 1951 года Конфедерацией профсоюзов судостроителей и машиностроителей и входящими в нее тридцатью восемью союзами с целью продемонстрировать решимость трех миллионов рабочих-металлистов добиться повышения заработной платы на один фунт стерлингов в неделю. Большие митинги состоялись в Глазго, Бирмингеме (здесь на митингах присутствовали делегаты, представлявшие 250 тысяч рабочих), в бассейне реки Тайн (где на митингах были

¹ *The Observer*, November 4th, 1951.

представители 70 тысяч рабочих), в бассейне реки Мерсей (представители 50 тысяч рабочих), в Шеффилде (представители 60 тысяч рабочих), в Белфасте и Манчестере; митинг при факельном освещении в Манчестере был, как отмечалось, самой внушительной с 1926 года демонстрацией силы рабочего класса. В Южном Уэльсе горняки избрали новым председателем своей профсоюзной организации выдающегося коммуниста Уила Пэйнтера, который получил 41 927 голосов против 34 002 голосов, поданных за ортодоксального лейбориста. Видный член Генерального совета генеральный секретарь Национального союза железнодорожников Д. Б. Фиггинс накануне своей поездки в Советский Союз во главе делегации железнодорожников писал в органе возглавляемого им профсоюза: «Если английское рабочее движение ставит своей целью защиту интересов не только рабочих, но и всего английского народа, оно должно оценить все значение переживаемого периода и крайнюю необходимость предпринять энергичные действия - радикально изменить свою политику и разъяснить этот шаг народу»¹.

Сейчас, в январе 1952 года, когда просматриваются эти заключительные строки, можно определенно сказать, что профсоюзы и прежде всего их местные организации являются сердцем и ядром рабочего движения. На них в первую очередь ложится ответственность за организацию в более широких масштабах современной борьбы рабочего класса и за те объединенные боевые выступления, которые были характерны для последних парламентских выборов. Это означает не только необходимость проводить в широком масштабе кампании за повышение заработной платы и спланировать неорганизованных рабочих (важность этого, несомненно, подтверждена результатами парламентских выборов), что затрагивает также вопрос о политических позициях пизовых организаций профсоюзного движения. Серьезное внимание боевых представителей местных организаций профсоюзов, выступающих в союзе с коммунистами, к местным организациям лейбористской партии могло бы изменить положение внутри партии лейбористов и заложить основу для решительного классового руководства, что диктуется требованиями переживаемого момента. Опасность угрожает

¹ *Railway Review*, November 2nd, 1951.

сейчас самому скромному жизненному уровню всего рабочего класса. Индекс стоимости жизни достиг уже 130 (1947 год = 100). Консерваторы говорят о предстоящих «больших и тяжелых лишениях», хотя представляемый ими класс разжирел от чудовищного избытка небывалых и все растущих прибылей, увеличившихся за время с 1948 по 1950 год на 13 процентов (общая сумма прибылей достигла за этот период 2 147 миллионов фунтов стерлингов), а с 1950 по 1951 год, только по неполным данным, на 23 процента. Очевидно, что защитить жизненный уровень рабочих нельзя без борьбы за облегчение тягостного бремени вооружений, то есть без борьбы за мир. А борьба за мир означает объединение с миролюбивыми силами человечества — с Советским Союзом, странами народной демократии, народным Китаем — и разрыв с агрессивной Америкой.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абрахам 69
 Айзекс Джордж 180
 Аллен Уильям 38, 39, 40, 42
 Андерсон Джон 23
 Арнольд, д-р 33
 Арч Джозеф 45, 52
 Асквит, лорд 73, 79

Бакмастер, лорд 86
 Бакстон 51
 Барнс Дж. II. 95
 Бевин Эрнест 49, 95, 104, 105,
 111, 119, 120, 124, 130, 133,
 134—136, 139, 143, 153—156,
 172, 185
 Бернс Джон 49, 51, 54, 55, 57
 Бернетт Джон 40, 48
 Берт Томас 41
 Бивен 207—209
 Бивербрук, лорд 125
 Болдуин 117, 123, 135, 145, 147
 Боули 149
 Браннер 49
 Бродхёрст Генри 48, 49, 54
 Бромли Фред 116, 119
 Брэйс Уильям 69

Вильсон Хавелок 130
 Вильсон Гарольд 209

Гайл Даниэль 39
 Гайдман Г. М. 49
 Галлахер Уильям 93, 95, 99, 182
 Гарди Кейр 49, 54, 56, 57, 62, 84
 Гарибальди 43
 Гаррисон Джо 204
 Гаст Джон 25, 28
 Гендерсон Артур 84, 93, 95, 126,
 138

Гендерсон Сэм 190
 Гибсон Джордж 166
 Гиффен Роберт 47
 Грей, лорд 62
 Грин 179
 Гринвуд 156
 Грэхэм Уильям 38

Даусон 140
 Девопорт, лорд 71, 73
 Джонсон Уилл 204
 Дикин Артур 185, 192
 Диккенс Тед 204
 Догерти Джон 28, 29
 Дубинский Давид 192
 Дьюкс Чарльз 124
 Дэвисон 206

Камерон А. Дж. 104
 Каулсон Эдвин 39
 Кейнс Дж. М. 98
 Кирквуд Давид 93
 Клайнс Дж. Р. 112
 Кол Дж. Д. Х. 110, 111, 138,
 149
 Коллисон Уильям 55
 Конли А. 130, 144
 Коннолли Джеймс 64, 78,
 Контстабл Гарри 204
 Коулей Джо 204
 Криппс Стаффорд 155, 187, 188
 Кросби Боб 204
 Крукс Уилл 61
 Крэмп С. Т. 120, 126
 Кук А. Дж. 114, 118, 125, 126,
 129
 Кьюцца Мани Л. Дж. 63
 Кьюбит 32
 Кэмпбелл Дж. Р. 146

Лавлесс, братья, Джордж и Джеймс 33
Ларкин Джим 64, 78
Ленин В. И. 61, 67, 77, 103
Ленсбери Джорж 70, 84
Лински 184
Ллойд Джордж 65, 66, 68, 81, 93, 99, 100
Ллойд Мэри 64
Лондондерри, лорд 36

Макгонигл 149
Макдональд Александр 41
Макдональд Джеймс 59
Макдональд Джеймс Рамзей 56, 59, 62, 64, 81, 84, 107, 113, 114, 119, 120, 135, 137, 138, 185
Маклин Джон 93, 94
Макманус Артур 93
Манн Том 49, 51, 54, 69, 114
Маннинг, кардинал 51,
Маркс Карл 21, 42, 43
Маркс Элеонора 50, 51, 53, 56
Мелчетт, лорд (Монд) 129, 132
Моррис Уильям 48
Моррисон Герберт 103, 159, 182
Моррисон Джеймс 30, 33
Мосли 141, 155

Николаева К. И. 162
Ньютон Уильям 38

Оджер Джордж 39, 43
О'Коннор Фергюс 35
Орр Джон 149
Осборн 66
Оуэн Роберт 30, 31

Папуорт А. Ф. 190
Перселл А. А. 115, 125
Пендерин Дик 26
Пиль Роберт 29
Пиретти Филипп 182
Питт Уильям 23
Плейс Френсис 23, 25, 29
Поллит Гарри 103, 114, 130, 209
Поттер Джордж 44
Пью 121
Пэйнтер Уилл 210

Ренсимен 91
Робертс У. П. 35

Роулэндс 143
Роунтри 149

Саймон Джон 125
Сайян Луи 193
Сильвестр Джон 23
Ситрин Уолтер 49, 119, 132, 134, 140, 142, 143, 147, 148, 152—157, 159, 162, 166, 167, 170, 184
Скотт Джо 167
Смарт У. 159
Смилли Роберт 66, 78, 100
Смит Эллис 137
Сноуден Филипп 78, 137, 138
Солтер Артур 158
Спенсер Дж. А. 127, 150
Стэнли Сидней 184
Суэлс А. Б. 119
Сэмюэль Герберт 120, 121, 125
Сэнки, лорд 100

Таннер Джек 93, 182
Тиллет Бен 51, 57, 113
Тимоти Альберт 204
Томас Д. А. (лорд Ронта) 75
Томас Дж. Х. 75, 101, 104, 119, 120, 122, 124, 137, 138
Торн Уилл 50, 54, 84
Трумэн 186
Тьюсон Уинсент 184
Тэйлор 133

Уилберфорс 23
Уильямс Роберт 111
Уильямс Эван 121
Уильямсон Том 208
Уитли Дж. 95, 132
Уокер Джеймс 152
Уолстекрофт Фрэнк 162
Уэббы 26, 39, 45, 79, 83, 107, 156

Фиггинс Д. Б. 210
Филиппс Морган 189

Ханнингтон Уол 139, 167
Хантер Томас 26
Хатчинсон Зеф 136
Хелбури Том 25
Хикс Джордж 115, 125, 129
Хилл Джон 153

Хиллмэн Сидней 181

Ходж Джон 95

Ходжес Франк 105, 110, 114

Холдейн 62

Хор Сэмюэль 153

Хорнер Артур 144, 186

Чемберлен Невилл 152—155, 157, 159

Черчилль Уинстон 66, 71, 73, 88, 89, 118, 125, 157, 161, 182, 208

Шверник Н. М. 162

Шингуэлл Э. 130

Шингтон Джорж 48

Шоу, лорд 102

Шоукросс Харлан 203, 204

Эвелинг Эдуард 50, 53

Эдуард VII 62

Энгельс Фридрих 21, 27, 38, 45—51, 56

Эплгарт Роберт 39, 40, 42

Эттли 139, 183, 185, 186

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Акт об избирательной реформе (1832 г.) 29
Акт об избирательной реформе (1867 г.) 42
Акт о производстве вооружения (1915 г.) 91
Акт о тред-юнионах (1871 г.) 43
Акт о тред-юнионах (1876 г.) 43
Акт о тред-юнионах (1913 г.) 66
Акт о тред-юнионах (1927 г.) 135, 173
Акт об установлении десятичасового рабочего дня (1847 г.) 37
Акт о хозяйстве и слуге 42
Акт о чрезвычайных полномочиях (1920 г.) 102, 109, 113
Акт о шахтах (1860 г.) 41
Акты о запрещении союзов (1799—1800 гг.) 22, 25, 28, 128
Акты о союзах (1824—1825 гг.) 42
Американская федерация труда 170, 179, 188, 191—193
Амстердамский интернационал профсоюзов 57, 115, 116, 179
Англо-русский Комитет единства 116
Англо-Советский профсоюзный комитет 161, 175, 179
Ассоциация горняков (1841 г.) 35, 41
Ассоциация железнодорожных конторских служащих 74
Ассоциация конторских служащих государственных учреждений 199
Ассоциация научных работников 172
- Битва в Гайд-Парке (1866 г.) 42
Бруклендское соглашение 55, 65
Бюро исследований по вопросам труда 101
Бюро по выплате пособий безработным 145
- Великий всеобщий союз Соединенного Королевства 28
Великий национальный объединенный союз профессий (1834 г.) 22, 31—34
Всемирная конференция профсоюзов в Лондоне (1915 г.) 179
Всемирная федерация профсоюзов 181, 183, 185, 188, 191—193
Всемирный конгресс профсоюзов, Первый 181
Всеобщая забастовка за введение восьмичасового рабочего дня (1834 г.) 30
Всеобщая забастовка (1842 г.) 35
Всеобщая забастовка (1926 г.) 115—130
Всеобщая забастовка в Дублине (1913 г.) 78
Всеобщая конфедерация труда 191

Всеобщая федерация тред-юнионов 57, 84
Всеобщий союз железнодорожных рабочих 52, 65, 74
Всеобщий союз плотников и столяров (1827 г.) 25
Всеобщий союз профессий (см. «Филантропическое общество», «Филантропические Геркулесы») 28

Генеральный совет Конгресса тред-юнионов 104, 105, 114—127, 129, 130, 132, 134, 136—143, 146, 148, 153—155, 157, 159, 162, 163, 165—168, 173—177, 179, 188, 190, 192, 196—199, 206—210
Голодный поход безработных (1932 г.) 139

Движение за девятичасовой рабочий день 41
Делегация ВЦСПС 162
Дело «толпаддлских мучеников» 33, 34
Дружественное общество квалифицированных рабочих—машиностроителей и монтеров (1826 г.) 38

Забастовка горняков Северо-восточного побережья (1810 г.) 24
Забастовка горняков Южного Уэльса (1816 г.) 24
Забастовка горняков Южного Уэльса (1915 г.) 91
Забастовка кирпичников в Манчестере 26
Забастовка ланкаширских прядильщиков (1818 и 1826 гг.) 24, 28
Забастовка рабочих транспортной службы Лондона (1924 г.) 113
Забастовка шотландских ткачей (1812 г.) 24

Интернационал, Первый 42—44
Интернационал, Второй 53, 54, 84
Интернационал транспортников 192
Ирландский союз транспортников и неквалифицированных рабочих 78

Клайдская забастовка (1915 г.) 90, 91
Клайдский комитет рабочих 91—93
Комитет авиационных рабочих Лондонского округа 87
Комитет петиции Криппса 155
Комитет портовых рабочих 203
Комитет рабочего представительства 59, 60
Коммунистическая партия 107, 108, 141, 147, 151, 174, 175, 182, 189, 198, 205, 207
Конгресс единства и действия 139
Конгресс производственных профсоюзов США 170, 179
Конгресс тред-юнионов 44, 48, 49, 53, 54, 56—58, 84, 85, 96, 97, 102, 103, 108, 109, 115, 116, 119, 121, 124, 128, 131, 135, 137, 145, 153, 154, 156, 157, 159, 165, 167, 168, 171, 173—177, 179, 183, 184, 189, 190—192, 196, 205
Конгресс тред-юнионов в Бирмингеме (1869 г.) 44
Конгресс тред-юнионов в Эддинбурге (1896 г.) 58
Конгресс тред-юнионов в Бирмингеме (1897 г.) 57
Конгресс тред-юнионов в Плимуте (1899 г.) 58
Конгресс тред-юнионов в Суонси (1901 г.) 60
Конгресс тред-юнионов в Манчестере (1913 г.) 78
Конгресс тред-юнионов в Кардиффе (1921 г.) 105
Конгресс тред-юнионов в Плимуте (1923) 114
Конгресс тред-юнионов в Гулле (1924 г.) 114, 115

Конгресс тред-юнионов в Суонси (1928 г.) 129, 130
Конгресс тред-юнионов в Ноттингеме (1930 г.) 136
Конгресс тред-юнионов в Брайтоне (1933 г.) 142
Конгресс тред-юнионов в Уэймуте (1934 г.) 143, 144
Конгресс тред-юнионов в Плимуте (1936 г.) 153
Конгресс тред-юнионов в Норидже (1937 г.) 152, 156
Конгресс тред-юнионов в Блэкпуле (1938 г.) 154
Конгресс тред-юнионов в Эдлинбурге (1941 г.) 162
Конгресс тред-юнионов в Саутпорте (1943) 175, 179
Конгресс тред-юнионов в Блэкпуле (1944) 175, 177
Конгресс тред-юнионов в Блэкпуле (1945) 183
Конгресс тред-юнионов в Брайтоне (1946) 186
Конгресс тред-юнионов в Саутпорте (1947) 188
Конгресс тред-юнионов в Маргете (1948) 192
Конгресс тред-юнионов в Бридлингтоне (1949) 196
Конгресс тред-юнионов в Брайтоне (1950 г.) 198, 206
Конгресс тред-юнионов в Блэкпуле (1951 г.) 206
Конфедерация британских предпринимателей 157, 208
Конфедерация профсоюзов рабочих металлургической промышленности 96
Конфедерация профсоюзов судостроителей и машиностроителей 166, 199, 209
Королевская комиссия, изучающая вопросы, связанные с законом о бедных 63
«Красная пятница» 117
Красный интернационал профсоюзов 114, 116,
«Кровавое воскресенье» 50

Лейбористская партия 59, 78, 96, 103, 106—108, 120, 127, 135, 141—145, 152, 155, 175, 182, 207, 209
Ливерпульское кооперативное общество 72
Лига борьбы за девятичасовой рабочий день 40
Лига борьбы за установление законом восьмичасового рабочего дня 53, 54
Лига закона и свободы (1887 г.) 50
Лондонский совет профсоюзов 44, 107, 139, 190
Лондонское общество лаборщиков 70

Международная конфедерация свободных профсоюзов 193
Международная конфедерация христианских профсоюзов 193
Международная рабочая лига 53
Мондизм 129, 131, 135, 209

Народный съезд в Лондоне (1941 г.) 160
Национальная ассоциация защиты труда 28, 29
Национальная ассоциация рабочих всех профессий (1845 г.) 36
Национальная конфедерация организаций предпринимателей 97, 129, 136, 137
Национальная лига борьбы за независимость Польши 43
Национальная лига реформ 42
Национальная организация цеховых старост и рабочих комитетов 92
Национальная федерация рабочих 70
Национальная федерация рабочих строительной промышленности 106

Национальное движение безработных 109, 139, 140
Национальное движение меньшинства 114, 121, 130, 137
Национальное общество типографских рабочих (1845 г.) 36
Национальное управление по вопросам труда в доках 195
Национальный арбитражный трибунал 158, 159, 199
Национальный комитет деревообделочников авиационной промышленности 88
Национальный комитет Объединенного профсоюза машиностроителей 161
Национальный промышленный совет 129, 132, 136
Национальный профсоюз журналистов 173
Национальный профсоюз печатников 53, 123
Национальный совет труда 141, 143, 145, 153, 159
Национальный совет цеховых старост авиационной промышленности 150
Национальный совет цеховых старост машиностроительной и смежных отраслей промышленности 164
Национальный совещательный комитет 165
Национальный союз горняков (1863 г.) 41
Национальный профсоюз горняков (1945) 171, 186, 197, 201
Национальный союз железнодорожников 74, 75, 80, 97, 101, 113, 120, 134, 158, 168, 169, 194, 200, 205
Национальный союз литейщиков 24, 166
Национальный союз рабочего класса и других (1831 г.) 29
Национальный союз чернорабочих и коммунальников 105, 106, 130, 134, 167, 197, 206, 208
Независимая рабочая партия 56, 59, 68, 95, 141
«Неофициальное движение за реформы» 69
«Новый юнионизм» 47, 53, 55

Общество взаимопомощи горняков (1831 г.) 22
Общество взаимопомощи чугунолитейщиков (1809 г.) 24
Объединенная ассоциация горняков 41
Объединенное общество деревообделочников 25, 87, 106
Объединенное общество железнодорожников 52, 58, 60, 65, 66
Объединенное общество механиков 38—40, 45, 53, 54, 70, 90, 106
Объединенное общество паровозных машинистов и кочегаров 74, 75, 113, 142, 171, 174, 200
Объединенное общество плотников и столяров 40
Объединенные горняки Шотландии 131
Объединенные производственные комитеты 165, 169
Объединенные промышленные советы 95, 172
Объединенный консультативный комитет 157
Объединенный профсоюз машиностроителей 93, 106, 112, 131, 151, 154, 160, 168, 170, 171, 174, 191, 194, 205, 209
Объединенный профсоюзный комитет защиты для руководства национальной кампанией за отмену декрета 1305 203
Объединенный профсоюз рабочих строительной промышленности 106
Объединенный совещательный совет 157

Парламентский комитет Конгресса тред-юнионов (см. Генеральный совет Конгресса тред-юнионов) 44, 104

Парламентский совет предпринимателей 55
План Маршалла 187, 191, 192, 208
Принудительный арбитраж (декрет 1305) 158, 202—204
Производственный профсоюз строительных рабочих 69
Промышленное бюро 68, 172
Промышленный комитет 122
Промышленный союз 120
Профсоюз банковских служащих 173
Профсоюзный консультативный комитет по вопросам восстановления Европы 192
Профсоюз работников страховых компаний 173
Профсоюз рабочих химической промышленности 173
Профсоюз чертежников машиностроения и судостроения 166, 173

Рабочая хартия 137
Рабочий союз 68, 105

Синдикализм 34, 69, 92
Совет гражданских свобод 141
Советы по вопросам заработной платы 172
Социал-демократическая федерация 49, 55, 56, 59, 60
Социалистическая лига 144
Социалистическая рабочая партия 92
Союз докеров 52, 57
Союз железнодорожных конторских служащих 171
Союз кораблестроителей 25
Союз рабочих металлургической промышленности 152
Союз моряков и конюсаров (1887 г.) 52
Союз печатников 53
Союз пожарных 204
Союз почтово-телеграфных служащих 173
Союз прядильщиков хлопка 26
Союз работников торговой и распределительной сети и смежных профессий 171, 204
Союз рабочих газового производства 52—54, 106
Союз рабочих газового производства и чернорабочих 50, 51
Союз стрелочников и сигнальщиков 74
Союз строителей паровых машин (1824 г.) 25
Союз строительных рабочих 30
Союз транспортных и неквалифицированных рабочих 105, 106, 112, 134, 141, 151, 154, 167, 168, 171, 185, 190, 197
Союз шотландских горняков 130
Союз электриков 199
Союзный клуб 25, 26

Тафф-Вейльское дело 59—61
«Тройственный союз» 80, 81, 96, 99, 101, 102, 109, 110

Фабричное общество 59
Федерация британских промышленников 97, 136
Федерация горняков 52, 66, 76, 80, 99, 102, 103, 107, 109, 110, 114, 117, 120, 121, 123, 126, 127, 134, 146, 147
Федерация горняков Южного Уэльса 91, 144, 145

Федерация предпринимателей 88

Федерация транспортных рабочих 71, 72, 80, 105, 111

Хартия безработных 109

Хартия промышленных рабочих 114

Цеховые старосты 89—97, 150

Чартизм 35

«Черная пятница» 110, 111

«Черный циркуляр» 146, 147, 166, 170, 174, 189

Шотландский конгресс тред-юнионов 198, 205

Шотландское общество железнодорожников 52

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Предисловие к четвертому английскому изданию	19
Первый период	
Глава 1. Профсоюзы как школа борьбы (1800—1850 гг.)	21
Второй период	
Глава 2. «Оборона, а не наступление» (1850—1880 гг.)	37
Третий период	
Глава 3. «Новый юнионизм» (1880—1900 гг.)	47
Глава 4. Тред-юнионы начинают заниматься политикой (1900—1910 гг.)	58
Глава 5. Великое наступление (1910—1914 гг.)	67
Четвертый период	
Глава 6. Тред-юнионы — «часть социальной машины государства» (1914—1918 гг.)	83
Глава 7. Послевоенный кризис (1919—1924 гг.)	98
Глава 8. Всеобщая забастовка и ее последствия (1925 — 1929 гг.)	115
Глава 9. Путь к катастрофе (1930—1939 гг.)	131
Глава 10. Тред-юнионы и война (1939—1942 гг.)	156
Глава 11. На пути к победе и миру (1943—1945 гг.)	170
Глава 12. Послевоенный кризис (1945—1951 гг.)	181
Указатель имен	212
Предметный указатель	215

Аллен Хатт
АНГЛИЙСКОЕ ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Редакторы *Н. А. Ковальский и В. Е. Ревин*

Технические редакторы *А. И. Никифорова*
и *В. И. Шаповалов*

Корректор *Н. И. Мильчина*

Переплет художника *А. Г. Кудрявцева*

Сдано в производство 3 III 1954 г.

Подписано к печати 24 V 1954 г.

A04763. Бумага $84 \times 108\frac{1}{2}$ = 3,5 бум. л.

11,5 печ. л. Уч.-изд. л. 12,1. Изд. № 6, 2300

Цена 8 р. 75 к. Зак. 185

Издательство иностранной литературы
Москва, Ново-Алексеевская, 52

20-я типография «Союзполиграфпрома»
Главиздата Министерства культуры СССР
Москва, Ново-Алексеевская, 52

КНИГИ,

ВЫШЕДШИЕ ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ

1. **Фостер У. Очерк политической истории Америки,** стр. 918, ц. 20 р. 75 к.
2. **Тим Бак, 30 лет коммунистического движения в Канаде,** стр. 239, ц. 10 р.
3. **Мацек Й. Гуситское революционное движение,** стр. 232, ц. 6 р. 70 к.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

1. **Ангелов Д. Богомилство в Болгарии,** 14 л.
2. **Липс Ю. Происхождение вещей,** 30 л.

Книги можно приобрести в магазинах книготоргов, а также выписать по почте через отделы «Книга — почтой», которые имеются в республиканских, краевых и областных центрах Союза ССР

ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
12	9 сверху	расширен	расширен
36	4 снизу	провинциальные	провинциальный
102	5 снизу	действия в	действия и
220	1 сверху	Федерация	Федерация
221	5 сверху	школа	школы

8p. 75k.